НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

АФГАН

ЭДУАРД

БЕЛЯЕВ

МУСУЛЬМАНСКИЙ БАТАЛЬОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор — писатель-журналист — собрал разрозненные воспоминания участников ставшей уже далекой афганской войны и, пропустив эту боль через свое сердце, призывает нас не забывать оставшихся навечно лежать в чужой земле и тех, кому посчастливилось выжить, но пришлось идти дальше по жизни с исковерканной судьбой и искалеченной душой.

- Эдуард Беляев
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Эпилог
- notes
  - 1

Эдуард Беляев
Мусульманский батальон

Солдату и офицеру «мусульманского батальона» — помни себя!..

Теперь нам кажется, что об афганской войне мы знаем все или почти все.

Да, афганская война — это наша биография. Биография страны. И какая бы она ни была — героическая, кровавая, позорная, — такой теперь останется навсегда.

Война более многозначна, чем мир.

Для одних это подвиг, мужество, героизм, для других — позор, кровь, смерть тысяч ни в чем не повинных людей.

Будем же правдивы перед собой и историей, не станем смешивать святое и грешное, низменное и высокое.

Всего хватало на этой войне…

(Из прочитанного)

Глава первая
ПРЕЛЮДИЯ К БОЮ

Май семьдесят девятого. Весна, а в Туркестане жара уже полностью вошла в свои права — в тени за двадцать пять. Чертыхаясь, мотаюсь с утра до ночи в суетных, утомительных, надоедливых служебных хлопотах, по делам газетным. Без привычки к солнцепеку как-то не очень до созидания. «И отрываюсь, полный муки, от музы, ласковой ко мне», — вроде бы Баратынский, но мало утешения от строк его прекрасных. Однако миновать Чирчик и 15-ю отдельную бригаду специального назначения было бы грешно — дружба обязывала. Кроме того, соскучился по прекрасным ребятам, с которыми провел детство без детства в стенах суворовского училища, а позже и в курсантской юности бузили.

1

С Сережей Груздевым, красивым ветреным малым, нисколько не изменившимся за те годы, что мы не виделись, встретились как-то не так. Желая сделать сюрприз, я дежурному офицеру не назвался, попросил вызвать «товарища подполковника». А когда он появился, мы встретились глазами, молча ступили навстречу друг другу, крепко обнялись и замерли.

— Пошли, Эд! — Это мне. — Пропустить! — Это дежурному. — Чай и водку. — Поджидавшему верзиле прапорщику. И больше ни единого слова до того момента, пока мы не переступили порог его кабинета.

— Сережка, я рад… — начал я очень искренне.

— Я тоже, — перебил меня подполковник бригады спецназа.

…Мы пили водку без чая и вспоминали, вспоминали, перебивая друг друга без всяких извинений. Сергей машинально достал из ящика стола два шарика для пинг-понга и закуролесил ими в пальцах.

— Помилуй бог, Сережка, неужто не забываешь? — непритворно обрадовался я, охваченный теплом, пришедшим вдруг издалека.

— Балуюсь иногда, даже концерты даю по праздникам.

Мы когда-то участвовали в художественной самодеятельности. Сергей очень профессионально работал с фокусами, я же по-дилетантски подражал Борису Брунову,

популярному конферансье, и читал-выкрикивал политсатиру: «К нам в восемнадцатом году приехал мистер Зэд, он стряпал прямо на ходу статьи для всех газет. Он призван был любой ценой, не ведая стыда, порочить наш советский строй — республику труда…» Этот «идеологический онанизм» должен был повысить классовую убежденность будущих защитников родины, воспитать в них непримиримую ненависть к врагам социализма и крепить боеспособность как отдельно взятой личности, так и армии в целом. От такого словоблудия не мог «родиться ребенок», но его с надеждой и упрямо вынашивали, лелеяли, пестовали и — декламировали. С надсадным надрывом и старательно, до скупой похвалы замполита. Нам тогда было по восемнадцать лет, и что мы могли понимать? Даже если и подозревали…

Ближе к вечеру подтянулись свободные от службы офицеры, и мы во главе с начальником штаба Толей Стекольниковым убыли в «известном направлении». Поели-попили, поголосили вразнобой разудалые, с грустью пополам, песни (Стекольников прекрасно играет на баяне, к тому же обладает рокотно-бархатистым баритоном), и мы с Сергеем отправились ночевать к нему домой. Конечно, сразу не улеглись и долго еще разговаривали. Сережа сказал, что прошел собеседование и месяца через два отчаливает к казахам под Алма-Ату, в городишко Капчагай, что на Или-реке, «коноводить» 22-й отдельной бригадой специального назначения.

— Стало быть, настроение у тебя чемоданное, Сережа?

— Не скажи. Здесь такое заваривается — дух некогда перевести.

Тогда-то, в мае, я впервые услышал о формировании странного спецбатальона, в последующем упрощенно названного «мусульманским», и его предполагаемой задаче — передислоцироваться в «страну, где неспокойно» («Смекай», — подмигнул мне Груздев), и принять на себя некие охранные обязанности по «защите тела» здешнего лидера.

— Сергей, либо ты валяешь дурака, либо дурака валяют с вами. На кой ляд спецназу ГРУ взваливать на себя не свойственные ему полицейские функции полевой жандармерии.

— Не кипятись… Ясно, что не будем сторожевать. А что и как, прояснится со временем. От этих недомолвок, ужимковатой игры в молчанку, как в пионерской «Зарнице», смех разбирает. Каждый день и час куда-то условно наступаем, атакуем хрен знает кого, рыпаемся в никуда. И все это медленно, но неотвратимо, как землетрясение, любовь или понос — когда знаешь, что это пришло, но не знаешь, как долго оно будет длиться. Сейчас от другого голова пухнет: где их, мусульман — таково требование, — набрать под это дело? Во всех спецназах

нет ни одного туркмена, узбека, казаха, таджика, киргиза. Думали, у десантников понащипываем, но начальник управления категорически против заимствования джигитов у Сухорукова (командующего ВДВ). С улицы не наберешь и в аулах не отловишь. Черт знает, как быть. Пару офицеров с трудом нашли, и — пока все. Знаешь, тут Колесник припожаловал, предстал пред наши очи и всем этим заправляет. С группой товарищей, как и положено, во всеоружии планов и идей. Ни черта толком не говорит, зато напирает слегка, стращает несильно и крепко бушует…

— Постой, постой, а он-то при чем и откуда здесь? Его спецназовский надел ведь в костромских лесах, и там надлежало бдеть бы, чтобы его «сусанины» в чащобах не блуждали.

— А вот явился — не запылился. Да будет тебе известно: досточтимый Василь Василич переведен в главное управление — это раз. И два — он как раз и есть тот самый главный «замутитель треклятой чудаковатости». Да завтра увидишься с ним, он будет на прыжках, вот и попробуй все выяснить.

Утром прыжки состоялись, как и наша встреча с Василием Колесником. Он — полковник, старший офицер Пятого управления ГРУ — «направленец на Среднюю Азию», курировал две бригады: 15-ю (Чирчик, Туркестанский) и 22-ю (Капчагай, Среднеазиатский военный округ) — мало изменился за два года. Мы не были близкими друзьями, даже приятелями. Виделись раза три-четыре при всяких неофициальных обстоятельствах. Как-то раз, правда, накрепко памятных. В 1975 году праздновали 30-летие Победы в Великой Отечественной войне. Я набирался впечатлений в Москве около Большого театра, где традиционно собирались ветераны 38-й армии, из которой я родом, — так всегда утверждал мой отец, и ему нежно вторила моя мама. Тогда он еще был жив, и мы стояли вместе с ним на площади — торжественные, взволнованные и трезвые. И надо же — из людской толчеи, из гомона и шума городского появился статный полковник с пышными усами: с гордой статью, взволнованный и, простите, слегка подшофе.

— Скажи-ка мне, кадет, на милость, ты отчего не пребываешь в присутственном месте в сей час, а здесь стоишь и полной жизнью не живешь, товарищей забыл, не привечаешь? — Так велеречиво «ломал комедь» полковник Гертруд Глушаков, прекрасный человек и некогда мой командир, рекомендовавший меня «в гвардию и глубинную разведку».

Я познакомил его с папой. Они сразу понравились друг другу и пришли к мнению, что надо вместе отобедать. Но не сегодня: отец принадлежал в тот день даже не маме-красавице, а грозной,

мощной 38-й армии. А Гертруд Семенович — родному Кавказскому суворовскому военному училищу. И, хотя он перемешал наши «бурсы», но все же пригласил меня на встречу «своих» кадетов. (Из этого гнезда — ККСВУ — в 1963 году вышел и Сергей Груздев.) Встреча выпускников состоялась у станции метро «Кропоткинская». И тогда же состоялось мое шапочное знакомство с Василием Васильевичем Колесником. Если мне не изменяет память, он поделился с Гертрудом новостью: его назначили (или планируют назначить) командиром Чирчикской бригады спецназа. Поздравления принял охотно и пригласил «в гости в бригаду». За столом скромного ресторана он ощущал себя именинником, хотя все слова благодарности и поклонения адресовались одному объекту — Кавказскому СВУ. (Приказом № 494 от 17 ноября 2005 года министра обороны Российской Федерации Герой Советского Союза генерал-майор В. В. Колесник навечно зачислен в списки Северо-Кавказского суворовского военного училища.)

На этот раз встретились мы с ним тепло, все-таки суворовский значок роднил.

Я не стал задавать Василию Васильевичу оригинальный вопрос: какими ветрами его сюда занесло? И вообще ни о чем не спрашивал, праздное любопытство было неуместно. Мы немного побеседовали и разошлись ненадолго: он — к командирской машине, я — к своему парашюту. Сергей Груздев, свидетель нашей встречи, очень серьезно обронил мне вслед: «Однако дюже ты понятливый».

Рокотали «аннушки», распускались белые «одуванчики» в безоблачной выси. Кто имеет опыт прыжков, заметит даже боковым зрением — вот земли коснулся десантник, прошедший школу выучки, а этот плюхнулся несуразно, неловко, стало быть, начинающий «покоритель неба». Один из таких тяжело спланировал неподалеку. На ногах удержался, парашют погасил. Подошел к командиру с докладом о выполнении упражнения, неуклюже пытаясь чеканить шаг по свежевспаханному полю. Невысокий, крепкий, ладный. В легком шлеме голова его была похожа на шар. Молодцевато отрапортовал и с продыхом, согласно уставу, закончил: «Старший лейтенант Шарипов».

Мать честная, да никак Володька! Конечно, он — Володя Шарипов, кадет свердловского «розлива». Я знал Володиного отца — полковника Салима Гариповича, председателя ЦК ДОСААФ Таджикистана. В свое время он помогал нам со снаряжением военно-топографической экспедиции в Джунгарский Алатау. Его опыт командира горно-вьючных подразделений пришелся весьма кстати и очень нам помог. И сына его, лейтенанта, я отыскал при

случае — отец попросил. Шарипов-старший гордился тем, что Владимир наотрез отказался от его помощи и добровольно загнал себя в глухой гарнизон, отрезанный от мира сопками и песками. В такой вот безлюдности крепчал и мужал офицер — сын офицера, никому не позволяя принизить себя и род Шариповых. Его не надо было укрощать — он службу знал, и норов свой излишне не проявлял, но не позволял себя взнуздать по прихоти начальника, был тверд, принципиален, прекрасно подготовлен физически, великолепно владел оружием.

И вот сияющий и несколько очумелый от первого прыжка Володька сейчас передо мной. Он рассказал, что в спецназ был определен с должности командира роты Кызыл-Арватской дивизии. Разговор происходил в присутствии командира бригады полковника Овчарова Александра Алексеевича. Нам не мешали, но, как я понял несколько позже, прислушивались.

— Что за мужики Сатаров, Амангельдыев, Милюков, которых ты вспоминал в разговоре с Шариповым? — поинтересовался потом начштаба бригады.

Я ему доложил все, что знал об этих офицерах.

Двое первых прошли отбор, а вот комбат Владимир Милюков, ставший в двадцать пять лет комбатом, и, кстати, без «лапы», — чтитель правды и чести, неуклонный по совести своей и долгу, — не прошел. Он многое умел, главное — возвращал матерям живых сыновей, но с «мусульманским батальоном» у него не сложилось. Как видно, глаза подвели — они у него проникновенно-бирюзового цвета, да и дерзостно белой кожей на «азиата» ну никак не смахивал.

Сегодня создание отряда ГРУ не есть тайна за семью печатями, повторяться не стану — лишь только напомню известное. Полковнику Колеснику было приказано на основании Директивы Генштаба № 314/2/0061 от 26 апреля 1979 года в течение месяца, то есть к 1 июня, сформировать на базе 15-й бригады отдельный батальон спецназа по абсолютно новой штатной структуре. Спецназ, бесшумный в ночи, невидимый в ясный день, легкая тень в передвижении и нападении, и на тебе: рота на БМП-1, две — на БТР-60 ПБ. Рота вооружения: взводы АГС-17, снабженные реактивными пехотными огнеметами «Рысь», и саперный. В отряд входили отдельные взводы: связи, ЗСУ-23–4 «Шилка», автомобильный и материального обеспечения. Общая численность — 538 человек!

К 1 июня батальон большей частью укомплектовали. Командиром назначили майора Холбаева Хабибджана Таджибаевича, выпускника Ташкентского общевойскового училища, который с 1969 года служил в бригаде на должностях

командира группы, роты, заместителя командира. 15 июня личный состав приступил к занятиям. 10 июля командир отряда майор Холбаев и заместители командира бригады подполковник Груздев и майор Турбуланов вылетели в Кабул для рекогносцировки. Результатом их поездки стала шифрограмма начальнику Генштаба маршалу Огаркову: «В период с 11 по 17 июля 1979 года произведена рекогносцировка в городе Кабуле с целью возможного использования 15-й бригады спецназа ТуркВО… Генерал армии Ивашутин».

29 июня Политбюро ЦК КПСС «помянуло» батальон:

> *«Совершенно секретно. Особая папка. № П156/IX. Выписка из протокола № 156 заседания Политбюро ЦК КПСС от 29 июня 1979 года… В начале августа с. г., после завершения подготовки, направить в ДРА (аэродром „Баграм“) спецотряд ГРУ Генерального штаба с целью использования в случае резкого обострения обстановки для охраны и обороны особо важных правительственных объектов…*
>
> *А. Громыко. Ю. Андропов. Д. Устинов. В. Пономарев. 28 июня 1979 года. № 0552/гс».*

10 сентября полковник Колесник, источая благодушие и довольство, открылся Холбаеву: «Работаем по первому варианту. Выдвигайся на аэродром, я тебя там встречу. Сверим часы, майор…»

— По машинам! — И колонна потянулась к своим самолетам, выбираясь из городских улиц на простор, столь долгожданный и, как нежданно-негаданно оказалось, совсем неинтересный. Перегорели в ожидании чего-то особого и значимого, интригующего и манящего. Спал покров некоего таинства, и вдруг захотелось просто спать. Но самые элитные в мире «сторожа» не дремали. Держали ухо востро, на макушке. Орлиным взором прощально пронизывали местность, но, кроме недоступных женщин Востока на тротуарах да гор арбузов, выставленных на продажу, ничего не виделось.

…В то же самое время, за тысячи километров отсюда, в других часовых поясах, «кавалькада» машин, числом поменьше, сигналя и подмигивая нерасторопным водителям и рассеянным пешеходам, проносилась по Москве, сопровождая главу государства Афганистан Нур Мухаммеда Тараки, который упрямо, невзирая на советы и предостережения, рвался домой, в тот самый дворец, который готовились окружить заботой и надежностью «камикадзе мусульманского батальона». Тараки

выбрал свою дорогу, спецназ поставили на свою тропу. Пока еще — не войны…

Показался аэродром. И тут же показался Колесник. Уже на расстоянии было видно — полковник не в духе.

— В общем, так, Холбаев, даем отбой. Пока все откладывается. На сколько — хрен его знает, а может… навсегда. Так что — наохранялись. Возвращай колонну назад. Спускай пар — расслабься и отдыхай…

Оба командира знать не знали, что, пока они колоннами совершали марш в сторону взлетно-посадочных полос, председатель КГБ СССР Юрий Андропов, как всегда, немногословно, а оттого, может, и убедительно дал понять генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу, что, пока президент Афганистана Нур Мухаммед Тараки будет лететь из Москвы в Кабул, в афганской столице, по данным КГБ, должны произойти события, в результате которых уберут Хафизуллу Амина. Убежденность Андропова в раскладе событий была столь велика, что Брежнев и Тараки пошли, как оказалось, на роковой шаг: решили не посылать в Кабул батальон, находящийся в полной боевой готовности и собиравшийся вылететь вместе с Тараки из Ташкента, прямо к опочивальне его резиденции, наивно посчитав: если не будет Амина, то от кого защищать?.. Так что за командиров отряда не обидно — ведь председатель, генсек и президент тоже знать не знали, чем все закончится через месяц-другой…

О «мусульманском батальоне» словно забыли. Но 5 октября слетелись «москвичи» из ГРУ и без всяких затей открыто сообщили: «Охранять больше некого, клиент наш пал, его не стало, а потому будем учиться штурмовать здания, а может, и крепости».

И началась круговерть. Батальон приступил к интенсивной боевой учебе по программе «Захват объектов»… 10 октября прозвучал сигнал «Тревога». Час поднятия в «ружье» был, скорее всего, не случайным. Именно в этот день из Афганистана пришло удручающее известие — убит Тараки. Эту печальную весть принес Леониду Брежневу — как всегда, когда в мире где-то кого-то убивали, травили, затеивали переворот — Юрий Андропов. Результатом разговора стала команда — отряду на взлет. Собрались по тревоге, приготовились, кучно сбились вдоль бортов самолетных; потомились в ожидании, поматерились без курева и порадовались команде следующей — отбой, мужики… Снимай шинель — иди домой…

А 31 октября состоится заседание Политбюро. Очень важное для понимания развития ситуации в сторону штурмов и начала

афганской кампании. Вот цитата из постановления заседания:

«Совершенно секретно. Особая папка, № П172/108. Т. т. Брежневу, Косыгину, Андропову, Громыко, Суслову, Устинову, Пономареву. Выписка из протокола № 172 заседания Политбюро ЦК КПСС от 31 октября 1979 года.

„Об обстановке в Афганистане и нашей линии в этой связи“.

Обстановка в Афганистане после событий 13–16 сентября с. г., в результате которой Тараки был отстранен от власти и затем физически уничтожен, остается крайне сложной. В стремлении укрепиться у власти Амин… расширяет масштабы репрессий в партии, армии, государственном аппарате и общественных организациях.

Поведение Амина в сфере отношений с СССР все более отчетливо обнажает его неискренность и двуличие. На словах он и его приближенные высказываются за дальнейшее расширение сотрудничества с Советским Союзом в различных областях, а на деле допускают действия, идущие вразрез с интересами этого сотрудничества. Амин не только не принимает мер по пресечению антисоветских настроений, но и сам фактически поощряет подобные настроения. В частности, по его инициативе распространяется версия о причастности якобы советских представителей к „попытке покушения“ на него во время событий 13–16 сентября с. г. Амин и его ближайшее окружение не останавливаются перед клеветническими вымыслами об участии советских представителей в репрессивных акциях, проводимых в Афганистане.

Ради сохранения личной власти Амин может пойти на изменение политической ориентации режима.

Понимание Амином того факта, что на данном этапе он не может обойтись без советской поддержки и помощи, дает нам возможность оказывать на него определенное сдерживающее влияние. Чтобы не допустить победы контрреволюции в Афганистане или политической переориентации Амина на Запад, представляется целесообразным придерживаться следующей линии.

1. Продолжать активно работать с Амином, не давая ему поводов считать, что мы не доверяем ему и не желаем иметь с ним дело.

2. Исходя из этой нашей общей линии в отношении

Амина на данном этапе и учитывая неоднократно высказываемые им пожелания совершить официальный или рабочий визит в Москву для встречи с Л. И. Брежневым и другими советскими руководителями, следовало бы дать ему в принципе положительный ответ, не определяя, однако, сейчас конкретных сроков этого визита.

5. Военную помощь Афганистану оказывать сейчас в ограниченных масштабах. От дальнейших поставок тяжелого вооружения и военной техники пока воздержаться, создавать излишние запасы такого вооружения и боеприпасов в Афганистане нецелесообразно.

6. Находящимся в Афганистане советским военным подразделениям (узел связи, парашютно-десантный батальон, транспортные авиационные эскадрильи самолетов и вертолетов), а также отряду по охране советских учреждений продолжать выполнять поставленные задачи. От направления в Кабул по просьбе Амина советского воинского подразделения для его личной охраны воздержаться.

11. При наличии фактов, свидетельствующих о начале поворота Амина в антисоветском направлении, внести дополнительные предложения о мерах с нашей стороны.

А. Громыко. Ю. Андропов. Д. Устинов. Б. Пономарев. 29 октября 1979 г. № 0937/гс».

Постановление расставляет все точки над «i». Главное — судьба Амина предрешена. Кто он есть для нас — ясно. И как поступить с ним — тоже. Для начала следует усыпить его бдительность, поощряя пряником — возможной встречей с Леонидом Брежневым. Попутно «выдать себя с головой», настойчиво и картинно негодуя по поводу «клеветнических измышлений о причастности советских представителей к попытке покушения на Амина». Правда, Хафизулла Амин утверждал о причастности не представителей, а советских спецслужб. Улавливаете разницу? В документе умышленно сгладили общностью, не указывая конкретно на «андроповцев», что само по себе убеждало в правдивости их причастности, и ни у кого бы не вызывало бы никаких сомнений.

И излишков боевой техники и боеприпасов ни в коем случае не допустить — против нас может все это обернуться. И «охранный батальон», то есть «мусульманский», не отправлять. В

нем уже отпала всякая необходимость. Во-первых, он перенацелен не на сбережение и защиту диктатора, нам неугодного, а на его уничтожение, если поступит приказ. И, во-вторых, на день заседания Политбюро спецназу ГРУ пока еще не было отведено место в выполнении той задачи, которую уже готовили и силились исполнить «бойцы невидимого фронта» товарища Андропова.

Им было велено уничтожить Амина, и они уже «стерегли час возмездия» и бдили за Хафизуллой и днем и ночью. Ведь ежели что не так, ответить придется головой. А потому давно вымеряли все расстояния, знают каждый маршрут его передвижения. Морочат головы согласованиями и себе, и другим в выборе способа убить: или яду влить в располневшее тело, или пулю с серебряным наконечником всадить, или рвануть бомбой, как народовольцы по царю. И санкция им самая высокая на то дана, и условия созданы. Партия их опекает и самый твердый в своем идейном совершенстве орган благославляет — Политбюро. Прочитайте еще раз внимательно пункт 11: «…внести дополнительные предложения о мерах с нашей стороны». Андропов, видимо, не очень внимательно читал, а может, просто ухмыльнулся: «Никаких дополнительных мер не предвидится, орлы мои справятся с первого выстрела». Или что там еще — первой капли, первого «бабабах»…

Обмишурятся орлы, и о «бабабахе», спланированном на начало декабря, прочитаем в отдельной главе.

2

Многие офицеры из «мусульманского батальона» отпуск так и не догуляли. Политбюро помешало, и как всегда, своим очередным постановлением:

> *«Совершенно секретно. Особая папка. № 176/82. Т. т. Брежневу, Андропову, Громыко, Суслову, Устинову. Выписка из протокола № 176 заседания Политбюро ЦК КПСС от 6 декабря 1979 года. „О направлении спецотряда в Афганистан“… С учетом сложившейся обстановки и просьбы Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей специальный отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью около 500 человек, в униформе, не раскрывающей его принадлежность к Вооруженным Силам СССР. Возможность направления этого отряда в ДРА была*

предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 29.6.1979 г. № П156/IX. Полагаем возможным перебросить его самолетами военно-транспортной авиации в первой декаде декабря с. г. Тов. Устинов Д. Ф. согласен. Ю. Андропов. Н. Огарков. 4 декабря 1979 г. № 312/2/0073».

Офицеры отряда, конечно же, документ этот в руках не держали, но в строй вернулись спешно и в полной боевой готовности. Шарипова вызвали в штаб и приказали выделить тридцать солдат в распоряжение заместителя командира батальона капитана Сахатова — для установки палаточного городка. Куда? Никаких вопросов…

Команда вылетела из Чирчика 5 декабря. В последующие дни (7, 8 и 9-го) следом ушли десанты основных сил батальона.

12 декабря (день принятия окончательного решения о вводе войск) определили задачу: быть готовыми к передислокации в Кабул для охраны дворца. Так было объявлено личному составу, а командиров повезли ориентироваться на местности. Вот тогда-то, наконец, что-то и стало проясняться.

Как рассказывал Володя Шарипов: «Нас повезли в Кабул на рекогносцировку. По дороге ввели в курс дела и предполагаемой задачи. Провезли по объектам. С каждым командиром подразделения — приданный офицер КГБ. Со мной был майор Александр Рябинин. Он до этого бывал в Афганистане. По замыслу, отряду предстояло захватить все ключевые объекты в городе и взять резиденцию Амина. Мою роту нацеливали на радиоцентр и телевидение. Прикинули с Рябининым — это же самоубийство! Я вообще удивляюсь, насколько бестолково была спланирована операция. Дошло до чего? Сержанту (!) поставили задачу: на одном БТР с отделением солдат взять… афганский комитет госбезопасности!»

17 декабря батальон передислоцировался в Кабул. Уже на следующий день он был включен в систему охраны новой резиденции Амина и вошел в подчинение командиру бригады майору Сабри Джандаду. Декабрь в тот год выдался суровым, так что учли и использовали и это обстоятельство: по ночам заводили машины, будто для прогрева, а иной раз и проводили занятия по вождению. Приучали афганцев к тому, что «боевая подготовка» идет круглые сутки. Между тем в батальоне появились новые люди. Рядом расположились бойцы «Зенита». 24-го к ним «примкнет» группа Романова «Гром». А 21 декабря доукомплектовали штат: в качестве «начальника разведки майора Сергея Ивановича Швецова» выступил Олег Ульянович Швец.

Колесник Василий Васильевич предстал как «начальник штаба батальона майор Колесов». А Юрий Дроздов, генерал КГБ, — как «зампотех капитан Лебедев». Эвальда Козлова, сотрудника Первого главного управления (внешняя разведка), который прибыл с Дроздовым, тоже определили под офицера «мусбата».

20 декабря прибывшие накануне Василий Колесник и его заместитель подполковник Олег Швец представились главному военному советнику генерал-полковнику Магометову. Изучив обстановку, Колесник и Швец поехали в расположение личного состава. В этот же день президент Хафизулла Амин сменил свою резиденцию в Арге и оказался под крылышком «мусульманского» батальона в Тадж-Беке.

22-го в штабе Главного военного советника уже переходили на шепот, и началась «местечковая демонстрация высокой бдительности». Именно в этот день генерал Магометов пригласил оперативных дежурных и других офицеров в маленькую комнатушку, включил транзисторный приемник на всю громкость и шепотом дал указания. Подчиненных несколько озадачило проведенное совещание, от генерала не ускользнуло недоумение офицеров, и он поспешил объясниться: американское посольство — напротив нас. Там бдят и пасут, наверняка могут и прослушивать. Поэтому с сей минуты все ненужные разговоры отставить и ничего не разглашать. Сказанное принять к исполнению, и болтовню — пресечь.

Насчет «не разглашать» Магометов мог и не говорить — никто ничего и так толком не знал, а потому и разглашать было нечего. А вот на следующий день, 23-го, действительно было что сказать шпиону. Из состава советнического аппарата и прикомандированных из Москвы создалась оперативная группа из 21 человека, назначенная ответственной за объектами в Кабуле. У каждого была конкретная задача на период подготовки переворота. За Тадж-Беком не закрепили никого — это отдельная ипостась, и не столь почетна, сколь ответственна, к тому же абсолютно не проработана. Ну, абсолютно, там и конь не валялся…

23-го Колесника и Холбаева в срочном порядке призвали в посольство. Вместе с ними прибыл командир подгруппы госбезопасности «Зенит» майор Яков Семенов. Представитель КГБ генерал-лейтенант Борис Иванов спросил, что называется, в лоб: «Как бы вы организовали захват Тадж-Бека, если бы получили такой приказ? Вам сейчас доложат предварительное решение, выскажите, пожалуйста, свое мнение».

Василий Колесник высказался таким образом: «В соответствии с планом, отряд должен направить по одному

взводу на аэродром, к Генеральному штабу, ХАД, „Царандою“ и к другим объектам. При таком раскладе для штурма дворца Тадж-Бек — основной мишени — остается рота и один взвод. Этими кургузыми силами они должны нейтрализовать роту личной охраны и бригаду, состоящую из трех пехотных батальонов, одного танкового, усиленной танковой роты из состава 5-й танковой бригады и зенитного дивизиона. Соотношение сил и средств явно не в нашу пользу. И настолько, что не надо быть выдающимся стратегом, чтобы ясно понимать: если надо образцово-показательно погибнуть — тогда вперед, в атаку!..»

Популярное объяснение Колесника побудило генералов серьезно призадуматься, и совещание перенесли на следующий день. При этом предупредив всех «хорошенько подумать и завтра доложить».

Утро 24 декабря. Заслушали полковника Пупшева — советника командира и начальника штаба бригады народной гвардии. Его доклад свелся к названиям улиц и объектов, по которым должен разойтись, расползтись, растащиться батальон. Следующим пригласили Колесника: «Я бы отказался выполнять приказ теми силами, которые имеются в наличии. Надо опуститься на землю и решить: или провалить операцию, или вообще не начинать ее».

Иванов и Магометов покинули высокое собрание и пошли советоваться с Москвой. Конечный результат был таков: «Шторм» не отменяется, но переносится. Шаг следующий: определить, кто тот дважды отважный офицер, который будет руководить операцией. Иванов предложил генерал-полковника Магометова. Услышав свою фамилию, тот некоторое время соображал, потом поднял вверх палец: «Борис Семенович, погодите. Я — главный военный советник, меня в любую минуту может вызвать к себе Амин и дать какое-то задание, услать в любой район. Давайте подумаем о другом варианте, чтобы избежать накладок». Автоматически отпала и кандидатура Пупшева — он тоже советник, которого, как сказал впопыхах генерал-полковник, могут в любую минуту вызвать, услать, пригласить, озадачить… и так далее.

Вопрос решался болезненный, принципиальный и щекотливый. Кто будет руководить операцией, тот и возложит на себя в полной мере ответственность за ее исход. Обсуждение затянулось — охотников возглавлять кампанию что-то не намечалось. Тертые собрались калачи, матерые, искусившиеся, не из одной печи хлеб едали, воробьи стреляные. Они прекрасно понимали: если провал — официальные лица родной страны повинятся перед афганцами, заявят, что у офицеров что-то с

головой случилось, и руководство Советского Союза, дескать, здесь совершенно ни при чем. И неудачника — полководца хренового — в кутузку, и надолго — для острастки. Наконец каждый понимал: с такими малыми силами идти в бой — это смерти подобно, это очевидное самоубийство. Так что выбирали скорее крайнего, «мальчика-генерала для битья».

После долгих дебатов жребий пал на Колесника: не именит, не знаменит, не отягчен маршальской звездой, был в свое время комбригом — ему и карты в руки. Кроме того, соображения Василия Васильевича по плану штурма пришлись весьма по душе руководителям, и они тут же, без промедления, официально оформили «снятие со своих плеч тяжкого груза ответственности» и представили Колесника по правительственной связи кому надо, охарактеризовав его как достойного человека и волевого командира. У полковника состоялся разговор по телефону с министром обороны и генералом армии Ахромеевым.

— Выслушав мой доклад, Огарков пообещал выделить в мое распоряжение необходимые силы и приказал к утру шифром доложить решение. Когда выходили из переговорной кабины, Магометов сказал мне: «Ну, полковник, у тебя теперь или грудь в крестах, или голова в кустах».

Рано утром пришел ответ: с батальона Холбаева снимаются все объекты в городе, задача теперь одна — обеспечить захват резиденции президента Афганистана. Операция получила кодовое название «Шторм». (Приставка «333» появится позже, как подтверждение об уничтожении непосредственно Хафизуллы Амина.) Руководил штурмом полковник ГРУ Колесник, его заместителем назначался генерал КГБ Дроздов. Именно так, и никак не иначе, и не надо чекистам при этих словах взвиваться — это непридуманный факт.

Маховик по вводу войск был запущен, и в ночь с 24 на 25 декабря командующий 40-й армией генерал-лейтенант Юрий Тухаринов получил приказ: границу войскам перейти 25 декабря 1979 года в 15 часов московского времени.

А за посольскими стенами, рядом и далеко, разбросанные по просторам России и ставшие на постой бивуаками (сельскими полевыми станами), весь этот казенный войсковой люд, неумытый, продрогший, напичканный постылой кашей из кухонь на колесах и опоэтизированными политзанятиями, проводимыми в брезентовых палатках — промозглых и сырых, весь этот люд, озлобленный неустройством и неопределенностью, оторванный от привычного уклада жизни, без ласки и писем, — вдруг взбодрился, заслышав флотскую команду: «Готовьсь!»

Первыми, пожалуй, активно откликнулись на нее офицеры

«мусульманского батальона» вкупе с чекистами. 26 декабря, якобы для установления более тесных отношений, они устроили прием для командования афганской бригады. Состряпали плов, зажарили знатный шашлык, на базаре купили всевозможной зелени. Посольские выделили ящик водки, коньяк, различные деликатесы: икру, рыбу, другие закуски — стол получился на славу. За это специальное мероприятие отвечали узбеки — они, как известно, признанные мастера своего дела. Чтобы не было тесно, развернули большую армейскую палатку, расставили столы. Водку перелили в заварные чайники. Исламский обычай не позволяет подавать ее открыто, но когда магометане «не знают», что им наливают, — они пьют без особого предубеждения. Из бригады охраны пришло пятнадцать человек во главе с командиром и замполитом. Во время приема провозглашали тосты, как традиционно повелось, за советско-афганскую дружбу и за боевое содружество. Чайники споро заменялись — дружба за столом час от часу крепчала…

С утра «игрища» решили продолжить — Олег Швец поехал к Джандаду, пригласить его с заместителями будто бы на день рождения одного из наших офицеров. Была задумка во время фуршета организовать бескровный захват руководства афганской бригады, чтобы впоследствии облегчить себе выполнение боевой задачи. Но Джандад отказался, правда, пообещал быть со своими офицерами вечером. Тогда Швец попросил его отпустить хотя бы наших военных советников — мол, время застолья определено, неудобно откладывать — именинник обидится. Джандад выразил полную солидарность, проявил уважительную почтительность народным традициям и любезно согласился. Советников увезли подальше от греха, быть может, этим и спасли их.

26 декабря в полдень прибыли 9-я рота старшего лейтенанта Валерия Востротина из 345-го парашютно-десантного полка вместе с противотанковым взводом. Им было приказано усилить «мусульманский батальон». Выдали афганскую форму и приказали переодеть солдат.

Поздно вечером Колесник и Дроздов внесли некоторые незначительные коррективы в план, окончательный замысел которого сводился к следующему. Силами двух смешанных групп КГБ, под общим командованием полковника Бояринова, совместно с частью сил спецназа ГРУ осуществить штурм цитадели. Атакующим в выполнении задачи будут содействовать основные силы «мусульманского батальона», приданная рота десантников и средства огневой поддержки. Они блокируют подразделения охраны, блокпосты, посты жандармерии, пехотные и танковый батальоны, зенитный дивизион. Были согласованы

действия с нашими советниками. Особое внимание уделялось вопросам связи и взаимодействия. Как впоследствии покажет бой, не будет ни первого — связи, ни второго — взаимодействия.

Уместно сказать и о «доле участия». Кагэбисты, расписывая небесной радугой свои действия в операции, на протяжении трех десятков лет неутомимо талдычат: сделали все исключительно мы, остальные вроде бы «почетно присутствовали» в качестве «подносчиков боеприпасов». Непосредственно в штурме дворца участвовало 693 человека. (Цифра безотносительна — такое количество личного состава значилось в «штатном расписании» на момент проведения операции, включая Колесника, Дроздова, Швеца, но не включая поголовно всех бойцов групп Голубева.) «Гром» — 26 офицеров; «Зенит» — 30; 18 (?) «поставил» Голубев. Эти все — актив КГБ. Личный состав 9-й роты — 87 десантников; прибывший накануне противотанковый взвод — 27 военнослужащих. Это приданные средства. И 520 офицеров, сержантов и солдат 154-го отряда спецназа ГРУ. Получается, что доля КГБ вместе с десантниками составляет 24,5 процента, а без «востротинцев» — 10 процентов. Неловко за эту бухгалтерию, но невозможно не сказать, что «чекистская» арифметика — это заборматывание темы. И поимейте в виду — никто из парней отряда ГРУ и роты десантников, штурмовавших дворец Амина, не сокрушается по поводу «недоданной чести и недооказанного высокого доверия» — добить убийством лежачего человека…

Утром 27 декабря, кому представилась такая возможность, перед боем помылись в бане, а немалая часть солдат просто поплескалась под умывальником, но чистое белье и тельняшки надели все. Икнулось ли в те минуты Амину? Хафизулла собрал на парадный обед членов Политбюро и своих министров с семьями. Присутствовали и жены Зерая и Шах Вали вместе с детьми. Настроение у всех было прекрасное. Возвратившийся накануне из Москвы Гулям Дастагир Панджшери заверил: советское руководство удовлетворено изложенной версией смерти Тараки и сменой лидера страны. А предстоящий визит Амина еще больше укрепит отношения с Советским Союзом.

Пока наши командиры получали по телефону из Москвы последние указания и напутствия, на временном постое у дворца слонялся неприкаянный и обреченный приказом люд. Ничего не поделаешь — ты и подневольный, и стыдно перед товарищами трусишкой выглядеть. И потому — смешок без причины, и усмешка — без умысла, и сердце — готовое принять «рубец потрясения». Утром на завтрак накормили верблюжатиной. Вкусно, хотя и не доварено, да ничего не поделаешь — высокогорье, мясо долго упревает.

В 14.00 в кабинете командира отряда майора Холбаева полковник Колесник собрал всех участников предстоящего штурма: и своих, и чужих — до поры до времени приданных. Генерал Дроздов, «декоративный зампотех», в час ожидания атаки мгновенно переквалифицировался в замполиты, изложил политическую обстановку и призвал выполнить задачу образцово, не жалея живота своего, ибо: «Сейчас вы услышите не приказ полковника Колесника, а — приказ Родины». К чести присутствующих эта замысловатая фраза в убогой «светелке» смеха не вызвала. Как и последующая: «Амин — тиран, по его указу убивают тысячи невинных людей, он поганец, предавший дело Апрельской революции, к тому же — змий подколодный, вступивший в сговор с ЦРУ. (Было подмечено: с Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов Америки. Последнее, с нажимом сказанное уточнение — США, было адресовано, надо понимать, неграмотным дехканам-мусульманам.) „И да сказано в Коране, что за перемену веры — смерть!“» — поставил жирную точку в своей торжественно-патетической речи генерал-майор КГБ.

Юрий Иванович закончил свое обращение в мертвой тишине. Все молчали и, переполненные рвением к исполнению долга, думали. Кто о чем, а капитан Анвар Сатаров — о том, что хуже Дроздова выступить невозможно: «Может статься, переволновался уважаемый генерал, иначе как объяснить, что понавешивал на уши столько бредовой зауми. У нас самый молодой солдат, из тихонь, неприлежный на политзанятиях, и тот прекрасно понимал: ЦРУ в данном контексте — это отвратная ложь, позорно придуманная на потребу дня и под конкретное событие. Тиран просил о военной помощи и вводе войск в Афганистан не у Соединенных Штатов, а у Советского Союза. Как ни короток у солдат час для раздумий, на веру слово командиров не всегда принимается. Тем паче коли посул необдуманный и выужен из дежурной обоймы „идеологических караульщиков“: нетленных идей и мифов, политических лозунгов и программных документов партии». (Ух, как он его: капитан — генерала.)

Рядовой Бердымухаммад Джумаев из 2-й роты, вспоминая свой боевой путь в Безмеине, у родных пенатов, так припоминал этот час ожидания атаки: «27-го нас построили, замполит лейтенант Солижон Касымов объявил, что Амин — предатель, и мы должны выполнить задание Родины — уничтожить его. Каких-то особенных чувств это заявление, что Амин — предатель, у меня тогда не вызвало. Выдали боеприпасы. Сказали, кто и в какой машине должен сидеть и что должен захватить. Наш взвод блокировал пехотный батальон».

— Слушай, Анвар, а может, все куда проще — ты рассерчал на Дроздова за отнятый им у тебя кусок хлеба замполитовского? — спросил я у Сатарова.

— Не-е-е… чего? Пусть себе говорит заезжий москвич, — ответил он.

Ну а дальше полковник Колесник зачитал боевой приказ, и командиры рот, взводов, отделений и групп стали настраивать на атаку. А еще Василий Васильевич довел — на всякий случай — до сведения офицеров КГБ, что до сбора у дворца все они являются рядовыми членами экипажа; соответственно, подчинены старшим машин и обязаны беспрекословно выполнять их команды.

Необходимое пояснение людям гражданским: командир машины — будь то ефрейтор или генерал — это бог и царь, которому беспрекословно подчинены все члены экипажа — механик-водитель, наводчик-оператор, личный состав десантного отделения. Даже если среди них есть генерал и еще генерал, единоначальник над ними один — командир машины, тот же упомянутый ефрейтор. Он принимает единолично решения, отдает приказы, несет всю полноту ответственности, и спрос именно с него. Все, сидящие в броне, — ему не указ. Они материал, из которого он, командир, лепит победу. Повезет с командиром — будет успех. Не повезет — такая уж «се ля ви» — жизнь и судьба. И неуспех этот тяжким грузом ложится на душу одного — командира. Что бы при этом ни исполнили и ни сотворили его подчиненные — худо ли, добро ли, — ответчик, повторяю, один: командир.

Военные это хорошо знают и безропотно дают себя подчинить в боевой обстановке. Поэтому, когда вы встретите в литературе эпические эпизоды о бравых чекистах, которые правили экипажами и управляли огнем на первом этапе штурма, не верьте — мужики балагурят, байки сказывают, не более того. Себя они упомянули, достойно показали, в чести поддержали друг дружку, но, по чести, не обмолвились и словечком о том же прапорщике Кучкарове, командире машины, и его заместителе, который назначен заместителем по весьма простой причине — если командира убьют, то он, ни секунды не мешкая, дальше сам поведет за собой остальных. При таком правиле нет надобности судачить, спорить, коллективно голосовать за кандидатуру «преемника» в бою, в котором не до поисков консенсуса.

3

В тесном взаимодействии, как одно целое, поведут бой

батальон Холбаева и рота Вострoтина, с приданным взводом ПТУР «Фагот» (переносной противотанковый ракетный комплекс) старшего лейтенанта Севостьянова. Девятую роту специально готовили для Афганистана. В ноябре 1979 года старшему лейтенанту Валерию Вострoтину, проходившему службу в 345-м парашютно-десантном полку (г. Фергана, Узбекистан), было приказано укомплектовать подразделение для выполнения специальной задачи. Ему предоставили право по собственному усмотрению отбирать людей, и этих волонтеров могло быть до ста процентов. Уникальность роты подтверждена тем, что до самого вывода войск из Афганистана она принимала участие в неимоверно сложных, порой почти невыполнимых операциях. Ее отправляли в самые опасные точки. Она вошла в историю Вооруженных Сил и учебники для военных училищ. О ней — увы, к великому сожалению, — сделали картину. Режиссер Федор Бондарчук слепил пакостную легенду, смастерив гнусненькую иллюстрацию своих личных представлений о героике.

1 декабря рота прибыла в Афганистан. Первоначально ее планировали использовать в операции «Дуб», которая приказала долго жить, и 17-го (после последней неудачной попытки снайперов уничтожить Амина) отправили в Кабул, во временное подчинение командиру «мусульманского батальона» майору Холбаеву. Все, кто знал личный состав роты, в разных частях света и в разное время, не сговариваясь, отмечали бросающуюся в глаза особенность десантников: это были подтянутые ребята, гренадерской стати, дисциплинированные, опрятно одетые и хорошо подготовленные в военном деле. В их расположении было тихо, спокойно и даже уютно. Там и команды подавались вполголоса, и во всем ощущалась атмосфера достоинства.

Прекрасные ребята готовились к бою. Милые и добрые мальчишки, смотрящие широко раскрытыми глазами на только-только открывающийся перед ними мир. В зрачках, еще не потерявших детства, отражалась нечаянная радость и наивный восторг от постижения самих себя. Им, молодым, за дымкой нескончаемой юности грезилось населить свой праздный круг бытия не кем иным, кроме как он сам и Она. А в эти глазища накидали скабрезности, пустые глазницы шестерых погребенных вынудили слезиться. Незнайкою в солдатский котел полезли, в угоду далекому дяде из-за моря отхаркотились да роту легендарную опустили…

Это я так о Федоре Бондарчуке, создателе картины «Девятая рота». Юра Нерсесов из Санкт-Петербурга первым крик поднял, пока другие, под хрумканье попкорна, уютненько умостившись попками в мягких креслах кинозалов, переживали виртуальные

баталии про Афганистан и 9-ю десантную роту.

«История, которую мы снимали, рассказана бойцами 9-й роты, — бодро вещал в октябре 2005 года Федор Сергеевич почтительно внимающей ему журналистке „Российской газеты“. — Она про то, как эту роту забыли, когда выходили из Афгана». Правда, чуть позже, видимо, поняв, что заврался, Бондарчук «сменил пластинку». В следующем интервью от 17 ноября выяснилось, что бой советских десантников, которые «как идиоты защищали свою Родину», все же развивался по-иному, а нам показана «литературная трактовка событий». «Литературная трактовка» с точностью до наоборот. Глядишь, эдак за хороший куш свой следующий фильм режиссер посвятит разгрому советской армии под Берлином. В этом утверждении нет ни грамма выдумки. 8 мая 2007 года, знаменуя годовщину победы над фашистской Германией по «европейскому календарю», президент Соединенных Штатов Дж. Буш-младший в своем выступлении ни одним словом (подчеркиваю — ни одним словом!) не обмолвился об участии Советского Союза во Второй мировой войне.

Смотреть супербоевичок Бондарчука тошнотно. Учебное подразделение — дом умалишенных, этакий «лоходром» в понимании теперешней молодежи, заселенный остолопами, охламонами, пентюхами, словом, скопище придурков. Командиров — как офицеров, так и сержантов — в том обиталище нет. Один контуженый прапорщик с уголовными ухватками — чистый урка, он и правит бал. Зато водки — хоть залейся, и штатная профура имеется, которую все по очереди прибирают к рукам и телу. Молодые ребята, словно вертухаи на зоне, где, если верить Довлатову — герою фильма, такое процветает. «По Феде» феня получается — не армия, а банда неряшливая… Сергеича прямо-таки клинит на лагерной тематике. Прибывает «его войско» на Баграмский аэродром, и там повсюду охранники с собаками. Собаки заливаются, их поводыри — тоже нечеловеческими голосами, руганью бранной и черной кромсают небо и солдат. И на взлетно-посадочной полосе бочки с топливом, куда подбитый самолет с «дембелями» врезается! (К слову, самая дорогая сцена — взрыв самолета. Она готовилась и снималась 17 дней и стоила 450 тысяч долларов.) Кто и где видел на ВПП склады горюче-смазочных материалов? Кроме Бондарчука, думаю, больше никто. Разве что Юрик Коротков — сценарист, и примкнувший со своими операторскими пируэтами «затейник» Макс Осадчий.

Ребята наши вообще бараны баранами. Средь бела дня «духи» проходят на высоту, и их никто не видит — один пейзаж рисует,

другие просто дурью маются. Непонятно, почему их на месте не перерезали. Да и «духи»… ну, один в один сослуживцы адмирала Колчака, идущие в строю под барабанную дробь и прямиком — на чапаевскую Анку-пулеметчицу. По «душманам» из крупнокалиберного пулемета почти в упор лупят, падает несколько человек, а остальным — хоть бы хны. Да еще из второго ряда какие-то «клоуны» стреляют. Детский сад засел в обороне с игрушечными «трататалками» и «пих-пахами», а не боевое подразделение. Офицер — только один, хотя реально в том бою их было шесть; этакий Илья Муромец былинный, которому все ниже пояса, то есть «единственный и неповторимый в героизме» прапорщик Хохол. Он же — игривый, небрежный, отчаянно смелый Федя Бондарчук. А присмотрись без дилетантства — всего лишь актерское «дуракаваляние». (Чу, в душу плюнул Лидочке Ткачевой, ведь это именно она исповедалась, слезку смахнув после киносеанса, и вечером, после принятого душа, в грезы подалась (цитирую): «Потом на экране появляется Федор Бондарчук. Для меня его игра была потрясением. Он там просто невероятный, красивый и такой сексуальный, я его даже не узнавала. Там было много красивых мужчин, но Федора не затмил никто». У меня с ориентацией все нормально, поэтому продолжу об экранной войне 9-й роты без сексапильности домохозяек.

Вот еще один знатный бред: прапорщик, продающий оружие «духам», о чем все знают и молчат. Случалось и такое — будем честны, но злодействовали втайне. Если бы товарищи узнали — просто пристрелили бы. Афганистан — это не Чечня. Войдите на сайт афганцев «Розыск», найдите № 159, прочитайте: «Прошу откликнуться тех, кто помнит ротного старшего лейтенанта Александра Галунина (позывной „Венера-6“), списанного по ранению на должность замполита роты и позже — парторга батальона. Также прошу откликнуться тех, с кем были вместе на боевых, на Саланге, Чарикаре, Базараке, Гульбахаре и прочих местах в Панджшере. Есть кто из роты Радчикова, с кем были вместе на операции? Продавцов боеприпасов „духам“ Кудрова, Бакова и Россовского видеть не хочу». И это много лет спустя! А Федя даже этот сволочизм с продажей поэтизировал в своем художественном замысле.

Солдаты — ровно дебильные детишки, постоянно визжат, плачут. Или вдруг начинают стонать, что патронов нет, хотя рядом свои и чужие трупы лежат — бери у кого хочешь. Да еще разместились самым дурацким образом на гребне высотки, наверное, чтобы было лучше моджахедам целиться, — и о смене позиции не думают. Как свалились в одном месте, так и строчат.

Конечно, если воевать учились у приблатненного придурка, который только и может зазря руки распускать… Словом, «опустил» Бондарчук всю роту. И понапрасну они терпят оскорбительное унижение. Бить, может, и не надо, да и по правилам «афганцев» по мордасам давать негоже, однако «немолодца» наказать подобает. Через тот же суд, например. Или еще как поизощреннее…

И чего это Бондарчук так нагло клепает вранье? Слишком уж исплевался и на Афганистан, и на Россию, и на солдата Отчизны. Представляется так. Федя Сергеич после прозябания в различных даун-хаусах и телевизионных викторинах решил заняться делом, которое, быть может, ему не столько по душе, сколько дает шанс прибиться к американскому ранчо и чуток — к европейскому подворью. И он «пришелся ко двору», заокеанские симпатии хорошо оплатили — бюджет картины составил 9 млн долларов США. За такие рубли и новый костюм можно справить, и небрежно сбрендить, что дебют удался. (Об этом за добрый гонорар побеспокоятся хроникеры, и еще не то настрочат — цитирую Станислава Никулина: «С первых кадров понимаешь, что перед тобой Большое Кино, где халтура в исполнении исключена по определению. Это касается абсолютно всего, начиная с запоминающейся музыки… „9-я рота“ близка к идеалу».) Похвала предопределяет — вы вправе ждать продолжения «кинобанкета» Бондарчука.

В 2005 году с таким же шумом и пылью прославлял себя, купаясь в благоприятном имидже, другой «патриотический» боевичок — «Честь имею». Там прототипом бившегося с супостатами в Чечне подразделения была 6-я рота 104-го парашютно-десантного полка, мальчишки которой обреченно бились двое суток, и в живых из них осталось только четверо. Четверо — из девяноста (!). Анатолий Чирков по горячим следам трагедии сделал прекрасный честный очерк о погибших ребятах. Я понимаю, его не читали создатели блокбастера: по странной случайности, у режиссера со сценаристом тоже оказалось свое мнение, и экранный бой завершился вполне победоносно. А почтеннейшей публике сообщили, что с новым президентом мы гидру международного терроризма порвем, как Тузик грелку.

Вспоминается еще один, снятый по заказу сверху боевик «Личный номер». Там исламские боевики захватывают самолет с радиоактивным грузом, чтобы сбросить его на заседающих в Риме главарей «большой семерки», а президент России заявляет о готовности сбить авиалайнер над собственной территорией, обрушив отраву на головы дорогих сограждан! Очевидно, российское «быдло» просто обязано жертвовать своими жизнями

ради сохранения нежной цивилизации просвещенного Запада.

Особенно умиляли постоянные заверения Федора Сергеевича о скрывающемся за кадром главном злодее фильма. Оказывается, бились бондарчуковские хлопцы с самим бен Ладеном! То есть защищали не дышащую на ладан дикую «совдепию», а высококультурные Штаты, на которые бородатый изверг впоследствии покусился. Та же самая идея подспудно проводится и в «9-й роте». А о том, что и бен Ладен, и другие моджахеды были тогда лучшими друзьями ЦРУ и палили по нашим самолетам американскими «Стингерами», в фильме ни слова! И рецензенты с критиками об этом ни слова не говорят, и сам Бондарчук помалкивает в тряпочку, а девушка из «Российской газеты» и вовсе решила историю переписать. Оказывается, страшный «Бен» проходил подготовку «именно в той „учебке“, где снималась „9-я рота“». То есть был не американским, а советским агентом! За что нам, очевидно, следует до Страшного суда каяться перед погибшими 11 сентября 2001 года брокерами и маклерами…

Федор Сергеевич, видно, достиг в картине чего хотел и что вплетено в слова обозревателя «Коммерсанта» Михаила Трофименкова: «Бондарчуку удалось разрушить фашизоидную мифологию „суперменов-афганцев“» («Pulse», октябрь, 2005 год). А такие кадры всегда нарасхват за морями-океанами. Нравятся они там дядям-толстосумам. И тетям нравятся — ведь и в Америке есть домохозяйки, и в Европе — одинокие пылкие женщины. За такие кадры там «Оскара» дают… А у нас, случается — по морде!..

Теперь, без всякого мордобоя, о событиях, которые изложил в своем боевике Бондарчук. 345-й парашютно-десантный полк, которым командовал полковник Валерий Востротин, выполнял задачу в составе армейской группировки на границе с Пакистаном в районе провинции Хост. Смысл этой обычной плановой операции заключался в том, что наши войска выдвигались к границе и перекрывали ее на определенном участке. А афганские подразделения в это же самое время у нас в тылу подходили к своим пограничным заставам, осуществляли в течение двух недель замену личного состава, пополняли запасы вооружения, боеприпасов, продовольствия. После этого десантники уходили, а афганцы оставались. Полк участвовал в мероприятиях уже в третий раз — многие солдаты и офицеры знали о них по прошлому году, и особой сложности операция не представляла. 9-й роте было приказано «оседлать» господствующую высоту 3234, закрепиться на ней и обеспечить прохождение наших транспортных колонн. Первыми в боевом

порядке выдвигались подчиненные 1-го взвода старшего лейтенанта Виктора Гагарина. Обустроились, взяли под контроль высоту и окрестности. 7 января 1988 года начался бой. Первым погиб радист Андрей Федоров. Младший сержант Александров, вооруженный «Утесом» (крупнокалиберный пулемет), оценив обстановку и понимая, что бой для расчета последний, отослал своих подчиненных прочь.

Для усиления оборонявшихся направили 2-й и 3-й взводы под командованием ротного Алексея Смирнова и роту лейтенанта Борисенко. Вострotин знал, что его подчиненные попали в трудную ситуацию, и для обеспечения их поддержки отдал все имеющиеся в его распоряжении средства. Три дня бой шел практически врукопашную.

Невзирая на нечеловеческие трудности и невероятные усилия, 9-я рота высоту удержала и задачу выполнила. Бойцам пришлось отбить дюжину атак. Из 39 человек шестеро погибли, 12 были ранены. Остались навсегда лежать в земле — и в памяти остались навсегда — младшие сержанты Александров Вячеслав Александрович, Цветков Андрей Николаевич и Криштопенко Владимир Олегович; рядовые Кузнецов Анатолий Юрьевич, Мельников Андрей Александрович, Федотов Андрей Александрович. Двое из них удостоились звания Героя Советского Союза — Вячеслав Александров и Андрей Мельников.

Об этой операции узнали в Москве. Через дипломатические каналы, через донесения разведчиков. Срочно прилетели два генерала, разбираться и выяснять, что же там, у душманов, произошло и что с ними стряслось. В сводке для генштаба этот бой за высоту 3234 прошел как просто «бой местного значения». А по поступившим данным из Пакистана, их госпитали заполнены ранеными и убитыми афганцами, наемниками: иорданцами, пакистанцами, африканцами, китайскими советниками и даже несколькими европейцами. Генерал-губернатор Северо-Западной провинции генерал-лейтенант Фазиль Хак бродил по палатам, раздавал подарки, выражал сочувствия, а наш генштаб довольствовался, как сказал разгневанный маршал Ахромеев, «филькиной грамотой»: «Разведка докладывает: со стороны противника был задействован пакистанский спецназ; Громов, командующий, докладывает, что среди тел погибших идентифицировали негров и азиатов, а мне подсовывают доклад — ничего экстренного. Ну-ка, немедленно отправить на место Зотова и с ним еще толкового генерала».

Маршал Ахромеев уловил значительное: пакистанский спецназ — диверсионно-истребительный элитный отряд афганских моджахедов «Черные аисты» (Чохатлор). Одно его

присутствие в бою дорогого стоит. И если их так лихо отмолотили и «пощелкали» десантники, дело было очень нешуточное, — эти «аисты» в местечковых драках не участвуют.

Да и наши ребята были не промах — чтили боевые традиции своей роты, умели сражаться и за себя постоять головою. Не посрамили ни собственной чести, ни тех, кто положил жизни на алтарь Отечества — тогда, при бое на высоте 3234, и в том далеком холодном декабре семьдесят девятого при взятии дворца Амина.

О них, безвременно и несправедливо ушедших тогда, сказал прощальное слово юный безусый командир, не сумевший уберечь еще более юных подчиненных в шквале штурма дворца. Новый год, 1980-й, Валерка Востротин, старший лейтенант, встречал со своей 9-й ротой: с офицерами, сержантами и солдатами в батальонной палатке на отшибе аэродрома Баграм, у краешка охраняемой зоны. Три-четыре дня снег валил большими хлопьями, словно сама природа ужаснулась вида истерзанной черными взрывами опаленной земли и покрывалом шуршащих снегов торопилась укрыть истухающий цвет пролитой яркой крови. Навалило сугробы по полметра, так что по низу палаток не сквозило. Бамперами тяжеловесных машин пробивали дорогу, оставляя кривые колеи среди ниспавшего белого безмолвия. Выстрелить, нарушая тишину и покой, не поднималась рука. И защитить себя, казалось, было лень — такое вокруг белоснежное благолепие. Но не пришло еще по-настоящему осознание того, что содеяно, что стряслось с каждым. Снежинки светлее света, а в душе — потемки, ни зги не видно, невнятная тревога, как тоска смертная, мученическим смятеньем стучалась в людские сердца…

Стол не изобиловал разносолами, но на полу, сработанному на скорую руку из подручных средств, были расстелены настоящие персидские ковры. И посуда — из тончайшего китайского фарфора. В чаши, чашки и чашечки, и в кружки солдатские плеснули незапретного по случаю праздника, самый чуток — символически. С этими ничего не значащими каплями, не способными опьянить, выплеснули на донышко филигранной заботы китайского мастера и отечественного алюминия свирепую боль по погибшим вчера. И ротный — под бой курантов, который, покрывая огромные расстояния, с потрескиванием врывался из эфира, сказал: «Ребята, давайте сначала за наших товарищей. Земля им пухом…» И, не чокаясь, выпили.

В тишине раздался чей-то всхлип, затем надломленное (напрасно силился солдат подавить в себе непрошенный звук) рыдание. Кто-то надрывно, не стесняясь больше ни эмоций своих, ни товарищей, заревел. Столько слез их ротный командир

никогда еще не видел. И рота, из отваги и легенды, девятая, никогда еще не выплакивала столько слез, как в ту безрадостную новогоднюю ночь. Ни до, ни после, хотя попадала в такие переделки — другим не мерещилось и в кошмарных сновидениях. Даже тогда, выйдя из самых страшных и ожесточенных боев, не проливали столько слез по погибшим своим товарищам.

Валерка Вострotин тоже не выдержал тогда и заплакал. Да и как по-другому? Сам ведь еще совсем мальчишка. А его солдаты — и подавно: в поре коротеньких штанишек пребывали. Они еще не привыкли к смерти, не сжились с ней. И не умели ни поминать сдержанно и сурово, ни хоронить — скорбно и с достоинством…

Такая круговерть судьбы: последний Новый, 1989, год в Афганистане полковник Валерий Александрович Вострotин, Герой Советского Союза, командир отдельного гвардейского Краснознаменного ордена Суворова 3-й степени 345-го парашютно-десантного полка имени 70-летия Ленинского комсомола встречал со своей ротой. 9-й ротой. Там же, в Баграме. Как много лет назад…

Вот так-то, Федя Бондарчук, охальник ты этакий!

Так-то, дорогой читатель…

В Кабуле народ на базарах судачил по поводу большого приема правительства, назначенного на ближайшую пятницу в обновленном дворце. В Кремле, в тиши державных интерьеров, отгородившись мореным дубом и красным деревом от всего сущего, в строгой секретности, доверенные и уполномоченные лица выхолащивали стилистику и орфографию в проекте очередного, в спешке творимого документа: «О наших шагах в связи с развитием обстановки вокруг Афганистана» (№ П 177/151). В Ватикане Папа Римский на виду миллионов умиротворенных лиц, обращаясь к городу и миру, служил Рождественскую мессу, литургию.

Поэт Иосиф Бродский как-то заметил, что в Рождество все люди немного волхвы. В продовольственных магазинах и лавках предпраздничная давка, навьюченный люд производит осаду прилавков грудой свертков: каждый сам себе царь и… немножко отягченный приятною ношей верблюд. Сетки, сумки, авоськи, фирменные кульки, тележки для снеди, куртки с гагачьим пухом, шубы ценой в дорогое авто, шапки под зэковский или цэковский фасон, галстуки в клеточку, сбитые набок. Запах водки, хвои и парфюма, мандаринов, корицы и яблок, и витающее под потолком и вокруг сладостное предвкусье греха. Хаос лиц, и не видно тропы в Вифлеем из-за снежной крупы и куролесья забот погруженных в радостный быт людей.

Они же, продрогшие в стенах осклизлой промерзшей

казармы, занесенные ветром приказа из кондово-морозной Москвы, слонялись по каменистому пласту, убранному по случаю праздника упругим, хрумкающим под ногами снежным шаром, укутавшим в нежности поле, долы и горы, примеряя «платье войны» с чужого плеча и вложив в свои руки холодную сталь автомата, отдавая ему тепло ладоней своих… Прищур левого глаза открывал прорезь мушки прицела, сквозь которую Вифлеемской звезды и не разглядеть…

Но ты, обреченный на бойню, смотришь в небо и слышишь шорох своих ресниц: не упустить бы явленья звезды — звездной ракеты сигнала атаки…

Мы все, человеки, из той колыбели и яслей одних — под названьем Земля…

Свою звезду в Рождество над Кабулом спецназовец Рамиль Абзалимов, офицер ГРУ, увидел сквозь пар отмороженных слез и нелепо испугался: «Я проверял караулы и на подходе к дальнему посту, расположенному чуть выше, на взлобке, увидел сквозь вьюжную поволоку снегопада в горах зарево — в небо взметнулись огни, всполохи сияния затрепетали, — и услышал взрыв. Правильнее будет сказать — докатился взрыв. Оказалось, что это самолет с нашими десантниками на борту потерпел катастрофу».

О, вестник не чуда! Предвестник беды и страданий…

Глава вторая
ВРАГА БИТЬ — НЕ ПОСУДУ: УМ НУЖЕН…

В канун атаки на дворец полковник Василий Колесник, как руководитель операции, пересчитал буквально по головам имеющуюся в его распоряжении живую силу. Что он «имел с гусь»? Посчитал — прослезился: выходило не густо. «С гусь» Василий Васильевич, как он сам пошутит, имел шкварки и порядка семисот активных штыков. Против… о-го-го!..

1

План операции «Шторм» предусматривал нападение на дворец параллельно с блокированием зенитного дивизиона, поскольку, не выполнив эту задачу, нельзя было надеяться на успех при осуществлении основного замысла. Согласно определяемым боевым задачам, захват дивизиона возлагался на командира 1-го взвода 3-й роты лейтенанта Рустама Назарова, которому придавалась 3-я группа 4-й роты, усиленная двумя расчетами АГС-17. Гранатометчики должны были огнем отсечь личный состав от средств ПВО на позициях, а саперы под их прикрытием должны были выйти к орудиям и пулеметным установкам и уничтожить их подрывом. Общее руководство осуществлял подполковник Олег Ульянович Швец.

Подразделениям отряда были поставлены такие задачи (группа — это, как правило, штатный взвод; когда «хотелось звучать», называли себя «группа» — в ней бодрящий отголосок спецназовского духа):

1-я рота на девяти БТР-60ПБ (командир — капитан Кудратов Исмат Суннатович) без взвода — блокирование 1-го пехотного и танкового батальонов. 1-й взвод лейтенанта Турсункулова Рустамходжи Турдихуджаевича — участие в штурме дворца Тадж-Бек.

2-я рота старшего лейтенанта Амангельдыева Курбандурды Мередовича без 3-й группы на тринадцати БТР — блокирование 3-го батальона. 3-я группа (командир Нуреддинов) — захват ресторана на горе.

3-я рота на БМП старшего лейтенанта Шарипова Владимира Салимовича без 1-й группы и двух БМП 3-й группы — захват

дворца. 1-я группа (командир Назаров Рустам Чингизович) — блокирование зенитного дивизиона. Две БМП 3-й группы (№ 039 и 040) — в распоряжении командира батальона в качестве передвижного командного пункта и резерва.

Силы и средства штурма (командир — Шарипов, БМП № 030): 2-я группа (командир — Абдуллаев Хамид, БМП № 035, 036, 037, 038), две БМП 3-й группы (№ 041 и 042, соответственно, командиры — Эгамбердыев Бахадыр и Абдуллаев Рашид) должны были блокировать блокпосты и обеспечить продвижение основных сил. Эти боевые машины были полностью укомплектованы личным составом отряда ГРУ с задачей: обеспечить продвижение основной группы захвата и, подавив сопротивление блокпостов, также выдвинуться к дворцу.

В каждой БМП со смешанными группами находились: от «мусбата» — командир машины, механик-водитель, наводчик-оператор и два пулеметчика в десантном отделении. Для бойцов КГБ оставалось шесть посадочных мест.

4-я рота АГС старшего лейтенанта Мирюсупова Миркасыма Миргулановича была распределена так: 1-я группа лейтенанта Тишаева Гафуржона Кадыровича получила приказ блокировать казармы бригады охраны. Группа лейтенанта Абдувалиева Улугмирзы Халмирзаевича была придана для поддержки действий 1-й роты. 3-я группа лейтенанта Абзалимова Рамиля Каримовича входила в состав 1-й группы 3-й роты, нацеленной на захват зенитного дивизиона. Два расчета АГС-17 лейтенанта Камбарова Александра Магруповича работали по дворцу.

Артиллерийская группа «Шилок» старшего лейтенанта Прауты Василия Максимовича поддерживала двумя установками (№ 040 и 041) штурм резиденции и еще двумя (№ 042 и 043) — капитана Кудратова в нападении на городок пехотного и танкового батальонов.

9-я рота 345-го отдельного парашютно-десантного полка лейтенанта Вострotина Валерия Александровича без взвода — блокирование 2-й пехотного батальона. Взвод выполнял задачу по нейтрализации штаба бригады и казармы роты охраны.

Взвод ПТУР «Фагот» старшего лейтенанта Севостьянова (штатно не входил в состав отряда — он пришел из Баграма вместе с ротой Вострotина) выделялся в резерв и находился в готовности к открытию огня по боевой технике 5-й танковой бригады в случае ее подхода.

Помимо штатных подразделений была сформирована группа захвата танков (командир — капитан Сахатов Мурад Таймасович), которой ставилась задача: выдвинуться заранее к капонирам, бесшумно снять часового и на захваченных машинах

оказать помощь нашим бойцам в блокировании танкового батальона. (Со временем у кагэбистов родится такая вариация, с которой они «явятся в миру»: дескать, танки надо было захватить для того, чтобы пальнуть из них по дворцу и тем самым создать видимость свержения деспота Амина афганскими воинами. И как это должны были определить с американского спутника-шпиона: кто палит по дворцу и кто каким лицом удался?)

Группа Сахатова состояла из 12 солдат и двух офицеров отряда (командир и Ашур Джамолов). Плюс четыре снайпера: от группы «Гром» — Дмитрий Волков и Павел Климов, и два «зенитовца» — Владимир Цветков и Федор Ерохов. Их «заботой» был часовой, и — чтобы тихо. (Не управились «ворошиловские стрелки» с Амином, предоставили шанс поквитаться с его подданными.) Солдат подобрали: тех, кто в учебных подразделениях готовился в танкисты. От действий этой группы во многом зависел успех операции — они делали зачин, за ними был первый выстрел, они становились предтечей бойни. При их удаче — воодушевление и надежда на успех. О неудаче и думать не смели.

26 декабря генерал Гуськов прибыл в «мусульманский батальон» и заслушал боевое распоряжение командира батальона майора Холбаева по плану захвата дворца. Уточнил время начала штурма с оговоркой: «Возможны переносы». С этим временем «Ч» командиры изрядно понервничали. Время штурма первоначально тужились назначить на 23 часа 25-го. Потомили бойцов ожиданием и перенесли время атаки по всем объектам на 22 часа 27-го. Но и это станет не окончательным решением. 27 декабря с утра начало операции назначили на 15.00. За три минуты до этого времени «Ч» дали спешно команду «Отбой» и спланировали «в атаку, вперед» на 18.00. Потом перенесли на 19.30. Ротный Вострotин вспоминал: «Задачу ставили несколько раз. Первое совещание было в 14.00, затем в 15.00 и в последний раз — уже в 18.15. На каждом совещании время операции переносили. На первом начало операции назначили на 21.00, на втором — на 20.00 и на последнем — в 19.00». Отдаю себе отчет, что утомляю цифирью. Делаю это только с одной целью — чтобы понятнее было, как начиналась «четко спланированная операция». Так утверждали всегда, и с неизменным пафосом, руководители всех рангов и мастей «при и около» тех событий, надев на лица царственное безразличие, когда их уличали если не во лжи, то в корпоративном лукавстве.

И какие причины и оправдания придумывали! То Джандад что-то якобы пронюхал и стал вглядываться в бинокль, рассматривая наше расположение, а всем почудилось — дознался,

стервец, ату его, ату! То во дворце началась суматоха и беготня, когда отравили Амина. И почему-то никто сегодня не говорит о том, что от очередной затеи КГБ со спецсредствами — и, как всегда, нереализованной «по уму» в Афганистане — было больше нервотрепки и неудобств, чем результата, который способствовал бы выполнению задачи. Генералитет что-то выдумывал свое после докладов Колесника и стал чудить, раздражая Москву переносами времени начала штурма. Там, в Белокаменной, не очень понимали, почему нужно менять установленное боевым распоряжением время «Ч» на основании того, что неизвестный им майор Джандад припал к окулярам бинокля и смотрит в «советскую» сторону…

Что и как было дальше, передаю словами Володи Шарипова. Запись из моего «фронтового» блокнота, которая приходится на нашу джалалабадскую встречу: «Задачу мне поставил сам Колесник: „Стартанешь на пяти машинах. В каждой по пять человек твоих, плюс „кагэбэшники“. Потом твоих людей, кому не хватит места в БМП, подвезут следом. Сразу же с началом движения откроешь огонь из всего оружия. В каждую машину посадишь по два бортовых пулеметчика с ПК. Оцепишь здание так, чтобы никто не ушел. Внутри будет действовать Комитет, а твое задание — никого не упустить!“»

Никого не упустить — это в первую очередь Амина. (Одна конкретная задача, одна главная цель, один смысл действия: «Никого не упустить!» — то есть не дать уйти, ускользнуть Амину, и — баста! И ни слова о том, чтобы прикрыть атакующих, обезопасить их извне и оказать огневую поддержку. Скажут потом — это же само собой подразумевалось. Ерунда все это, говорильня оправдательная. В четко определенных пунктах боевого приказа нет предположений, «подразумеваний», двусмыслиц — это военные хорошо знают и ясностью этой в бою руководствуются.)

У меня в роте было 120 человек и 13 БМП. Один взвод и пять БМП под моим командованием выполняли задачу по штурму дворца в первом эшелоне. Следом за нашими группами и четырьмя ведомыми Турсункуловым бэтээрами с «зенитовцами» выдвигались еще две моих БМП с задачей доставить подкрепление, состоящее на сто процентов из солдат батальона.

Взвод лейтенанта Назарова Рустама Чингизовича (замкомвзвода прапорщик Ишанберды Мамедназаров) должен был блокировать зенитный дивизион, а 3-й, старшего лейтенанта Ниезитдина Намозова (заместитель прапорщик С. А. Алисултанов), выделялся в резерв полковнику Колеснику.

Группы я сформировал следующим образом. Сразу оговорюсь:

подбор и расстановка членов экипажей — это не моя компетенция, мне их просто поставили, не знакомя, и не было ничего такого от «боевого братства». Правда, сказали: «Вот ваш командир на первом этапе — старший лейтенант Шарипов. Он вам покажет ваши машины и старших машин. Через Шарипова вы будете держать связь». Что-то уело меня, даже обидело, а потом махнул рукой — да загружайтесь себе как хотите. Так, как вам ваш начальник повелел, как принято у вас — без имени и отчества. Влезьте неповоротливо бочком один за другим и не высовывайтесь, носа не кажите при выдвижении. А все остальное предоставьте нам. Мы уж как-нибудь без вас, сторонних на первом этапе штурма и не очень-то залихватских на вид, если вас наблюдать со стороны; доставим вас, ребятки, аккуратненько, не мешало бы без происшествий, и по дороге постараюсь вас не шибко помять, чтобы вы к бою были готовы. Я ввозил в огонь боя группу «Гром».

1-я группа (пятый экипаж) — это моя, командирская, машина (№ 030) и четверо моих орлов. Экипаж: Романов, Репин, Мазаев, Козлов, Асадулла Саррвари.

2-й группой командовал командир взвода лейтенант Хамидулло Абдуллаев (заместители: прапорщики Кучкаров Г. Н. и Машарипов Рузмет Машарипович, ротный старшина, находились в разных машинах в качестве старших машин). БМП группы: № 035, 036, 037, 038. Поэкипажно кагэбисты в машинах были размещены так:

(головная № 035 — старший машины лейтенант Абдуллаев), десант бойцов КГБ: Балашов, Баев (его в последнюю минуту «изъяли» из экипажа Карпухина), Федосеев, Швачко;

(№ 037 — прапорщик Кучкаров): Емышев, Кувылин, Кузнецов, Якушев, Бояринов;

(№ 038 — старший сержант Шухрат Мирзоев): Голов, Анисимов, Гуменный, Зудин, Соболев, Филимонов;

(№ 036 — прапорщик Машарипов): Карпухин, Берлев, Плюснин, Коломеец, Гришин.

3-я группа — две БМП (№ 041 и № 042) — старшие машин, соответственно: старшие лейтенанты Эгамбердыев Бахадыр Абдуманапович, мой заместитель, он же зампотех роты, и Абдуллаев Рашид Игамбердыевич, замполит, у которого механиком-водителем был сержант Шавкат Азаматов…

В группе Турсункулова было такое распределение по БТРам:

1-я группа (№ 010): Семенов — старший группы; Карелин, Агафонов, Антонов, Кимяев, Курбанов, Чернухин, Саид Гулябзой.

2-я группа (№ 011): Суворов — старший, Гулов, Дроздов, Колмаков, Новиков, Поддубный, Рязанцев.

3-я группа (№ 012): Фатеев — старший, Ильинский, Лысоченко, Макаров, Цыбенко, Чижов.

4-я группа (№ 013): Щиголев — старший, Быковский, Иващенко, Пономарев, Чарыев, Курилов, Захаров.

После получения задачи от полковника Колесника мы с Романовым подошли к генералу Дроздову. Он показал портрет Амина и в который раз повторил с нажимом — этому человеку ни в коем случае не дать уйти из здания. Попросил обезопасить во дворце еще двух афганцев: капитана и женщину, выполнявших спецзадание. Фото их не показал, но коротко сказал: «Своих узнаете».

(Отговорка более чем подлая. И коль по чести — непростительная. Это не тот случай, когда купейная попутчица отстала от поезда и завтра догонит, это тот самый случай, когда, отмахнувшись небрежно словом, — как к смерти подтолкнул. Таков он — генерал КГБ! Витийствующий и плебействующий.)

Дроздов обращается ко мне с такими словами: «Запомни, Шарипов! Нам отступать некуда. Я тебя, если неудача случится, в лучшем случае смогу сделать перед афганцами психом-придурком. Смотри, чтоб Амин не ушел! Не дай бог, объявится в другой стране! Тебе — конец!..»

Не в таких ли откровенных наглых пассах кроется определенная доля секрета «идейной убежденности» и стойкости кагэбэшников во все времена? И не вследствие ли этого они подчас так самозабвенно, изо всех сил, рвут когти и жилы? Себе и другим. Генерал сказал тяжкие слова. И о мрачной перспективе для Володи, и об отчаянном положении «отработанного материала» — капитане и женщине, которая, между прочим, выполняла спецзадание, а не путешествовала на полке купе ночного экспресса…

Шарипов понимал, что генерал не шутит. Сознание неотвратимости надвигающихся событий решительности не прибавляло. Скорее наоборот. Страшно было уже даже не за себя, страшно было за провал операции.

Достиг-таки желаемого хлестким предупреждением, замешанным на гнусности, генерал КГБ…

Накануне офицеры — хохмы ради — постриглись наголо, под «ноль». Солдаты, глядя на командиров, увидели в этом своеобразный знак и, охваченные коллективным экстазом заразительного примера или чтобы отвлечься от все больше охватывающего беспокойства, тоже без сожаления сбрили с голов волосы. Были мальчишки молоды, обожали жизнь… и, скажите, когда чудачествовать и делать маленькие глупости, если не в их возрасте? Всех обуревала растущая, как опара, пустота от

напрасно гонимой мысли о дне грядущем, завтрашнем. Хотелось отвлечься, успеть сделать что-то очень значимое и большое — так, чтобы на всю жизнь, а за неимением возвышенного, подходило и тривиальное изменение «фасона стрижки». А может, была потребность в признаке-обереге, и в этом примету увидели. В них, приметы, можно верить, можно не верить. Тем, кто верит, всегда легче — есть уверенность, что раз сегодня с утра ничто не предвещало плохого, день должен удасться. Нильс Бор всю жизнь говорил, что в приметы не верит, но, когда пригласил друзей обмыть свой новый загородный дом, те увидели над дверью прибитую подкову и удивленно спросил: «Ты же не веришь в приметы?» «А вдруг эта штука работает вне зависимости от того, верю я в нее или нет?»

Это остроумие ученого, за которым он попытался скрыть истину, верить начинаешь тогда, когда у тебя появляется то, что можно потерять, и ты осознаешь вдруг, что и дом может сгореть, и дитя твое может заболеть, да и ты сам не вечен. Тем более в канун боя. Как говорил Булгаков, скверно не то, что человек смертен, а то, что он внезапно смертен. Тем, кто верит, по большому счету легче жить и легче умирать. Летчики не любят фотографироваться перед полетом, афганцы никогда не скажут: «Увидимся завтра!», не прибавив тут же: «Иншалла!» — если Бог даст. И на войне неверующих не бывает…

Накануне из Москвы прибыла посылка: пять тяжеленных ящиков. Когда комбат Холбаев вместе с замполитом Сатаровым вскрыли их, то обнаружили внутри… три десятка бронежилетов. Их прислали по личному распоряжению генерала Ивашутина. Впрочем, кагэбисты, с согласия «мусульман», реквизировали товар. Им действовать внутри дворца, а раз так, то и броня им нужней, чем кому-либо. Шарипов в сентябре 2008 года так интерпретирует этот факт: «У „Альфы-Гром“ были свои бронежилеты, а у „Зенита“ не было. Так вот они и прихватили, с молчаливого согласия… Холбаева. А жилеты предназначались моей группе».

В предполуденный час 27-го полковник Колесник, приехав на пункт управления, доложил окончательно отработанный и письменно оформленный план. «Полководцы» рассмотрели, утвердили, но вернули без подписи (а это святая святых при утверждении плана боевых действий) со словами: «Действуйте». Заметив на лице Колесника недоумение, предложили, но довольно резко: «Идите!» Понимая, что вышло грубо, смягчили тон: «Вас, полковник, ждут дела… успеха вам».

Уже позже Василий Васильевич предавался сарказму (Москва свела нас в последний раз в девяносто третьем; генерал-майор

Колесник вышел в запас, и мы повстречались в городском отделении Фонда социальных гарантий военнослужащим, президентом которого он был): «Я привык, что мне говорят — „вас ждут великие дела“. А тогда они оба меня достали, озлился я не на шутку: видно же — мандраж хватил двух генералов, а они еще и выпендриваются. Мало того что до того все сделали безголово и бездарно, и Бога надо молить, что приостановили операцию „Дуб“. Кстати, хорошо назвали — в соответствии со своим „военным кругозором“. Мало того что все дружно „отпрыгнули“ от руководства штурмом дворца, убоявшись ответственности. Мало того что, по существу, палец о палец не ударили во время разработки нового плана и общей подготовки к захвату объектов и все свалили на Колесника, крайнего. Так они еще и меня, и нас всех, отправляемых на бойню, в упор не видят и далеко посылают. И тогда-то, когда во мне все это вскипело, я при них крупно, чтобы видели из своего угла тараканьего, написал по полю карты: „План устно утвержден главным военным советником Магометовым С. К. и главным советником КГБ СССР Ивановым Б. С. От подписи отказались“. И вышел из кабинета да еще дверью треснул как следует».

Цитата по поводу «неподписантов» и руководителей, что нас к «победе привели». Летописец КГБ Федя Бармин повествует: «План операции был утвержден представителями КГБ и Министерства обороны (Б. С. Иванов, С. К. Магометов), завизирован Н. Н. Гуськовым, В. А. Кирпиченко, Е. С. Кузьминым, Л. П. Богдановым и В. И. Осадчим (резидент КГБ). „Первыми скрипками“, несомненно, были представители Лубянки: советник председателя — генерал Борис Семенович Иванов, заместитель начальника Первого главного управления (внешняя разведка) — генерал Вадим Алексеевич Кирпиченко, руководитель представительства комитета — полковник Леонид Павлович Богданов, резидент КГБ полковник Осадчий. Чуть позже к ним присоединится шеф Управления нелегальной разведки и спецопераций — генерал Юрий Иванович Дроздов.

От Минобороны операцию готовили: новый главный военный советник Султан Кекезович (так у Феди; налицо чекистское небрежение пополам с „пофигизмом“), заместитель командующего воздушно-десантных войск Николай Никитович Гуськов и представитель Генерального штаба Вооруженных сил СССР Евгений Семенович Кузьмин». Заметьте, воинские звания армейских руководителей даже не указаны, в отличие от своих генералов КГБ.

Ух, как их много! И все это из-за убийства одного мужика, Амина, простого смертного и даже без бронежилета. За этим

густым частоколом себялюбцев подлобызников, «огласивших список полностью», что-то и не разглядеть руководителя операции — Василия Колесника. А знаете почему? Чекист о чекисте вещает, тумана нагоняет, крепит прошлое КГБ; таким образом, убеждает нас и намек дает — знай, дескать, наших, не лаптем щи хлебали… А сколько подобострастного уважения проявлено в перечислении всех титулов, и — все по имени да по отцу-батюшке. Осадчему, заметьте, не повезло: не отвеличали его, наряду с другими, как надо и достойно — по имени-отчеству. Не потому ли, что на день написания воспоминаний он, полковник Осадчий, дивным образом и как-то очень внезапно умер, опекая Бабрака Кармаля долгие годы, и его одного Кармаль уважал?

А теперь факт по поводу «неподписантов» и других руководителей. По возвращении из Кабула в Москву 30 декабря полковник Колесник прибыл с докладом к начальнику ГРУ. Порученец, подполковник Игорь Попов, узнал Василия Васильевича — был сама вежливость и препроводил его без промедления к Ивашутину. Петр Иванович вышел из-за стола навстречу.

— Дай я тебя расцелую, дорогой ты мой! Заставил старика поволноваться. Умничка, не уронил чести. Горжусь тобой, Василий, право слово, горжусь…

Петр Иванович был Петром Ивановичем, не генералом и не начальником. Выглядел таким домашним, что впору халат с позументами накинуть на плечи. Тут же распорядился с чаем.

— Здесь к месту больше коньячок бы подошел — вишь, Игорь мину строит, — но докладов у тебя сегодня предостаточно, так что, уволь, дорогой, следующим разом всенепременно. Ну, рассказывай по порядку, рассказывай, Василий.

Час минул быстро.

— Вот так оно и закончилось все, товарищ генерал армии. По-моему, ничего не упустил.

Генерал молчал, о своем думал. В воцарившейся в кабинете тишине не было каких-либо осязаемых чувств — одна пустота. Не гнетущая, не удручающая — безмятежная и безликая. Колесник вдруг ощутил, что дьявольски устал.

— Поймут ли нас… когда-нибудь?.. Погибших солдат достойно проводить надо; ты подумай с Холбаевым, как это лучше сделать. Боюсь, военкоматовские за завесой секретности и под покровом ночи придадут тела земле… О родителях подумайте, как поддержать их, чем нужно помочь. Список представленных к награждению — мне на стол. Сам знаешь кадровиков, начнут сейчас канючить: и много, и слишком высокие награды, и все тому сопутствующее… А документы я у

себя оставлю, коль ты не против. И ты уж, прошу тебя, без моего ведома никому ни о чем не рассказывай. И так сраму уж больно много за генералов. Договорились? — Уже на выходе, тепло прощаясь у дверей — и, должно быть, вслед своим раздумьям, — с нотками озорства произнес: — Говоришь, орлы — наш отряд? Горжусь этим. Такого в нашей спецназовской истории еще не было: полгода подготовки, и — отборные солдаты на славу удались, прям-таки соль земли грозная получилась. Гм-м, а вы как их окрестили… «мусульманский батальон». Слушай, Василь Васильевич, а ведь неплохо, правда. Сладкоречиво…

У начальника Генштаба Колесник докладывал подробно и обстоятельно. Маршал Огарков внимательно выслушал и еще более внимательно изучил карту, исполненную Колесником в единственном экземпляре — с нанесенной обстановкой, задачами всех подразделений и групп, участвовавших в штурме дворца, и расписанием взаимодействия. Николай Васильевич обратил внимание, что на плане штурма нет росписей генералов Магометова и Иванова.

— А почему не утвержден план? Вы что, действовали без согласования с ними?

Колесник перевернул бумагу.

— «План утвержден, от подписи отказались», — вслух прочел маршал. — Они знают об этом?

— Так точно, я собственноручно написал при них.

Обычно сдержанный маршал смачно выругался, но тут же поправился, и в голосе его зазвучали теплые нотки:

— Молодцом, полковник… молодцом, Василий. — Он встал и, подойдя к Колеснику, обнял его. — Наше счастье, что хоть кто-то оказался решительным, а то наломали бы дров…

На следующий день Колесника вызвал генерал Ивашутин, дал своего порученца в провожатые, машину и почти торжественно, с напутствиями, отправил к министру обороны маршалу Устинову, но что более важно и значимо — к члену Политбюро ЦК КПСС. Встреча эта для скромного полковника стала памятной, и Василий Васильевич не то чтобы с гордостью рассказывал о ней, но детали не упускал, смакуя всякий раз нравы министерских кабинетов и их обитателей. Людей, совершенно нам незнакомых, хотя их портретами повсюду были густо завешаны стены — и в местах нужных, и в не очень присутственных. При докладе министр обратил внимание на надпись, которую Колесник сделал в кабинете Магометова, покачал головой: «Я понимаю, почему осторожный кавказец Магометов не поставил свою подпись на твоем плане. Но почему Иванов не расписался, понять не могу». Устинов, не торопясь, прошелся по кабинету и положил

документы Колесника в приоткрытый сейф. Блеснул сквозь очки хитрецой в сторону полковника, но ничего не сказал. Пронесло…

Давайте, щадя двух генералов, не станем попрекать и осуждать их. Ну, не хватило товарищам мужества поставить свои подписи, утвердить документ, воспользоваться правом, предоставленным им, почитай что, руководством страны, — да и извольте. У русской истории хватит страниц для тех, кто в пехотном строю смело входили в чужие столицы, но в страхе возвращались в свою. Тем более что у них возник порыв и намерение исправиться и стать «хорошими». Когда задача была выполнена, они сами разыскали Василия Васильевича и сказали: «Ну, давай твой план, мы подпишем». Василий Васильевич, только что вышедший из боя, пропахший порохом, опустошенный пережитым, не пригубивший и грамма водки, не поверил в их «чистосердечное раскаяние», хотя в душе все простил генералам, не таил зла, но подписать все-таки не позволил. Не оттого ли Василий, Герой Советского Союза, целых восемь лет «шел» от полковника до генерала? Ни один из высоких руководителей не взял на себя ответственность. Как говорил сатирик Михаил Жванецкий: «Совсем не выговариваются слова: я вами руководил, я отвечаю за все».

А генералы, «праздновавшие труса», вновь обрели крылья для высокого орлиного полета, ладненько уместились на выторгованной полочке истории афганской войны и, нисколько не кручинясь, давно запив позор рюмашкой, завышагивали с гордо поднятой головой, с волевыми лицами, носами с небольшой горбинкой и раздвоенными подбородками, придающими им соответствующее выражение. И главное, донесут до сознания читателей в своих, не собственноручно написанных мемуарах, что они, любители шутки и юмора, были неумолимы, когда дело касалось выполнения полученной задачи. Не ищите подвоха в моих словах. Не я все это высказал, а генерал о генерале — Меримский о Магометове: «Салтан Кеккезович цену себе знал. Прошел через войну и хлебнул лиха. Ходил с гордо поднятой головой. Казалось, что к нему не подступиться, а в действительности был доброжелательным человеком, любил шутку и юмор. Когда дело касалось выполнения полученной задачи, то тут он был — неумолим».

Эх, слово печатное, от позора спасающее, почести воздающее…

Как бы не забыть! Генерал-полковник Магометов Салтан Кеккезович будет награжден орденом Ленина. И генерал Борис Семенович Иванов — тоже. Им же…

История насмешничала…

Два генерала — Салтан Магометов и Борис Иванов — были награждены высшим орденом страны — орденом Ленина. Те самые два генерала-руководителя, которые участвовали в разработке всех планов по оказанию содействия в оккупации Афганистана и в физическом устранении ее президента. Это те самые два генерала, которые курировали провальную операцию «Дуб», упомянутую выше Василием Колесником. Ее полное фиаско стало одним из аргументов для советских «ястребов» — военных и политиков — в пользу ввода войск.

Теперь о сути операции «Дуб». Это — план по уничтожению президента Афганистана Хафизуллы Амина и захвату важнейших стратегических объектов Кабула и Баграма. Разрабатывался он под руководством генерал-лейтенанта Николая Никитовича Гуськова (заместитель командующего ВДВ по воздушно-десантной подготовке) и представителем Генштаба генерал-майором Евгением Семеновичем Кузьминым, в тесном единении с генералами КГБ и с учетом выполнения возложенной на них задачи — подчистить так называемую самими афганцами Саурскую революцию и убить Амина. Отсюда и главный замысел, чисто в духе генерала-десантника: атакой с ходу, на «ура», и — дерзко, без оглядки, сомнений и моральных начал — вперед. И, как оказалось, без реального учета сил и средств — своих и противника, без конкретного плана дворца и системы его охраны. Знали только, что резиденцию президента «Арк» охраняют примерно две тысячи гвардейцев. Им противопоставили с нашей стороны одну роту «мусульманского батальона» и два десятка офицеров из группы КГБ «Зенит». Соотношение сил явно не в пользу нападающих. Порядок действий прорабатывался с конца ноября. Он менялся, переносился, и на то были и объективные причины.

Чем располагал Кабульский гарнизон? 7-я, 8-я и 11-я пехотные дивизии; бригады — 4-я и 15-я танковые, 88-я артиллерийская и «коммандос»; полки — 190-й артиллерийский, 26-й парашютно-десантный, 52-й связи, 21-й охраны, 1-й гвардейский, 10-й инженерно-саперный. Тысячи бойцов насчитывались в составе городского «Царандоя» и в службе безопасности. Первые варианты захвата всего этого неисчислимого «хозяйства» предусматривались силами двух батальонов десантников 345-го отдельного парашютно-десантного полка и отдельного отряда спецназа ГРУ. Десяток «комитетчиков» в счет не шли — они не на «ура» готовились идти

в атаку, а за спинами десантников (здесь нет ничего оскорбительного — такова была задумка), на их плечах ворваться в спальню диктатора и убить его. Или еще пример. Десантная рота неполного состава, а это 50–55 человек, усиленная несколькими расчетами противотанковых управляемых ракет (6 человек и 18 «Фаготов»), должна была блокировать две (!) танковые бригады.

Явной авантюрой выглядел и план захвата непосредственно резиденции. Подразделение на пяти бэтээрах (50 человек) должно было 14 декабря в 15.30 совершить марш-бросок (на что им отводился час!) из Баграма в Кабул, ворваться в город, снести броней ворота дворца, быстро подавить из гранатометов два танка, расположенные в капонирах с внутренней стороны вблизи ограды, и три БМП. Затем разъехаться вправо и влево по узким дорожкам вдоль четырехэтажных казарм бригады охраны. На броню должен был взобраться переводчик, объявить в мегафон (мегафоны обещали подвезти перед штурмом), что антинародный режим кровавого Амина пал, и предложить гвардейцам сдаваться и выходить из казарм без оружия и с поднятыми руками. При этом спецназовцам надо было проявлять максимум (!) дружелюбия, благожелательности и учтивости; а если кто-то попытается затеять ненужный шум и стрельбу или если у кого-то не выдержат нервы, разбираться с виновными будут по всей строгости закона. Эти требования «гениальной» задумки были переданы генералу Гуськову из Москвы, а он, в свою очередь, передал их «по цепочке»: сверху вниз, чтобы до каждого солдата дошло.

Ясно, что план был провальным, просто-напросто невыполнимым. К примеру, вопрос с воротами дворца «Арк», которые следовало снести бэтээрами. Для этого машину нужно было разогнать до приличной скорости. Чтобы подъехать к воротам, надлежало сделать прямо перед ними поворот почти на 90 градусов. Естественно, скорость будет снижена, и массивная ограда не падет. А как с ходу подавить гранатометами вкопанные в землю по башни танки? Эти танки в щепки разнесли бы БТР при первом же их приближении. Что значит пушка против пулемета и слабенькой брони бронетранспортера? Здесь все ясно и младенцу, к гадалке не ходи. Не молокососы же заседали в Министерстве обороны, скорее — головотяпствующий люд при лампасах.

А «променад» вдоль казармы гвардейцев, числом более двух тысяч? Из Москвы виделось так: появляются наши десантники и спецназовцы на двух БТР, и противник, огорошенный их элитностью, тут же безропотно сдается. И это — гвардия: солдаты и офицеры, тщательно отобранные и толково обученные. А начни

они вдруг стрелять? Естественно, надо ответить огнем и подавить. При этом, строго следуя приказу, проявлять максимум дружелюбия…

Осознаю, что рисую бредовую картину, но на практике должно было смотреться все приблизительно так. Прицелился наш боец и кричит — без мегафона: «Оул, Пайзы-джан, извини, брат, я — Ванька, учтивость соблюдаю, приказ не нарушаю, но надо, джан, уж извини, сердечный…» — и, с благожелательной усмешкой, дразня афганца, что в окне напротив, срезом ствола своего автомата, — плавненьким нажимом «топит» спусковой крючок.

А как подавить огневую точку на четвертом этаже казармы? На относительно узкой площадке перед казармой БТР не смог бы вести огонь даже до уровня третьего этажа (вертикальный угол обстрела: от –5° до +30°). Наших бойцов просто расстреляли бы из гранатометов сверху, легко и прицельно забросали бы гранатами…

Таким вот казалось задуманное «генералу от парашютов». Кто надоумил, не знаю, но вроде бы как прозрели руководители — теми силами и средствами, которые имелись тогда в Кабуле, выполнить поставленную задачу было невозможно. И тогда в Москву полетела шифротелеграмма за четырьмя подписями советских представителей. Полководцы «средней руки» оценили ситуацию как патовую, с выводом о том, что имеющимися в Кабуле силами они устранить Амина не смогут и без войсковой поддержки за успех переворота не ручаются. Просили усиления, и им пообещали в подмогу десантные полки.

Странно как-то прозревали генералы. Подвели сначала к губительной грани, а потом только спохватились и вот уже три десятка лет заносчиво талдычат: «Наше предложение об отмене операции — это плод коллективного творчества, ставший результатом всестороннего глубокого анализа и выверенных расчетов сложившейся ситуации».

Имейте в виду, что я привел цитату. Генерала от КГБ. Ловки они там, на Лубянке, однако лишь в любовании собой задним числом. Расколотят их планы и деяния до срамоты, а они, нисколько не ошарашенные, обратят свой позор во благо на словах — в победную реляцию, и, кротко потупя взор, поставят себе в заслугу даже позорно проигранное побоище. Лихо генерал о «плоде коллективного творчества», правда? Зачем ронять понапрасну высокие слова, выуженные из недр ЦК, со Старой площади, о коллективном разуме и коллективном плоде? Да такую бухгалтерию войны способен точно рассчитать любой курсант военного училища, не выходя из аудитории.

В связи с переворотом 14 декабря вот что очень интересно. Руководитель — маршал Ахромеев — задержался в Москве, но к вечеру его самолет прибыл на аэродром Термеза, где его встречали командующий 40-й армией генерал-лейтенант Тухаринов и член военного совета генерал-майор Таскаев, а также старшие начальники из группы. Ахромеев сообщил генералам, что **Амина убрали (!)…** А 19 декабря Ахромеев уточнил, что акция против Амина, оказывается, не состоялась…

Но, независимо от любых обстоятельств, состоялись, однако, орденоносцы-генералы, «чищенные под Ленина»…

История иронизировала, сыпля страх…

27 декабря в Кремле заседали члены Политбюро. К рассмотрению было представлено восемь проектов — их единогласно утвердили.

> *«Совершенно секретно. Особая папка. № П 177/151 от 27 декабря 1979 года. Лично… (Перечень фамилий членов и кандидатов в члены Политбюро.)*
>
> *1. Утвердить проект указаний совпослам в Берлине, Варшаве, Будапеште, Праге, Софии, Гаване, Улан-Баторе, Ханое.*
>
> *2 … проект указаний всем совпослам, в связи с развитием обстановки вокруг Афганистана.*
>
> *3 … проект указаний совпредставителю в Нью-Йорке.*
>
> *4 … проект Сообщения ТАСС.*
>
> *5 … приветственную телеграмму Председателю Революционного Совета, Генеральному секретарю ЦК Народно-демократической партии Афганистана, премьер-министру Демократической Республики Афганистан т. Кармалю Бабраку.*
>
> *6 … предложения о пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана.*
>
> *7 … текст письма партийным организациям КПСС.*
>
> *8. Утвердить текст письма ЦК КПСС коммунистическим и рабочим партиям несоциалистических стран».*

Разделенные пространством, но не временем, две группы людей, в одночасье, не подозревая того, были обуяны заботой друг о друге. В Москве «замшевые старцы» проголосовали единогласно за смерть узурпатора и утвердили текст приветственной телеграммы еще не родившемуся «единому в трех лицах-ипостасях» Бабраку: председателю, генеральному секретарю и премьер-министру. При этом доходчиво поясняя наивному миру, почему надлежит поступить именно так, и не

иначе. В Кабуле, в те же самые минуты, «государственный муж» в кругу семьи и сподвижников устраивал пир — а его априори объявили в официальном документе покойником и заочно предали без почестей земле. А в это же время пока еще здравствующий «узурпатор» Амин, непьющий — человек трезвой жизни, поднимал бокал с гранатовым соком за дружбу с СССР и за здоровье генсека Брежнева.

Но, на мой взгляд, жуткое и страшное заключается в следующем. Старцы, собственные дети которых, да и те, что были зачаты ими вне брака, погрязли в блуде, разврате, пьянстве — так вот, эти самые старцы дали «добро» на смерти тысяч и тысяч своих сограждан, детей других. И уйти из жизни им было позволено тайно и позорно — без почестей и славы. Подобно потенциальному трупу — Амину. Согласен, что аналогия — дурная, но не изгаляюсь я, не черню и не выдумываю. Читаем: *«Давать твердый и аргументированный отпор любым возможным инсинуациям насчет имеющегося якобы советского вмешательства во внутренние афганские дела. Подчеркивать, что СССР не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана…»* Строки эти — из протокола «пропагандистского обеспечения», пункт 6-й. Если мы там не участвуем, то и не можем там погибать. С какой бы это стати?.. Надеюсь, все ясно.

Обращаясь к «своим» членам и обкомам (п. 7-й), им рекомендовано накрепко зарубить себе на носу и передать другим: *«Однако в Афганистане нашлись силы, которые решительно поднялись против деспотического режима и устранили узурпатора… Новое государственное и партийное руководство во главе с Кармалем Бабраком обратилось к СССР с просьбой об оказании политической, материальной помощи, включая военную поддержку».* Здесь даже не бред «сивых кобыл» обращает на себя внимание: Шарипов еще только тренирует бойцов КГБ, а Политбюро извещает об убийстве Амина в настоящем времени, как о свершившемся факте. (Вы теперь лучше понимаете, почему так страшно было упустить Амина и дать ему уйти от смерти. Если не получилось отравить «до летального исхода», то «обездвижить» были обязаны — чтоб не сбежал, не ушел и не скрылся.)

Более занимательна извечная беззастенчивость «старшего брата», снисходительно похлопывающего своих «подрядчиков» по плечу. Первое. В принятом постановлении перепутали имя и отчество нового вожака-ставленника. Второе. Его вновь окрестили Бобрак — через «о», но, правда, кто-то, знающий, подсказал, и перьевой ручкой с черными чернилами исправили от руки на «а».

Совпослы в братских странах (п. 1-й) получили следующее

указание:

«Немедленно посетите лично т. Хонеккера (Герека, Кадара, Гусака, Т. Живкова, Ф. Кастро, Цеденбала, Ле Зуана или лицо, его замещающее (так в тексте: кто-то при „намеке“ на имя одной буквой, другие просто — по фамилии), *и, сославшись на поручение советского руководства, сообщите ему следующее… Однако в Афганистане нашлись силы, которые решительно поднялись против режима Х. Амина, устранили его от власти и создали новые органы руководства партией и страной… Во главе партии и правительства встал Кармаль Бабрак…»* По живому Амину уже справляли тризну. Пока он, Хафизулла, не знал о себе этого, но «братья по партии» в СССР были уже оповещены, что, похоже, не вывело их из равновесия в наступающем уик-энде.

Коммунистическим партиям, но не братским (п. 2-й), через посольства довели, что *«последователи Тараки… предпринимают в настоящее время шаги к тому, чтобы устранить узурпатора, сохранить завоевания Апрельской революции, оградить независимость Афганистана».* Исходя из логики постановления и слов «предпринимают в настоящее время шаги к тому, чтобы устранить узурпатора», все группы КГБ, отряд спецназа ГРУ, десантники, участвовавшие в акции, пограничники, советники, а через двое суток и 40-я армия должны были идентифицировать себя как «последователи Тараки». Интересно, это очень высокая честь?..

Коммунистическим и рабочим партиям несоциалистических стран (п. 8-й) не сказали об «устранении», а ограничились общей информацией о *«…вводе советских воинских контингентов с одной целью — оказать народу и правительству Афганистана помощь и содействие против внешней агрессии. Никаких других целей эта советская акция не преследует».*

А о пункте пятом, где утверждена приветственная телеграмма Кармалю, рассуждать долго нечего: не было в картотеке агентуры КГБ других «каземов», которые претендовали бы на высокие государственные посты. И потому Андропову и Крючкову ничего другого не оставалось, как рекомендовать членам нашего Политбюро назначить Бабрака (его конспиративная кличка Казем) генсеком, премьер-министром и председателем ревсовета. А если учитывать, что Кармаль автоматически становился и верховным главнокомандующим, то у «сварганенного на скорую руку верховода» государственных постов оказалось больше, чем у милейшего Леонида Ильича. Молодцом, товарищи Андропов и Крючков, — не убоялись гнева ревности и буйства генсека Брежнева…

История вышучивала…

Штурм Зимнего дворца — это заданная и искусственно сотворенная историческая веха мнимой русской революции семнадцатого года. Якобы свергали правительство — а что еще им там было делать ночью, — послушное и не имеющее ничего против своего отстранения, героически разметав сотню теток с ружьями, у которых было больше тела, чем начальной военной подготовки. Разудало грабя царские палаты, по-пролетарски разживались. А так как неумытая корабельная матросня с такелажных суден и окопная солдатня — не ювелиры, то, по незнанию, сбивали с интерьеров позолоту и сдирали все, что блестит, — и лепнину, и предметы, покрытые бронзовой краской, и пеньюары, и поношенные штиблеты. И пьянились головокружительной свободой вседозволенности и сокрушения, доселе невиданного ими. Ими, пьяными хамами, вошедшими в удаль грабежа и в сладость прощаемого насилия, нескончаемой тризной затемнившие чистоту души каждого доброго человека. Фартовые были эти расхристанные охламоны при винтовках наперевес, понавешанных на неряшливые бушлаты и шинели. С лицами, которые по большей части выражали какую-то растерянную тупость. Каждый — никто, а вместе — они масса. Вломились толпами в большевистский бунт, неся впереди себя нетвердо заученные революционные фразы, гибельные по своему духу, которые только подчеркивали непонятность и неправдоподобность этой внезапной революционной сознательности и просто обнажали голос бунтарства. Улизнули походными колоннами и вразнобой из окопов, бросили родину-мать и отчизну свою на поругание австрийцам, венграм, немцам. Перелицевались в сельских апостолов-праведников и возроптали, что их, невежд, гнушаются и презирают как чернь-отродье.

В мирное время мы забываем, что мир кишит такими выродками; в мирное время они сидят по тюрьмам, по «желтым домам». Но вот наступает момент, когда «державный народ» торжествует. Двери тюрем и «психушек» раскрываются, архивы сыскных отделений жгутся — начинается вакханалия, и ватаги «борцов за светлое будущее», совершенно шальные от победы, самогонки и архискотской ненависти, с пересохшими губами и дикими взглядами, наотмашь ломают двери домов в поисках врагов и оружия…

И Тадж-Бек — дворец президента Амина — осенят символом победоносного шествия и продолжения Саурской революции. Немало защитников будет положено, свергнут правительство, арестуют и перестреляют министров (а заодно и попавших под горячую руку их жен и детей), убьют Хафизуллу Амина, по-мафиозному, с контрольным выстрелом в череп, одним нажатием

«курка» сместят его со всех ипостасей власти и — приступят к грабежу. Выметут все подчистую, вплоть до женского белья. Пожалуйста, не надо гнева и обвинений в мой адрес, хотя бы до поры, — я и об этом расскажу. Не хотелось мне копаться в грязном белье; считайте, что делаю это вынужденно, в порядке самозащиты.

История язвила…

Дикие воители из прошлого века, вырожденцы с приплюснутыми лбами — наемная немецкая и финская солдатня, и своя, балтийская, матросня — приглашенные всласть «поозорничать» в чужих пределах, искореняя власть, сразу же, на волне вседозволенности и стадного насыщения кровью, убьют двух генерал-губернаторов, семьдесят командиров кораблей, среди них и командира «Авроры» капитана первого ранга Никольского — выстрелом в спину.

Так и наши славные ребята, воители-патриоты. Добросовестно искоренят власть, перебив только в первую ночь в Кабуле и его предместьях — по очень приблизительным и тщательно скрываемым данным — около четырехсот человек, среди которых были женщины и дети, и глава государства Амин, расстрелянный выстрелами в упор.

История стебалась, словно плача…

Войска преодолевали треклятый перевал Саланг. Десантники Витебской дивизии получили первые нахлобучки из-за черт знает как установленных палаток, «голубые береты» в мужланских шапках, не выспавшиеся и не мывшиеся несколько недель, не обращали внимания на ленивую взбучку, но лейтенанты и капитаны, их командиры, дико огрызались: «Так в бой идем или палатки под линейку ставим?..» Наши славные «мусульмане», чистые и благодушные после бани, тоже бранились, но несильно: «Надо было прежде оружие смазать, готовясь к бою, а уж потом под душ нырять, готовясь чистым умирать». Офицеры-чекисты продолжали безропотно высиживать «золотые яйца» второго этапа Саурской революции. В скверно обжитых бункерах Баграма, в коих буквально еще вчера общим лежбищем располагались спецназовцы ГРУ, теперь ютились приживальщики: Бабрак Кармаль да его соратники, тайно доставленные накануне группой КГБ из Ташкента. 27 декабря пополудни (в час заседания Политбюро в Москве) Валентин Шергин — начальник отделения и старший группы охраны — позвал заместителя майора Юрия Изотова и предложил поприсутствовать на историческом событии. Сарказма не скрывал. Они вошли в капонир — за столом сидели все их подопечные во главе с Бабраком и что-то достаточно горячо обсуждали. Изотов вопросительно взглянул на

переводчика. Тот прислушался к разговору, кивнул:

— Заседание Политбюро. Как у нас когда-то в семнадцатом перед решающим штурмом, распределяют обязанности: кому, куда идти в революции.

— И что решили?

— По-моему, Гулябзой и Саравари — на дворец, Нур — на «Царандой», Ватанджар — на узел связи…

Этот сбор накоротке со временем обретет смысл эпохальной значимости, станет исторической приметой…

После окончания окопного заседания убыли в Кабул под охраной Саравари, Гулябзой, Ватанджар, потом Нур. В капонире остались только Бабрак и Анахита. Стемнело. Истомились ожиданием, не находили себе места, не знали, куда подеваться. Было душно, нервозно, на душе — паскудно, а в голове — метельный чад. На дворе холодная ночь мутно обозначила пасмурный признак луны. Она, таинственный звездный пастырь, лишь изредка, на миг, выпрыгивавшая из-за туч, стылая и бестелая, освещала студеные дали, наряжая простор в печаль, в грусть-тоску и уныние. Анахита заметила и почувствовала это и что-то сказала о знамении. Разговор не клеился, каждый погрузился в себя, и никому не было дела до того, что там светит в дыму облаков. Хотелось скорейшей победы революции. Секундная стрелка на циферблате часов мерно отмеряла круги. Шестьдесят пульсирующих скачков стрелки — целая вечность, а вокруг тишина. Еще чуть-чуть, и она станет зловещей…

Тревожное нудное ожидание разорвалось вдруг уханьем и трескотней, отдаленной и одновременно близкой. Казалось, за пологом палатки бьют, бьют и бьют, раздалбливая капонир и враз убитую тишину и ночь. Анахита инстинктивно прижалась к Бабраку. Кармаль успокаивающе что-то зашептал ей на ухо. Шергин, отвернув взгляд от обоих, поправил оружие и внутренне изготовился. Вокруг гудело и полыхало, аэродром содрогался от взрывов. Шергин понимал — что-то пошло не так, как надо. Уж больно много шума, захват обернулся боем и грозил перерасти в настоящую битву. Долго-долго выясняли огнем отношения. Слишком долго. Наконец все снова стихло…

Снаружи послышались чьи-то шаги, и в капонир, весь в снежинках на небритых скулах, вбежал запыхавшийся офицер. Не пригласил, а приказал — к аппарату…

Глухая ночь входила в свои права. Считаные часы оставались до наступления нового дня — 28 декабря. Аэродром Баграм был погружен в непривычное затишье…

Товарищ Андропов на проводе уже заждался, и его вопрос был коротким: «Как дела?» Переводчик лаконично ответил, затем

встрепенулся и повернулся к сидящим:

— Товарищ Андропов поздравляет вас, товарищ Бабрак Кармаль, с победой второго этапа Апрельской революции и избранием вас председателем Ревсовета республики и главой государства.

Вкрадчивый и одновременно взволнованный голос сообщил издалека, из заснеженной убеленной Москвы о свержении деспота, и — пожалуйте в Кабул принять скипетр власти…

Свершилось! Для корпоративной группки афганцев… Не было конца восторгу и упоению. И не унять его — открытого, непритворного. С объятиями и лобзаниями. Ликовали: уже час, как они — властители. Ликовали, не стесняясь детского восторга, дурашливого хохотка, радостного пританцовывания в каком-то несуразном танце, не стесняясь присутствия посторонних, бдительных и суровых охранников, столь милых в этот историчекий момент…

Свершилось не только для них. И для русских семей тоже… В морге лежал перепачканный землей и окрошкой побитой штукатурки Бояринов. Втиснули промеж других тела Волкова, Зудина. И других, но — афганцев. Смерть примирила их — непримиримых. Быть может, в те самые минуты экстаза в капонире во дворце еще не убрали все тела, разметанные по итальянскому мрамору. По тесным ступеням лестницы. По мокрой грязи содрогнувшейся зимы. По снегу, испачканному в копоти в том месте, где рванула граната. По земле — обильно засеянной стреляными гильзами, хранившими запах войны и горечь вытолкнутого порохом свинца…

Ликовали другие. Чужеродные для всех наших детей. Для всего нашего народа…

Глава третья
ЗАУТРЕНЯ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОГО

На ранней зорьке приехал в расположение отряда полковник Колесник, коротко сказал: «Холбаев, работаем по плану. Время начала уточню. Потому быть на связи, и готовьтесь». Чего готовиться — давно все готовы. До полудня убивали время, кто как мог и кто как привык подавлять подрагивающее внутри волнение — слонялись по углам без дела, дремали и отсыпались, играли в карты, и все, безусловно, хотели завтра встретить рассвет. После обеда засуетились поднятые «в ружье», но опять дали «отбой». С заходом солнца, не торопясь, засобирались. Экипировались. Попрыгали на месте — все ли правильно уложено, подогнано, укомплектовано. Легок ли нож в выхвате из ножен; без натуги ли вошли запалы в ребристое холодное тело гранат, не стучит ли «железо» в вещмешке пехотинца. Волнение, естественно, было, и его не надо пытаться скрывать, и бесполезно унимать. Но это только до первого выстрела.

А так — все ощущали предвкусие успеха. Оттого и желание свербило — скорее бы…

1

С утра к дворцу подъезжали машины, не военные — светские, дорогие, отблескивающие от солнца лакировкой. И люди из них выходили нарядные и красивые, среди них немало женщин и детей. Парад нарядов, атмосфера торжества и присутствие далеких, недосягаемых и недоступных, но волнующих чужих женщин расхолаживали часовых и охрану. Солдаты беспечно бродили табунками, приподнято возбужденно и нарочито громко смеялись и щедро делились сигаретами и новостями друг с другом и с «шурави».

27 декабря, а это пятница, — выходной день у мусульман. Хафизулла Амин пригласил во дворец членов Политбюро и министров с семьями. Все были в прекрасном настроении. Мужская часть приглашенных, разбившись группами, вела размеренные беседы ни о чем, иногда и о политике. Женщины придирчиво осматривали интерьеры дворца после ремонта и, надо полагать, восхищались. Амин дал распоряжение начальнику Генштаба наладить взаимодействие с советским командованием; дважды он связывался с министром иностранных дел Громыко, и

они сообща обсуждали вопрос об информировании международной общественности по поводу присутствия советских войск в Афганистане. Во время обеда Амин и его гости неожиданно почувствовали себя плохо: кто-то потерял сознание, у кого-то началась рвота; некоторые со стонами катались по полу, схватившись за животы. Перепуганная жена Амина вместе с начальником главного политуправления М. Экбалем Вазири стали звонить в Чарсад Бистар — центральный военный госпиталь, и в поликлинику советского посольства с просьбой о помощи.

В моем блокноте были записаны три фамилии: полковники Виктор Петрович Кузнеченков, Анатолий Владимирович Алексеев и афганский доктор — подполковник Хабиб Велоят. Полковник медицинской службы Кузнеченков окончил Ленинградское суворовское военное училище. В последующем учился в Военно-медицинской академии на военно-морском факультете. В предыдущие годы мне не удалось пополнить список военврачей, участников тех печальных событий. Их фамилии и место службы оберегались пуще зеницы ока. Впору спецназу и «комитетчикам» поучиться у медиков «заметать следы». Столь же тщательно засекретили парочку молоденьких медсестричек, ставящих больным клизмы где-нибудь в госпитале имени Бурденко.

Полковник Алексеев, на долгие годы замуровавший себя в молчании, после выхода на пенсию решился заговорить. Помог мне его разыскать Эмиль Михайлович Возняк, полковник, мой однокашник по факультету, в свое время проработавший в несвойственной ему унылой ипостаси — начальником 952-го Центра выздоравливающих. На отшибе, подалее от здоровых людей, в славном граде Баграме, в годы наиболее активных боевых действий и во времена эпидемии желтухи, безжалостно косившей военный люд. С марта по март 1984–1986 годов командир Эмиль ставил народ на ноги, крепил как их печенки, так и дух. Диетпитанием возвращал их в строй, чревоугодием вскармливал ненависть озлобленного солдата и насыщал холодным расчетом командира, устремляющего за собой в бой тех же подпорченных желтухой подчиненных. Их кровь, с разрушенными эритроцитами и не пролитую до поры, полковник Возняк очищал от билирубина заботами вверенного ему медперсонала, чтобы другой полковник, командир, в скором времени, отправляя людей на боевое задание, выплескивал ее, эту кровь, из тела собственного бойца и тела чужеродного.

У полковника разведуправления Прикарпатского военного округа Эмиля Возняка строгий учет: за два года такой его работы были «возвращены в войну» более 10 тысяч солдат и еще более

200 поднялись на ноги после дистрофии.

В обед 27-го полковник Анатолий Владимирович Алексеев, старший советник афганского госпиталя, был дома и собирался принять душ. В пятницу горячую воду подавали в «советский район» исправно, не ограничивая строгим лимитом. Вода, конечно, не повод отсиживаться в квартире, просто подошел выходной, и можно было отдохнуть от недельной мельтешни и нескончаемых забот. В Центральном военном госпитале на семь этажей приходилось всего-то 400 мест. (Война внесет свои коррективы, и через месяц-другой количество коек увеличат до 1100.) Представьте себе роскошно оборудованные правительственные палаты, с раковинами и ванными, отделанными ониксом. Строили лечебное заведение для членов правительства и высшего военного руководства, и красивое современное здание было лучшим не только в Кабуле, но, наверное, и во всем Афганистане. Так что помыться было намного приятнее на работе, а не в тесноте ведомственной квартиры…

Однако освежиться не получилось — примчался встревоженный Абдул Каюм Тутахель, подполковник, главный хирург.

— Надо ехать во дворец, там большое несчастье, — с порога запричитал главврач. — Много отравленных. Сильно отравленных. Начальник госпиталя Велоят Хабиб уже выехал, а меня послал за вами.

На выходе из дома врачей встретил запыхавшийся офицер из аппарата Главного военного советника.

— Товарищ полковник, начполитотдела генерал Тутушкин просит вас немедленно выехать в резиденцию товарища Амина, там…

— Передайте Петру Сергеевичу — знаем, выехали, — перебил Алексеев посыльного.

Возле «уазиков» их поджидали: полковник Виктор Кузнеченков — терапевт, полковник медицинской службы Станислав Коноваленко и анестезиолог Александр Шанин. Анатолий Владимирович поинтересовался, есть ли среди заболевших Амин? С Хафизуллой Амином ему приходилось встречаться несколько раз. Сначала мельком — это еще при жизни Тараки, в сентябре, когда произошла та злосчастная перестрелка между охраной Тараки и Амина. В госпиталь привезли изрешеченного пулями аминовского адъютанта Вазира Зерака. Три часа простояли у операционного стола — и спасли Вазира. А когда дело у того пошло на поправку, Амин, уже глава государства, выделил для своего адъютанта личный самолет «Боинг» (с американским экипажем), и Алексеев с Тутахелем

вдвоем сопровождали единственного пассажира сначала в Москву, в больницу 4-го управления, а потом и в санаторий.

По словам полковника Алексеева, дальнейшие события развивались так:

«Во дворец доехали на двух машинах. В сопровождении товарища, которого я видел впервые. Он пояснил нам, неучтиво поучая, что Амин — сатрап, повергший страну в преисподнюю, не стоит нашего внимания и помощи и заслуживает только кары. На мой вопрос, что же там случилось и какую конкретно помощь нам предстоит оказывать, коротко ответил: „Увидите. Может оказаться, что никакую“. Я по сей день уверен — тот товарищ диагноз „болезни“ знал заведомо, и лучше нас, врачей. И второе, что меня глубоко возмутило. Сопровождающий, видимо, не понимал — он инструктировал не „расстрельную команду“, а медиков, военных врачей, которые хорошо понимали, что такое служебный долг. Он порекомендовал на все увиденное закрыть глаза, сославшись, как водилось, на государственные интересы.

При входе изъяли личное оружие. Стоявшие рядом афганские офицеры проводили нас недовольными, чуть ли не враждебными взглядами. Начальник Главпура Экбаль рвал на кусочки какие-то листки и, не здороваясь, молча указал кивком головы — идите наверх. Войдя в вестибюль, мы замерли и сразу поняли афганцев. Как прикажете „закрыть глаза“, если перед нами была душераздирающая картина, лично меня потрясшая до основания, и это потрясение я несу через всю жизнь. При воспоминаниях просыпается звериная ненависть к негодяям, учинившим убиение младенцев, и, честное слово, хочется завыть от пережитого и от бессилия помочь им, пусть даже задним числом.

В вестибюле, в зале, через всю анфиладу помещений, даже на ступенчатых маршах лестницы — всюду лежали люди и, извиваясь в стонах, корчились от боли. Это был разбросанный шевелящийся клубок страдающих, внезапно настигнутых болезнью и парализованных страхом. Более всего меня пронзили крики детей и причитания женщин. Нас подготовили увидеть умирающего Амина, а втолкнули в геенну огненную, где безжалостно правил бал сатана, экспериментирующий с дозами яда на детях и их матерях.

Навстречу уже спешил белый как мел подполковник Велоят Хабиб. Не говоря ни слова, увлек нас за собой. Вместе прошли через зал заседаний и увидели членов правительства, их жен и детей. Увидели и оторопели… От дикой несуразности и противоестественности: парадно сервированный стол, украшенный цветами, серебро столовых приборов, закуски и фрукты ярких окрасок, всевозможные напитки в изобилии. И

рядом, будто умышленно для придания ужаса всей этой картине, по зеркальному полу рассыпаны люди в элегантных костюмах и вечерних платьях. Поверх шелков — узоры и вязь из золота и бриллиантов. Лежат замертво или немощно копошатся с пеной у рта. Те, кто приходил в себя, корчились от боли. Кто-то, точно во сне, вяло поднял руку, и она тут же с глухим мягким стуком упала на паркет. Хрупкое создание с ангельской позолотой белокурых волос мелко тряслось на руках беременной матери, плачущей в голос, обе утопали в слезах… („Светло-русое семейство“ было, как известно, у члена Политбюро ЦК НДПА Салеха Мохаммада Зерая — может, как раз его и увидел военврач Алексеев. Тем более что все Зераевы были в доме Аминов в тот страшный час. — *Э. Б.*).

Я вздрогнул от звука напольных часов, глухо и утробно отбивших 16.30. Ба-а-а-м… — покатилось по залам и, как благовест, — над сотрясенной землей и… сознанием. Массовое отравление было, так сказать, налицо… Но один мудрый доктор в погонах сказал тогда холодным голосом: „Да не были они отравлены. Их просто усыпили, „оглушили“ на время, какой-то дозой „выключили“.

Диагноз мы определили при своем сопровождающем, который исчез на несколько минут, а вернувшись, увлек нас за собой наверх, в покои Амина. Хафизулла лежал на кровати. Рядом стояла тумбочка с телефоном, и он все пытался дотянуться до него. Его состояние было крайне тяжелое. Глаза закатились, пульс едва прощупывался, аритмично подрагивал. Сопровождающий спросил: „Как дела?“ Кузнеченков многозначительно ответил: „Едва ли…“ Мы стали делать уколы, затем массаж грудной клетки. Отнесли его на руках в ванную и промыли желудок. В вены обеих рук ввели иглы, положили под капельницу. Появился ощутимый пульс и веки умирающего дрогнули. Сколько прошло времени, не скажу, но Хафизулла Амин, к нашему удивлению и к нашей радости, пришел в себя. Успели вытащить его с того света и впервые после приезда во дворец перевели дыхание, осмотрелись. Амин сжал руку не отходившей от него ни на секунду жены, успокоил, с трудом вымучивая каждое слово, дочерей, нетвердой, дрожащей рукой погладил по чернявой головке своего любимца — пятилетнего сына и попросил увести его. Сделать это удалось с трудом, мальчуган бился в истерике, сопротивлялся и щекой прижимался к груди отца, проводя ручонкой по его лицу и глазам.

Амин жестом подозвал к себе одного из адъютантов. Спросил, знает ли он, что произошло, и был очень обескуражен, что пострадали ни в чем не повинные гости. Попросил пригласить

телевизионщиков и дать им возможность снять все на пленку. (После обеда планировалось интервью, и творческая группа находилась во дворце. К утру журналисты не досчитались двух коллег — они были убиты.)

Неожиданно вынырнул „товарищ“, о котором мы успели позабыть. Впопыхах предупредил: „Чтобы вас через пять минут во дворце не было. Не успеете, я за вас не отвечаю. — И, посмотрев в сторону Амина, добавил: — Бегом отсюда, ему ваша помощь уже не понадобится“.

Выстрелы, то одиночные, то длинными очередями, звучали рядом с дворцом, но Алексеев не придал им значения: в Кабуле стреляют практически каждую ночь. А время — седьмой час, для декабря это уже ночь.

— Ну, что, идем к другим? — Кузнеченков, еще раз проверив пульс и давление у Амина, посмотрел на командира. — Велоят что-то про старшего сына Амина говорил, вроде тоже отравление.

Однако дошли мы только до коридора — мощный залп сотряс здание. Зазвенели битые стекла, погас свет, посыпались с потолка люстры. Внизу закричали, где-то что-то вспыхнуло. Бежать к выходу мы не решились — на ступенях парадного залегли несколько афганцев и вели ответный огонь. Укрылись с Виктором за стойкой бара. Пальба набирала силу, здание вновь содрогнулось от попадания тяжелых снарядов.

Виктор толкнул меня плечом и показал взглядом. Я не поверил своим глазам — к нам навстречу шел Амин, весь обвитый трубками капельниц, а сами флаконы с физраствором нес в обеих руках высоко поднятыми над головой — словно сдавался или обращался с мольбой к небу. Я вытащил иглы из вен, подвел его к бару, с помощью Виктора усадил на пол, застеленный ковром. Амин настолько ослаб, что не в состоянии был подогнуть локоть и опереться на него. Я сразу понял — он уже не жилец…“»

2

— А потом… — на этом слове Анатолий Владимирович прервал свой рассказ. Молчал. Долго молчал. Глухо погрузившись в воспоминания, позабыл о нас, вроде бы нас для него вовсе не существовало. Глубоко вздохнул, прокручивая в голове зловещие кадры непридуманного чудовищного фильма, жанр которого невозможно определить. — А потом… голова Амина бессильно упала на грудь, — справившись со своими чувствами, вяло, явно с неохотой, продолжил Анатолий Владимирович. — Дышал он

прерывисто, задыхаясь, с клокочущим хрипом. Вдруг тело его напряглось, встрепенулось, ноги вытянулись. Подумали — началась предсмертная агония. Он с трудом приоткрыл слезившиеся глаза; сейчас я понимаю — Амин не разучился плакать. Было видно — прислушивается. Тогда и мы с Витей услышали детский плач и сквозь узорчатый орнамент кованого железа увидели на лестнице мальчика…

По лестнице спускался мальчик и жалобно скулил. Страх поглотил все крохотное существо. Страх упивался своим величием, загромоздил залу, сжал тисками горлышко ребенка.

Мальчик, придерживаясь за стену, обошел, бережно ступая на носочках, женщину, лежавшую на ступеньках и корчащуюся от боли. Слезы текли по пухлым щечкам и падали на новую рубаху, надетую по случаю гостей.

Мальчик невидящим взглядом почувствовал защиту. Неверными шажками, разбросав в стороны маленькие ручонки, он посеменил к лежащему телу, припал на колени, обхватил за ноги отца и уткнулся в одежду… липкую от крови. Амин прижал его голову к себе, и они вдвоем прислонились к стене. Кровь пятилетнего кроху не испугала — или свыкся, пока шел, — ее много было вокруг. Он ощущал только тепло своего отца.

А он, отец, полулежал на полу, прислоненный к барной стойке. Жизнь постепенно вытекала из него. Приоткрытые ресницы дрогнули, на ворсинки волосяных щетинок накатилась маленьким сверкающим бриллиантиком влага… Сил не хватило попросить сына: «Уходи… уходи…» Ему опасно было находиться рядом. Отец понимал — пришли за ним…

Он прижал малыша к своей груди. Они так и лежали в обнимку, испачканные своей и чужой кровью, и отец что-то шептал, успокаивал в полусознании и покрывающем его забытьи. Мальчишка повел головкой, словно поуютнее умещаясь под шеей отца, и, всхлипывая, припал ушком к полным запекшимся губам отца.

Какие слова вливались в это розовое детское ушко, нам никогда не узнать. Но, думаю, слова утешения одинаковы на белом свете — что у диктатора, что у жестянщика…

В том диком пекле затерялся малый след… Где-то — пепелинкой в пепле… И некому отмстить, ответить… Мужчин в роду не стало — их истребили. Прошелся сапог солдатский по всей семье и роду Аминов.

Полковник Кузнеченков, отвернувшись от Амина с сыном, вымученно сказал Алексееву: «Пойдем отсюда — не могу…» Знать бы им, что они — последние, кто видит Амина живым. Почему они, медики, бросили тогда их — Бог его знает, и он один им

судья. Когда военврачи бежали по коридору, ударило с адским грохотом, разорвалось пространство, и взрывной волной их отбросило к двери, за которой они и укрылись. В зале было темно и пусто, из высоких широченных окон, с уже полностью выбитыми стеклами, немилосердно обдувало холодным воздухом и доносились звуки выстрелов и взрывов. Они встали в проемах окон, прячась от случайной пули: Кузнеченков — в простенок слева от окна, Алексеев — справа. Так судьба их и разделила в этой жизни.

Распахнется от удара ногой дверь, и грохот этот ударит не по перепонкам, а шибанет с жуткой силой по сердцу в предчувствии еще неугаданной беды, и в темноте, из губительной тьмы, запульсирует долгая автоматная очередь — предвестник кончины… Кто стрелял, зачем — поди разберись в пылу и азарте атаки.

И сегодня, годы спустя, убивец молчит. Один он влетел, один полоснул от бедра или навскидку, и один он знает об убитом враче и своем невольном согрешении. Или же прикрылся щитом, загодя заготовленным «комитетчиками», осознающими — позор надобно скрыть: свой своего порешил, на тот свет отправил. Думали, думали, пока не решили — бах его! — в шкаф: «спрятали» в нем полковника медицинской службы, главного терапевта. И как после такого не сплюнуть в сердцах и не выругаться. Угораздило же бестолочей, без всякого почтения к военному человеку, определить его принять смерть в затхлом запертом шкафу. Не стану резонерствовать о том, что залы резиденций — это не коммунальные московские квартиры, в которых вдоль стен и по углам в нагромождении теснятся и шифоньер от бабушки, и гардероб от дедушки, и шкаф от тетушки, и тумбочка от времени былого. А ведь как оправдывается боец Сергей Коломеец годы спустя (2009 г.): «Нам инструкция была дана: если комната пуста, дать контрольную очередь по мебели, по шкафам и под кроватью».

После таких слов становится понятно, почему Виктора Петровича ловко «упрятали» в шкаф и упорно продолжают «прятать» и сегодня. И при этом еще намекают нам: инструкция, мол, всему виной — лупить приказано с бедра да веером без размышлений. А потому боец здесь ни при чем — попал под руку человек, а пуля, как известно, тем более шальная, — дура. Но вот беда: где ударит — там и дыра. Непредумышленно все вышло, а человека нет. Нам пояснили, мы — прозрели, и вроде бы не так уж «удручающе» полковник и убит…

А ты все же пойди, боец, повинись перед сыном полковника — адрес его я тебе подскажу. У тебя, наверное, внуки растут —

для них это важно. А может, вовсе и не трусишка он, этот молчун, может, убит был в том бесславном бою? Или позже за грехи ему воздалось — пулей сражен был. Тогда они — квиты, и где-то там, высоко-высоко, их кто-то справедливо рассудит. И — простит…

Рухнет со стоном на пол полковник Кузнеченков, ударится тяжело, и, пока Алексеев, уже не обращая внимания на стрельбу, донесет его большое отяжелевшее тело до лестницы, военврач будет уже бездыханен.

— Мертвых приказано пока не брать, — отмахнутся от него у входа во дворец, где грузили на машину раненых. До него не сразу дойдет, что сказал это на чисто русском языке солдат в афганской форме.

— Он еще жив, просто ранен, — обманет Алексеев.

Полковника погрузят в бронетранспортер. Его попутчиками будут изувеченные боем ребята из экипажа Олега Балашова (группа КГБ «Гром»). За радостью, что жизнь для них продолжается, за мужиковато-фамильярной просьбой: «Дай закурить», уже прореживались пока не видимые и не осязаемые всходы покалеченных душ. Еще незримо было душевное увечье, но окаянный штурм царапнул отметиной разум и сердце и уже обнаружил себя в пренебрежительном, до наглости и бесстыдства, отношении к телу павшего солдата, над прахом которого полковые знамена и головы склоняют, а не подтрунивают. Пусть и случайно, в состоянии возбуждения и исступления, пусть и не желая худого. Я так прошелся по Владимиру Федосееву, но без всякой укоризны в его сторону — понимаю бойца, который только что вышел из пекла. И все же на пороге судеб этих людей, переживших ночь Кабула, лежала жестокость и черствость — останется только сделать следующий шаг…

«После боя подошел ко мне Володя Гришин, спросил насчет самочувствия, — рассказывал об этом эпизоде сам Федосеев. — Я ответил, что нормально. Тогда он подхватил меня, и на одной ноге я допрыгал с его помощью до машины. Лешу Баева положили рядом. Ко мне на колени поместили врача — то ли хирурга, то ли терапевта. Пощупал я его — готов. Говорю: „Ребята, он же мертвый. Можно, я положу его вниз? Какая ему разница?“

Положили. Как мертвого, который уже никогда не сможет обидеться. Анатолий Владимирович поднял Кузнеченкова с железного пола, обтер лицо, волосы на голове расчесал, прикрыл плотно веки, дождался оказии и довез его тело до посольской больницы. Поспешившим навстречу врачам сказал глухо, подавляя боль: „Мы ему уже не нужны“. А сам встал к операционному столу, на который, один за другим, сменяясь,

начали поступать раненые: советские, афганские, гражданские, военные, женщины и дети.»

…Кабул, погруженный во тьму, привычную для себя, вековую, столько проглотил в эту ночь трассеров, выстрелов, автоматных и пулеметных очередей, уханий гранатометов, раскатных выстрелов пушек и орудий, разрывов гранат, брызг расплавленного разящего металла, снопов косящего огня — что содрогнулся подлунный мир. И раненные осколками, пулями, огнем опаленные и обгорелые бойцы и солдаты все поступали и поступали. Их латали, зашивали раны, а следом сбрасывали в тазы, без всякого уважения к омертвелому мясу, ненужные части — фрагменты рук и ступней.

Одни из первых погибших при штурме дворца, первые «ноль двадцать первые» в афганской войне: полковник Кузнеченков, спасавший Амина, и полковник Бояринов, порывавшийся его, Амина, убить, — лежали в морге. Рядом. Геннадию Бояринову посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. И Виктора Кузнеченкова, тоже посмертно, отметили орденом Красной Звезды. Обоих — за выполнение своего служебного долга. Афганистан начинался вот с таких нелепых стечений обстоятельств…

Сын Виктора Петровича Кузнеченкова закончил Ленинградскую военно-медицинскую академию имени Кирова и стал военным врачом. На кафедре военно-полевой хирургии его учил профессор, доктор медицинских наук полковник Алексеев, который за Афганистан «заслужил» только грамоту с тремя ошибками. Правда, на международном симпозиуме «Медицина катастроф», проходившем в Италии, Папа Римский за самоотверженность при спасении людей в экстремальных условиях в дни католического Рождества вручил ему символический «Пропуск в рай». Как видим, награда своего героя не нашла — Анатолия Алексеева обошли правительственным вниманием, но под пристальным вниманием кагэбэшников он находился долгие годы. Для начала его подвели к мысли — все хорошо забыть и «петь» с голоса официальной пропаганды, отстаивая версию о перевороте и смерти Амина, как деле рук самих афганцев, свершивших справедливый суд над тираном. А однажды ему вообще поставили в укор, почему-де он спасал Амина — врага…

К журналистам Анатолий Владимирович относился скептически и избегал с ними встреч не столько потому, что его когда-то «страшно» предупредили, сколько из-за большого недоверия к ним и их мажорным россказням о проявленных чудесах храбрости при взятии дворца. Те, кто тогда брались за

перо, замученные до самой смерти идеологией развитого социализма, в уютном согласии со своим мировоззрением считали для себя справедливым и подавали это читателям, что жестокий диктатор, которым и был Амин — это аксиома, и нет предмета для дискуссий, — должен издохнуть как собака. И дети, его отпрыски, такие же, и того же заслуживающие. Яблоко от яблони далеко не падает.

«Ничего более жуткого и кошмарного, ничего более позорного я в своей жизни не переживал. Здоровенные бугаи, вооруженные по горло самым современным оружием, спокойно снарядились убивать вальсирующих на балу людей, и в боевой лютости, настигнув их, уже отравленных ядом и полуживых, добивали в упор — во имя надуманной „высшей цели“. Не щадя при этом ни детей, ни женщин. Убивали хрупкие розовые комочки, в страхе прижимавшиеся к груди своих беспомощных, поверженных отцов, на их глазах убивали невинных, целомудренных крох.»

Эти слова принадлежат совестливому человеку, военному врачу, пережившему кошмар «Варфоломеевской ночи Кабула», — полковнику запаса Анатолию Владимировичу Алексееву.

Врачам Коноваленко и Шанину повезло больше. Они спрятались в первой попавшейся комнате и, когда вбежавшие к ним бойцы закричали: «Русские есть? Выходи!», тут же откликнулись: «Да, есть». «Ну, наконец-то, мы вас нашли, — обрадовались неизвестные. — По всему дворцу ищем. Нас перед штурмом ориентировали: имейте в виду, там могут быть наши в белых халатах». О других, «не в халатах», у перепуганных насмерть врачей не поинтересовались. Генерал Дроздов, благословляя Шарипова на штурм «по своей линии», наказывал поберечь капитана и женщину, выполнявших якобы спецзадание. Наших, советских. Но больше — своих, внедренных загодя и прошедших курс «молодого бойца» в аудиториях КГБ. В воспоминаниях дочери Салеха Зерая отмечается новая деталь — по ее словам, в тот драматический день, 27 декабря, во дворце Тадж-Бек, помимо узбекских поваров, находилась некая русская женщина. «Когда жена Амина показывала нам дворец, мы столкнулись с русской блондинкой в коридоре, — вспоминала она. — Супруга Амина сказала, что эта русская женщина проверяет пищу, которую готовят афганские повара для Амина». Эти слова говорят о том, что Хафизулла Амин больше доверял агентам КГБ, чем своим соотечественникам.

Хотелось бы узнать, любопытства ради, какой партийный стаж был у этой «русской блондинки», не более того. Даже имени ее не надо: ведь очевидно, что она — «мадемуазель Талебова».

А то, что данная «мадемуазель» состояла на партучете в Первом главном управлении, — и так понятно: они, «мокрушницы», все были из одной норки…

Глава четвертая
ЛЕГКИЙ БОЙ — ЛУКАВ И ЛЖИВ…

27 декабря 1979 года, согласно Директиве МО СССР № 312/12/002, в 19 часов 25 минут по кабульскому времени началась операция «Шторм», известная как взятие дворца Амина. Советский Союз окрестил себя как государство, чья политическая природа считается априори злой. Америка и Запад объявили своей главной задачей борьбу с СССР — «империей зла». И недурственно бы все протекало, коли бы ограничилось только ломанием копий в минуты словесных препирательств с трибуны Совета Безопасности ООН.

В пределах же Афганистана, в той его части, где человек военный шастал с ружьецом в руке, бушевали далеко не парламентские страсти. Сквозь рокот бронированных чудовищ — вразвалку ползущих боевых машин, извергающих алчно смертоносный раскаленный металл, сквозь пожарища и едкий дым, в растерзанном пространстве рвущихся снарядов, прерванных жизней, разорванных тел и убитых сердец — направлялись, отряжались, устремлялись, выступали, набегали, двигались, продвигались, перемещались, трусцой и перебежками, переползали, пластались к земле, вгрызались в нее, оберегая себя от пуль, солдаты. Мокрые насквозь, грязные, в касках и бронежилетах, автоматы — с досланными в патронник патронами, гранаты — с вкрученными запалами. Их руки слепо разрушали вечность покоя и мира. У рта и в глазах — почти звериная печаль и настороженность войны. В ушах два свиста — контузии и свинцовой метели. Она, вьюга, день и ночь окутывала солдата, канувшего в нее на дело, порой — правое, порой — лихое.

Не время им было вещать с трибун. Набат гудел. Их призвали к оружию, и они поверили: вулкан заполыхал, пурпурное знамя коммунизма зацвело, зареяло над всем миром! Но была ему угроза: там, за горой, за ущельем, прятался враг, пытавшийся поставить зеленое знамя Пророка на службу своим недобрым целям. Схлестнулись стяги…

«Я — есмь!» — скажет война…

«Будь!» — роковая отповедь… На очень долгое время.

Присутствие в Афганистане продолжится: с 15.00 местного времени 25 декабря 1979 по 10.00 местного времени 15 февраля 1989 — девять лет, один месяц, девятнадцать дней и девятнадцать часов.

Всего: 2238 дней.

1

Пока судили-рядили, как и когда начинать войну — это уже был третий перенос атаки, — полковник Колесник распорядился за пятнадцать минут до начала штурма группе капитана Сахатова выдвинуться на санитарном автомобиле «УАЗ-452» к своему объекту. Что и было исполнено «в срок и четко», под покровом темноты и маскируясь, насколько это было возможно, в складках местности. «По-разведчески» — почти бесшумно, если не брать в расчет ровного урчания отечественного «бусика». Начало выходило вовсе даже неплохим. Однако, проезжая подле расположения третьего батальона и наблюдая за вражеским станом, бойцы увидели, что в батальоне вроде бы как объявлена тревога. Суеты многовато, да и в позах командирских выражалась особоя дерзость: в центре плаца, широко расставив ноги, стоял афганский комбат и куражился — руками размахивал, кричал что-то. Личный состав, понукаемый окриками офицеров и частым обращением их к «всевышнему и милосердному», расхватывал оружие и боеприпасы. А это дело ой как не понравилось ни капитану, ни старшему лейтенанту Джамолову, ни парням со стороны — снайперам из КГБ, ни водителю нашей машины.

Оценив суетность и тщету противника, Сахатов принял достаточно авантюрное решение: захватить командование 3-го пехотного батальона — чтобы тот не командовал так рьяно и не кричал так дико. Двигаясь на полном ходу, автомобиль внезапно остановился возле афганских офицеров, и уже через считаные секунды их комбат лежал, прижатый лицом к неприбранному полу чертовски некомфортного автомобиля, который ринулся вперед, оставляя за собой шлейф пыли и утраченные надежды сынов-афганцев когда-нибудь свидеться со своим отцом-командиром. В первые секунды солдаты батальона даже не поняли, что произошло. А потом открыли огонь вслед удаляющейся машине и бросились трусцой вдогонку. Преодолев арык, Сахатов приказал всем, кроме снайперов (те продолжили выдвижение к своим объектам), спешиться и залечь. По команде ударили из всех стволов. Два пулемета и восемь автоматов спецназовцев оставили на поле боя убитыми многих из этих преданных Амину отчаянных ухарей. Рядовой афганской армии Рашид Седигзай не пал в бою, пережил лихолетье времен и может вспомнить, как начиналась дворцовая бойня и как начиналась война:

«Наш господин командир еще не успел подойти, как его схватили и забросили в машину. Кто-то из офицеров приказал преследовать. Все еще были настолько в шоке, что даже не

думали, что они делают, и побежали толпой. Поэтому, когда советские начали стрелять, много солдат было убито и ранено. Только после этого люди стали приходить в себя: начали искать укрытие, осознанно стрелять в цель. А тут поступила команда: вернуться в казармы — там начался бой. Мы думали, что это недоразумение: нас приняли за мятежную часть и с рассветом все выяснится. Через некоторое время мы увидели, что горит дворец Тадж-Бек. На фоне огня были видны советские бронемашины. Тут уже и мы поняли, что это не недоразумение. Я и еще несколько моих товарищей, пользуясь темнотой, ушли в горы. Советские же нас не окружили, а только перекрыли дорогу к дворцу. Многие не захотели уходить с нами и остались на месте. Они говорили, что ни в чем не виноваты и советские с ними ничего не сделают. Через полгода я узнал, что большинство из них расстреляли».

Полковник Колесник, заслышав стрельбу в расположении 3-го батальона, подал свою команду — на начало операции — и приказал: «Сигнальные ракеты — пали!» Официальную стройность «великому началу» придаст командир отряда майор Холбаев: «Когда из района 3-го батальона послышалась стрельба, я, по приказу полковника Колесника, дал по рации сигнал к штурму и одновременно световой сигнал — три ракеты зеленого цвета».

Лейтенант Солижон Косымов, будучи замполитом 2-й роты, а потому гуманистом, мусульман к стенке не ставил, как утверждает сарбоз Седигзай, и не расстреливал их пачками. Он на первом этапе нейтрализации батальона быстро справился со своими «растрепанными» чувствами и в дальнейшем действовал «решительно и смело». Затем поделился опытом в заводке танков, а еще попозже выкроил время для проведения коротких обстоятельных бесед с плененными сарбозами. О своих деяниях политработник впервые поделился с Сашей Кунстманном, а тот, в свою очередь, уже с нами.

«Наша рота вела боевые действия против 3-го батальона, который превосходил нас по численности в несколько раз. Первые 30–40 минут боя многие солдаты и некоторые офицеры были в растерянности. Очень страшно, когда вокруг тебя рвутся гранаты, снаряды, горит техника, свистят шальные пули. В эти минуты многие офицеры и солдаты преодолевали психологический барьер. Но, овладев собой, мы действовали смело, решительно, невзирая ни на какие опасности, хотя уже рядом с нами были раненые товарищи. Когда шли боевые действия, мы встречались с группой Сахатова. Его задача мне неизвестна, но, по всей видимости, это был захват танков противника и совершение марша в пункт постоянной дислокации. Во время этого боя

Сахатов обращался ко мне, чтобы я помог ему сформировать колонны танков; он знал, что я раньше служил механиком-водителем в танковых войсках. Я оказал ему помощь, завел 2–3 танка, которые не могли завести солдаты из его группы — видимо, не хватало опыта. После построения колонны его группа успешно совершила марш к месту назначения (танков было 7–8). Я, как замполит роты, остался со своей ротой дальше выполнять боевую задачу. Мы брали группами в плен афганских солдат и офицеров, проводили с ними короткие беседы и под конвоем привозили их в расположение батальона, где с ними проводилась соответствующая работа органами КГБ».

Возле лейтенанта Ахмедова, командира 2-го взвода, замполита Косымова не было; возможно, по этой прозаической причине он дольше остальных «преодолевал психологический барьер» и попал впросак лейтенант: «После того как „Шилки“ открыли огонь по дворцу, мы в составе роты на бронетранспортерах двинулись для выполнения поставленной задачи, но через 200 метров одна из машин 1-го взвода встала на дороге. Я подумал, что колонна стоит, и минут через десять свернул в сторону колонны 3-й роты, то есть мой взвод вместе с 3-й ротой стал выполнять совершенно другую задачу. Выполняя задачу, мы столкнулись с подошедшим подкреплением, они стреляли в нашу сторону. Тогда я дал команду стрелять по ним, в результате чего мы подожгли „ГАЗ-66“. Афганцы ранили двух моих солдат. Одним из раненых был младший сержант Р. Х. Абдуллаев. Он получил пулевое ранение в живот, а второй рядовой С. К. Абдуллаев — однофамилец — получил легкое осколочное ранение в спину». Не уследи ротный Амангельдыев за юным лейтенантом, увел бы Ахмедов подчиненных на штурм дворца и был бы причастен к уничтожению тирана — событию, известному нынче во всем мире. Но последовал другой грозный приказ: взводу Ахмедова и 3-му взводу старшего лейтенанта Маматкулова уничтожить штаб батальона, откуда ведется интенсивный огонь. На предложение Джамолова сдаться штабисты ответили отказом. Ко времени доклада с психикой Ахмедова было все в порядке, и он вполне даже весело доложил Амангельдыеву: «Используя складки местности, приблизились к блокпостам, обезоружили охранников и штурмом овладели штабом батальона. Потерь нет».

И у афганцев на час налета с психикой тоже было все в порядке — они слегка подустали оказывать вялое сопротивление и постреливать в небо, и в количестве тридцати человек сдались на милость победителей. Несколько позже к своим плененным товарищам примкнули еще 211 сарбозов. Заявились они под

белым флагом капитуляции, но соблюдая четкий трехшеренговый строй и неумело чеканя шаг — что впечатлило. На этом боевые действия взвода Ахмедова прекратились. Ан нет — промашка. Напоследок два лейтенанта, Ахмедов и Маматкулов, метнули по гранате РГ-42 в сторону блокпоста. Он уже дважды был захвачен, но бросили так, на всякий случай или от нечего делать. Но, точно, метали не на меткость и не на дальность. Одна из них взорвалась, а вторая — нет. То-то было смеху…

Олегу Швецу полковник Колесник, конечно же, «по дружбе» поставил задачу: отбить все, что могло и готово было прийти на подмогу Амину. Начиная с зенитного дивизиона, где он, подполковник Швец, персонально отвечал за успех удержания воинов-афганцев от чрезмерной глупости и непослушания. Лейтенант Абзалимов со своими солдатами подошел к расположению дивизиона и занял позиции. Когда вокруг загрохотало, личный состав дивизиона попытался покинуть казармы: кто в горы хотел ушмыгнуть, кто к орудию податься и как следует «влепить» по живым движущимся наземным целям. На выходе их, мечущихся в панике, отрезвили огнем из автоматов и гранатометов налетчики-АГСники и призвали к порядку. Абзалимов уверял, что специально на поражение огонь не велся — старались стрелять перед солдатами. Тем не менее раненые в дивизионе были — все же чего-то «русские мусульмане» недоучли или не обучены были стрельбе по пяткам.

Другой командир группы, лейтенант Назаров, мог быть в претензии к коллеге Абзалимову: неважно тот организовал отсечение афганцев от казармы. Оказывается, все же прорвались расчеты зенитчиков, надели каски, завертели колесиками орудий. Чем это могло бы окончиться — страшно подумать. Но тут, на счастье, лейтенант Назаров подоспел.

Взглянул (цитата): «Когда мы подъехали к зенитному дивизиону, то увидели, что часть солдат выскочила из расположения и прорвалась к орудиям. Три из девяти были подготовлены к стрельбе, у остальных суетились люди: они уже начали опускать стволы для стрельбы по нам».

Оценил (не цитата): «Хреново, брат, здесь час не терпит: секунда дорога — судьбу решает!»

Смекнул (цитата): «На подъезде к расположению дивизиона одна из моих машин провалилась в ров. Оставшиеся три машины по моему приказу открыли огонь из всех стволов по тем солдатам, которые находились уже у орудий, и прорывались к ним, невзирая на плотный огонь».

Личным примером увлек (цитата): «Я на своей машине прорвался к тому орудию, которое уже было готово к стрельбе, и

огнем из пулеметов и гусеницами уничтожил расчет. Часть людей была убита, остальные — рассеяны».

И застолбил успех (цитата): «Мы развернулись так, чтобы никто не смог подойти к орудиям и чтобы никто со стороны дивизиона не смог выдвинуться в сторону „мусбата“. Особых попыток прорваться не было… Когда начало светать, мы вытащили нашу БМП изо рва и утром уже были в полном составе. Накоротке подвел итог ночного боя. Я выпятил одно, чем буду гордиться до старости и смерти, — поклонился своим мальчишкам за то, что они не погибли, сберегли себя для матерей и рода своего. И громко сказал, чтобы слышали все вокруг, чтобы даже в Кремле услыхали: „Потерь в группе нет“.»

В тот вечер немало славного совершил и Олег Ульянович. Его зенитный дивизион не произвел ни одного выстрела, и в плен было взято более трех сотен человек. (Гуляет в молве и такая цифра: дескать, всего было пленено во дворце и «вокруг него» 1700 человек. Очевидцы же утверждают, что это далеко не так.) Когда афганцев разоружили, оружия оказалось с приличную горку. Олег Ульянович отделил от солдат унтер-офицеров и офицеров, посадил их всех на корточки в лощине, где было относительно безопасно. После этого поставил кухню, организовал для них чай, сахар и сухари — продемонстрировал, так сказать, гуманность к поверженному врагу. Хотя надо заявить прямо, что за человеколюбием скрывался холодный практицизм — ублажили, дабы не спровоцировать с их стороны массовое бегство. Иначе, по словам того же подполковника Швеца: «Если бы они объединились и оказали сопротивление, то задавили бы нас голыми руками…»

С личным составом танкового батальона и первым пехотным капитан Кудратов, настроившись на жестокий бой с ними, не знал как поступить в период «активной фазы захвата». Ему «робкая баталия» запомнилась так: «Команда на захват поступила от начальника штаба батальона капитана Ашурова. Бой начался со своеобразной артподготовки: сначала обстреляли из „Шилок“, затем из АГС, потом из всех видов оружия. Моя рота блокировала казарму национальной гвардии, в которой находилось до 500 солдат. Они сидели тихо, как мыши, и ничего не имели против того, чтобы их пленили. Что мы и сделали, никого не повязывая и не запугивая: „Шаг влево, шаг вправо — огонь на поражение“. Таких солдат, лояльных к нам, насчитали больше 250. Остальная половина ушла в горы, и с самыми серьезными намерениями — больше не возвращаться к зениткам. Сужу по тому, что сбежавшие оставили оружие в казармах. Взводный лейтенант Абдуллаев, работавший по танковому батальону, захватил их танки без боя.

Может, там кто-то и рыпнулся, но, думаю, сразу охладел в желании дать нам достойный отпор. Затворов не было ни в орудиях, ни в пулеметах — это постарались наши военные советники.»

2-й пехотный батальон доставил немало хлопот командиру 9-й роты Валерию Востротину. В 19.30 рота выдвинулась из расположения. Проходя вдоль дворца, согласно поставленной задаче, экипажи обстреляли окна второго и третьего этажей. Именно обстреляли, а не вели интенсивный огонь. Связано это с тем, что руководители, ставя ротному задачу на поддержку огнем групп КГБ, не учли рельефа местности — на рубеже Тадж-Бека находился земляной вал, который не позволил операторам-наводчикам стрелять по дворцу из пушек (за счет угла возвышения), и все ограничилось применением стрелкового оружия. Построчили со стороны одного борта и поехали дальше воевать. Через несколько минут рота заняла рубеж перед объектом. Развернулась на плацу в цепь, и десантники с ходу открыли огонь из всех стволов по казармам. Наверное, толково получилось — перед фронтом противник подавленно молчал. Но внезапно с тыла ударили длинными очередями — за спиной оставили без внимания штаб батальона. Завязалась перестрелка. И серьезная: был убит ефрейтор Амангельды Калмагомбетов, ранен рядовой Барышников. Пуля попала в гранатомет рядового Володи Савоськина, граната взорвалась — солдат погиб.

Валерий Востротин: «Я приказал своему заместителю подавить огонь из штаба батальона. 1-й взвод развернулся в сторону штаба и открыл по нему огонь. Через некоторое время огонь оттуда стих, и находившиеся там афганцы, во главе с командиром батальона, сдались нам в плен. Командир батальона предложил сходить к батальону и договориться о прекращении огня и сдаче батальона. Я согласился. Доложил Холбаеву. Тот на меня — матом. Пообещал отдать меня под трибунал. Я приказал своему заместителю вернуть командира батальона. Он успел догнать его и вернуть назад… К утру сопротивление стихло. Тех, кто не разбежался, мы взяли в плен и согнали в котлован рядом со штабом батальона. Один взвод переместился к дороге со стороны Дар-уль-Амана».

Оттуда и пришло предостережение: идут танки. Такую же команду Востротин получил от Холбаева и выставил впереди ПТУРы. Понаблюдал, посчитал. Выходило жутковатенько: надвигался танковый батальон — три колонны, тридцать танков. Память зло обратилась к истории Великой Отечественной войны: разъезд Дубосеково, Волоколамское шоссе, «28 героев-панфиловцев» и — очень много немецких танков. Утер ли

взопревший лоб — старший лейтенант не помнит, но зато хорошо помнит — умирать не хотелось, а потому другому старшему лейтенанту, Севостьянову Александру Георгиевичу, командиру этих самых малых ракет, сказал что-то взбадривающее, растормаживающее и наказал легонько, в неприказном тоне: «Сомненья, Сашка, прочь: или они нам ввалят п…лей, и нам придет п…ц, или мы — им, а посему — лупи, и поприцелистей!»

Валерий Востротин прищурился, и хитринка на лице проявилась еще сильнее (мы вели разговор в тенистом саду, и светотени, играя яркими бликами, вызвали у генерала этот прищур): «Да чего уж теперь — из песни слова не выкинешь, что было, то было: небось не в салоне Анны Павловны Шерер русские офицеры бузили — чай, на войне обретались, и перед глазами смерть представала в полный рост. Уж не упомню — с косой ли, но тремя десятками орудий точно в каждого из нас ощерилась. А старшему, мне, между прочим, двадцать с хвостиком было — многое ли повидали, многое ли пережили? Так что забористые с завитушками слова раздавались, и „п…“ присутствовало, но не в том, привычном для мужчин, контексте, так что, хотите, пишите о немудреном мате, хотите, опускайте. Я не испытываю неловкости по этому поводу — понимать надо: мы только пережили ад, тела моих ребят, погибших, еще хранили тепло жизни, а тут на нас опять поперла эта стерва старая с косой в костлявой руке. Ну, а так что? Поскольку эта нехилая фаланга без разбору и без спросу накатила на наш хрупкий взвод и ПТУРы, мы, подпустив их поближе, — крепко им дали. Сердито, со злом. Вколотили по первое число: расстреляли троечку танков из ПТУРов. Один танк Т-55 и одна БРДМ (бронированная разведывательно-дозорная машина) попытались уйти в сторону дворца Генштаба, но мы их настигли, огнем прошлись перед носом разок для острастки, и беглецы остановились. Там находился и командир батальона. Сговорчивый малый, главное, понятливый: мы ему пояснили ситуацию, и он дал своим танкистам нужную команду. Экипажи безропотно сдались — мы их всех конвоировали в тыл и посадили к остальным пленным в котлован… Руководители, конечно же, обласкали меня и подчиненных — всех поблагодарили, а мне прямо так и сказали: „Будем представлять тебя на Героя Советского Союза“.»

2

Откуда же вас повытаскивали, где вас понаходили полковники Василий Колесник и Александр Овчаров? Не солдат и

офицеров спецназа имею в виду, а тех, кому автомат на перо сменять бы — да писать, не стыдясь, что с грамматикой плохо. Говорю о поэтах в душе, с искрой божьей в сердце. Ротный, старший лейтенант Курбандурды Амангельдыев, туркмен, по дороге к расположению, на пронизывающем ветру, читал мне стихи Махтумкули Фраги — туркменского классика. Небритые щеки Курбандурды разрумянились на морозце, и слова любви старинных туманов, преодолев без малого два столетия, окутывали и покрывали вчерашнее поле боя. Саванным пологом застили вид опустошенного дворца, с черными проемами вместо окон, с еще не убранным остовом сгоревшей боевой машины — последний приют Бориса Суворова. Юная пери Махтумкули грезила о любви, блаженной, пламенной и вечной…

Они вышли из боя по сроку неделю назад, а по времени — никогда. Думаю, не ошибаюсь. И Курбандурды меня убедил. Не потерял в бою свою безмятежность. Этот удивительно лиричный и сентиментальный парень, из одежд которого еще не выветрился запах пороховой гари и глаза которого не разучились плакать, помог мне справиться с прихваченными морозом чернилами авторучки.

— Холод меня здесь воспитал, дайте я вам помогу. — И вложив перо в пальцы, накрыл их своей ладонью, чтобы согреть. — Попробуйте, должна писать.

Попытка поскрипеть пером была почти тщетной, но неровные строки, писанные на ходу, остались в блокноте едва различимыми и, наверное, «отмороженными» навсегда.

Смертник, счастливо избежавший расстрела, пустого рукава и костылей, читавший мне на ветру стихи Махтумкули о вечном, сказал пронзительные слова: «Двадцать седьмое помню, как начало какой-то тяжкой болезни, когда уже чувствуешь, что болен, что голова горит, мысли путаются, окружающее приобретает какую-то жуткую сущность, но когда еще держишься на ногах и чего-то еще ждешь в горячечном напряжении всех телесных и душевных сил. Ожидание не подвело — мы заплатили. Все — заплатили. Бояринов — жизнью. Хусанов — жизнью. Курбанов — жизнью. И десятки других — жизнью. Но намного больше из нас заплатили пожизненным заключением в самих себе, в этой собственной крепости, которая намного вернее крепости-дворца Амина. И как бы по-разному мы, участники той нездешней ночи, ни умирали, последними нашими словами были и будут: „мама“ и „Родина“.»

— Воронье тучей потянулось с полей. Каркали, кружили над нами, как вестники беды, — так рассказывал мне Володя Шарипов. — После обеда мы заметили какую-то суету и

переполох вокруг дворца. На бешеной скорости от него по направлению к городу отъехали несколько автомобилей. Минут через тридцать-сорок из Кабула стали наезжать машина за машиной. Муравейником замельтешили солдаты охраны, занимая огневые точки и позиции по периметру дворца. Невзрачные форменные головные уборы поменяли на приметные каски. Вызвали куда-то Колесника и Швеца, за ними — нашего комбата. Он вернулся не скоро. Собрал нас и велел передать приказ — время атаки переносится. На сколько — уточнится позже. На вопросы по поводу происходящего во дворце — ничего конкретно не ответил, но озадачил новой вводной:

— Шарипов, значит, так: твоя рота первой выдвигаться не будет. Вначале колонной уходят группы Турсункулова — им на штурм идти по лестнице. Тебе же, сам знаешь, — по дороге. Собери своих командиров машин и механиков-водителей и доведи задачу.

Почертыхавшись, план переиграли и, насколько позволяло время, уточнили, увязали. В мой экипаж определили «моряка» — капитана второго ранга Эвальда Козлова. С учетом ранее назначенного афганца, Асадуллы Сарвари (нас, конечно, не знакомили — позже узнал), машина прибавила и в весе, и в авторитете. Так как я теперь не шел в голове колонны и не вел за собой всех, решил занять место со своей группой в третьей по счету БМП. В самый раз посередине, откуда лучше было оценивать складывающуюся обстановку. Механика-водителя определил на место командира, не перекладывая на него, конечно, руководства, а сам сел за штурвал, потому что почувствовал: что-то не так с моим «асом», беспокойный он, суматошливый. Причины, чтобы я в нем засомневался, честно говорю, не было. Собирался спиртом подкрепить нервы бойца, а потом решил — нет, сам поведу машину. Известно, береженого Бог бережет. И мне так спокойнее, и солдату за честь в бой идти на командирской высоте. Не командуя, само собой разумеется…

Часов в пять подтянулся десант. Дроздов с Бояриновым в который уже раз собрали в стороне своих. Колесник объявил получасовую готовность и уточнил — начало в 19.30. Приказал сверить часы. Мне, да и другим нашим, очередной перенос не понравился. Анвар Сатаров сказал вполголоса: «Володь, кагэбэшники нам точно лихо накличут. Скачут, уточняют, переносят… Не наш стиль. Мы тишину блюдем в боевой работе. Холодный расчет — трезвыми мозгами, обдуманность и продуманность, а тут — черт его знает что, хаос сплошной, беготня, суета. Не к добру — тьфу ты, чтоб не накаркать…»

Анвар был редкостный замполит, в «скворечне милюковской»

воспитан — боевой и умница. Дело командирское досконально знал, напраслину не нес, и тогда — тоже. Казалось бы, великолепные мужики: ученые, с опытом, не со двора собраны, а ералаш получился — впору на экран, на потеху детям.

Боевые расчеты определились, по команде заняли места в боевых машинах. Вижу, к машине прапорщика Кучкарова в самый последний момент, уже после команды «Заводи», подскочил какой-то грузный дядька. Не разглядел я его — в своих шлемах они все на инопланетян были похожи. Потом уже, в госпитале, Валерий Емышев сказал мне: «Это ж Володя Бояринов был. Он прямо с моей стороны подскочил: „Ребята, ребята, меня забыли! Куда мне сесть?“ Кое-как впопыхах разместились, Бояринов у самой двери. Сергей Кувылин говорит: „Товарищ полковник, вот здесь кнопка, рычаг будете открывать, я не дотянусь“. „Добро, добро, — отвечает, — едем“.»

Была некоторая несогласованность в действиях; не исключено, что и волнение сказывалось. Ведь все были на пределе — и начальники, и мы. А вообще, лучше бы не хватило места Григорию Ивановичу…

Я приказал машины не заводить. Хотя мы афганцев приучали к неряшливому шуму армейских «раздолбаев» — машины по ночам умышленно заводили в неурочный час и прогревали их до исступленного рева, тем самым притупляя бдительность врага.

Только стал поправлять белую повязку на рукаве — она в тонкий жгут свилась. Не поверите, я тогда подумал: а ведь, зараза, эта тряпица и в бою может закрутиться в едва заметную кудельку, и фиг ее заметишь в темноте. Тогда уж точно своего от чужого не отличишь, и, не приведи Господь… ну, понятно…

(Для опознавания «свой — чужой» перед началом операции бойцам было приказано на рукава повязать белые повязки, дабы в ночи ненароком не перестреляли друг друга. И потому кто бинтом пеленал предплечье, кто от простыни кусок урвал. Идея не была оригинальной, ибо такие же белые повязки красовались на руках «добрых» католиков, когда они 24 августа 1572 года резали в Париже гугенотов во время печально известной Варфоломеевской ночи. Символично… до мурашек по коже! И с разницей в четыре столетия. Храним бесценный опыт. Не померк в веках, и на беду сгодился, не спас от беды… И во время штурма дворца Амина, и, точно так же «пометив» себя белыми лоскутками, во время захвата «Норд-Оста» на Дубровке в Москве 26 октября 2002.)

Укрепили дух спиртом — никто не хотел умирать! Не трусили бойцы, но понимали — предательскую дрожь и темные мысли так простодушно не унять. Был все же этот трепет боязни,

был! Безмерный, неунимаемый — холодок под ложечкой, на душе нехорошо до тошноты. Махорочная затяжка — сплев, пожили, значит, — сплев…

Ребята из группы Романова достали бутылку. Разлили, выпили, утершись рукавом, граммов по сто. Предложили Шарипову. Володя отхлебнул — крепок! Подозвал своего механика-водителя и кружку ему в руки. Боец нюхнул и удивленно уставился на лейтенанта: в батальоне насчет этого строго было — не приведи Господь пригубить. Непонятно солдату — шутит, что ли, командир?

— Это ж спирт!

— Пей, дорогой, чтоб на твоей свадьбе еще погуляли. Пей, давай! И рули, товарищ солдат. За командира рули. Но без меня, смотри, никаких команд экипажу и в эфир. Чтобы не осталось горького похмелья за помин души.

Боец кружку опрокинул, повеселел вроде: «Спасибо, товарищ старший лейтенант». И бегом к машине. Шарипов огляделся вокруг, глотнул воздуха и юркнул вниз под броню — занял место механика-водителя. Приветно светились огоньки панели приборов. Таким разноцветьем, как помнится, на рождественской елке светлячки детства озорновато поблескивали.

Вдруг в небе рассыпались три ракеты зеленого огня. Это был сигнал, к которому так долго подбирались, — в атаку. Шарипов скажет потом: «Интуитивно почувствовал: что-то не в лад, как-то ломко внутри, сомнение и тревога обуяли, а может, звериное чутье профессионала сработало. Посмотрел на часы — 19.25. Что ж такое, мать твою, на пять минут раньше! Про себя чертыхнулся, завопил команду и запустил двигатель».

Отчаянная последняя схватка! Все — в ряды! Черные тучи все гуще, карканье черного воронья, разбуженного взбесившейся долиной и взломом неба, — все громче!..

Хафизулла Амин пришел в сознание приблизительно в 18.00, а в 19.25 рванули в атаку и начали штурм. На дворец обрушился шквал огня.

3

Славный «мусульманский батальон», туго набив чрево машин грешными витязями и средствами уничтожения всего живого, начал и приступил. И потащил в историю на плечах своих пожизненную ношу личной славы и державного бесславия.

Нет на войне чистоплюйской целомудренности. В ночь уносились две задачи. Первая, чисто боевая, — довести

товарищей по оружию до порога дворца, дать им, насколько это возможно, больше шансов на жизнь, прикрывая их исступленный порыв от налета с боков и тылу, и отмахиваться горячим свинцом от тех, кто, не пав духом и исполняя свой долг до конца, спасал Амина. И вторая — прорваться к Амину, настичь его и застрелить на месте. Порешить. Уничтожить. Убить…

Нет смерти чище, чем в бою… Слова, не мне принадлежащие, Игорьку Кошелю. Прекрасному парню, талантливому журналисту, песеннику от Бога. Он, Игорь, накануне выпуска прочитал в газете мой очерк «Мела свинцовая метель» да и другие «байки войны» и под впечатлением попросился в Афганистан, отказавшись от распределения в Группу советских войск в Германии. Я всегда сожалел, что мне не удалось определить этого великолепного парня в свой отдел. Впрочем, полковником Игорек стал и без чьей-либо помощи, а талант его в подпитке и помощи не нуждался…

Нет смерти чище, чем в бою… В том мало утешенья, но праведное все же есть: открытый бой — не тать в ночи…. И не убийство больного в постели…

Когда будут растоплены снега и спалён дворец, «суд земной» заявит о себе. Они еще только засобираются убыть в Союз, а я вместе с новогодней елкой привезу им первый «международный отклик»: «портрет» воина-интернационалиста. На пахнущем типографской краской плакате — лубочный мужик в чалме с топором и дехканин с киркой (тоже в чалме) яростно гвоздят по лысой голове отчаянно раскорячившегося советского карапуза-генерала, насквозь проткнутого штыком бегущего мусульманина (и тоже в чалме), подпись: «Бей, ребята, да позазвонистей!». Перевод, конечно же, дерзкого в отваге туркмена, уродившегося под крупными ясными звездами в барханах красивой пустыни Каракумы, в племени текинцев. Я говорю о ротном командире с душой пиита — старшем лейтенанте Курбане Амангельдыеве.

Годы спустя, заполучив высочайшее дозволение, косноязычные уполномоченные обвешают гирляндами участие групп КГБ в операции «Шторм». И самих участников не обойдут ореольным вниманием. А в ГРУ, где врожденное отвращение ко всякой кружковщине и самовосхвалению, разведчики и диверсанты тихой сапой будут продолжать делать свою работу и говорить неправду, откуда и за что у них ордена, а подчас — и за что они отлучены от своей «фирмы», а бывало, и заключены под стражу на немало лет. Людские козни известны, и спецназ уведут в тень, а «мусульманский батальон» вообще отринут на задворки истории…

Но Вася Праута этого не знал, когда заштормило, и —

разлетелись в серебряные дребезги зеркала и люстры дворца-цитадели… Лопались ярким свечением-вспышкой поражаемые прожектора, освещавшие пространство вокруг дворца и подножие, к которому кралось несчастье. Они гасли один за другим, переставая слепить наступающих, но с их прытким исчезновением не становилось темнее, напротив — недобрый безнадежный свет возгорался и усиливался…

Шестнадцать стволов, отпущенные на волю, сорвались с поводка, как ненасытные голодные псы, куражились в небе, и, распарывая пространство ночи и освещая ее яркими всполохами, огневым жарищем лепили призрак кромешного ада. Разверзлась треклятая преисподняя — образ апокалипсиса. Там, на взгорке, за толщей средневекового камня, и здесь, в долине, в каждой рвущейся вперед машине, за листовой броней отечественной стали, забились, затрепетали души. Задышала кровь, еще не пролившаяся, но уже на выходе. В вечной ночи не пропасть — погонятся по следу снаряды Прауты, и — нет спасения. Никому — ни тем, ни своим…

Сержант Федоров, командир установки, после нажатия «гашетки» ощутил знакомое неистовство биения четырехствольной автоматической зенитной пушки и ужаснулся, наблюдая, как снаряды, отметившись магниевыми разрывами, легли недолетом на холм, у подножия Тадж-Бека. Трассеры — указатели устремленности полета — смертоносной косой отшумели впритык к нашим машинам, едва не касаясь их брони. Сержант отметил про себя: толково, что ленту снарядил необычно — три осколочно-фугасные зажигательные, один — осколочно-фугасный зажигательный трассирующий, а не пошел на поводу начальников, спецназовцев-дилетантов: «Чтоб и бронебойно-зажигательные были». Брони там нет и в помине, а стены ничем не прошибить, «Шилка» здесь бессильна.

Приказал операторам поиска и дальности скорректировать: «Валерка, выше чуть, выше, на полградуса…» — и вновь утопил, припадая к «обзору». Яркое красно-белое крошево грузными ударами множественно осыпало стены дома мириадами светлячков, и, казалось, под ним вздыбилась земля.

В отблесках извергнутого скорострельными пушками пламени лоснились бока «Шилки», будто они были намазаны соляркой. Спереди, у гусениц, опалился снег, стал бурого чумазого цвета, но в секунды залпа — отпугивал красными разливами. Снаряды уносились с шипением и визгом туда, где их не ожидали и не жаждали встречать, в ту — на полградуса — даль, оставляя за собой выбросы ярких зарниц, сотворенных харкающими стволами и формой напоминавших сладкую

гигантскую вату на палочке. Всполохи, соперничая со светлой безоблачностью солнечного дня, на сотни и сотни метров обнажали местность и суть зарождающегося несчастья.

Евгений Федоров со своей установкой торовато посылал снаряды со скорострельностью 3400 выстрелов в минуту, давил «гашетку», припадал к триплексам, подчищал точность, норовя угодить в оконные проемы, орал на своих «красавцев», клял на чем свет стоит Прауту из-за прерванной связи, и валил, и валил, и валил. Обращая ночь в светлый день и пренебрегая законами природы и бытия…

В режиме стрельбы по наземным целям наведение пушки производится только в ручном режиме, что и делал старательный белорус Женя Федоров. И хороший солдат — сержант Федоров. Он лопатил и молотил, уточняя на глаз такие важные величины для уничтожения всего живого, как градусы. Не могу сказать, устали ли руки уроженца Березы-Картузской, что в Брестской области, но то, что молодой парень по имени Женя в ладонях своих одним из первых на той войне в ту ночь насобирал горсти пепла, — это точно…

Рядовой Каримов прикрыл себя с головой первой попавшейся под руки рогожкой и присветил фонариком крышку ствольной коробки гранатомета, где сверху нанесена баллистическая таблица для стрельбы на разные дальности. Перепроверил ранее обусловленные параметры, присоединил патронную коробку, потянул из нее, стараясь не шаркать по металлу, ленту с двадцатью девятью выстрелами, приладился к оптическому прицелу. До этого, без спешки и суеты, отбросил снег в трех образовавшихся лунках и вдавил поглубже, насколько позволял приморожeнный грунт, станок-треногу. По-хозяйски потормошил конструкцию, убедился — вроде надежно. Снял однопалую рукавицу — сейчас она только помеха, положил ее рядом с боезапасом — дополнительными коробками. Приспособился и доложил лейтенанту:

— К стрельбе готов.

В ответ услышал шепотом неуставное:

— Лежи.

Абдуазиз ничего не имел против, но, не зная, сколь долго придется выполнять команду взводного, подтянул к себе и подстелил ту самую рогожу — вроде как утеплился.

— Каримов, лежи, я сказал!

Напрасно лейтенант нервничает и некстати шикает. Понятное дело, волнуется, и мы — тоже. Но хотелось еще и рукавицу прибрать — пальцы деревенеют, вбирая и ветер морозный, и холод заиндевелого спуска клавиши.

Ожила радиостанция.

— Первый, давно готов… Да… Понял… Есть… — Лейтенант Александр Камбаров (по батюшке Магрупович) отработал в эфир, а своим скомандовал: — Заряжай, приготовиться…

АГСы, как один, клацнули взведенными затворами, и взводный, должно быть, от смятения, откричал фальцетом:

— Огонь!

И снова не по-уставному:

— Давай, ребятки, крои!

Тум-клац… Тум-клац… Тум-клац… Перепев не музыкальный, но долбежный. Грохот, со знакомыми звуками и запахами полигона, но не полигонный — это уже были звуки настоящего боя, — пошел раскатисто по долам, уперся в горы, вернулся эхом и отразился в трех зеленых ракетах. И прибавилось шума — непривычного пока еще гула войны. Прокололи ночь, не шибко торопясь — триста пятьдесят выстрелов в минуту — и отсекая экипажи от танков в афганском батальоне, укладывая на землю охваченных страхом солдат из охранных подразделений и караульного помещения и загоняя других настильным огнем в казармы. Утихло все быстро и неожиданно, как и началось.

Дали команду — отбой. Тут же передумали и развернули АГСы носами в сторону Тадж-Бека. И по приказу — долбанули, долго усердствуя в знакомом им деле и ощущая внезапную тревогу. Когда командиры снова передумали и прокричали — отбой, тревога враз схлынула. В том отдаленном доме, светившемся изобильным разноцветьем зажженных бенгальских огней, творилась несусветная каша, и в той мешанине разобраться — кто свой, кто чужой — было просто невозможно. Они своих не узнавали, находясь рядом; что уж говорить о ведении огня навесной траекторией и с расстояния более километра. Потому и правильно поступили командиры, но с опозданием — бед все же натворили, шибанув по атакующим. Сокрушались потом, с малоутешительной оговоркой — могло быть хуже, не прекрати огонь… Да куда уж хуже…

Приданному взводу противотанковых управляемых ракет «Фагот» делать было нечего: «Шилки» и АГС-17 поставили личный состав афганцев на свое место и к грозной технике их не подпустили — ни один танк из парка «с недобрыми намерениями» не вышел, ни одна зенитка не вдарила, ни одна боевая машина не выкатила на оперативный простор, ощеряясь огнем в нашу сторону. Всех их, и командиров и солдат, «образумили» группы спецназа и десантники. А нахал капитан Сахатов настолько распоясался, что безбоязненно совершил «хищение государственного имущества в особо крупных

размерах» — увел афганские танки. (Вот их-то, эти уведенные танки, и можно отнести в разряд «беспорочных» трофеев, за которые не судят. Ни в прямом, ни в переносном смысле.)

Я это к тому говорю, что миф о том, как десятка три суперменов из КГБ прорезали, словно нож масло, две тысячи отборных вояк-афганцев, устелив трупами подходы к дворцу, его коридоры, залы, лестничные пролеты и вообще все мыслимые и немыслимые просторы, на самом деле сплошной блеф. Пожалуйста, имейте в виду: я не о «долевом участии», я — о цене того нападения. Никого не хочу принизить, уронить достоинство, взять под сомнение смелость и храбрость бойцов, умалить заслуги и надругаться над памятью погибших. Договорились же — я скажу правду, и только правду, сколь бы горька она ни была и как бы меня ни поносили. И в этом я себе тоже отдаю отчет. Как и в том, что ни один из нас не может претендовать на то, что только он знает истинную правду об афганской войне.

Легкий бой — лукав и лжив…

4

Вечером на бульваре. Розовый серп молодого месяца, пробивающийся сквозь пелену лепесткового облака ветвей, в тонком закатном небе за древним Ужгородским замком-дворцом. Бледное, нежное, чуть зеленоватое небо. Все это, и еще в придачу — очарование: вид усыпанной розовым соцветьем распустившихся необычайных деревьев земли; милая девочка на скамейке, углубившаяся в какую-то книжку; юная мама, проплывшая мимо с коляской, откровения Прауты — все это болезненно умиляло.

В мае в Закарпатье цветет сакура. Народ съезжается подивиться этому диву дивному. Случайность, что оказался в гостях у ребят, которые служили в 128-й гвардейской мотострелковой дивизии, расквартированной в Мукачево. В девяносто втором она входила уже в состав армии Украины. По традиции наведался в дивизионную газету, которую редактировал некогда Эдик Морман — мы оба оканчивали военный факультет журналистики. Слово за слово, и вышел я на Василия Прауту. Встретились мы с ним в Ужгороде и поговорили, расположившись на подворье старинного замка, под весенним кипеньем, в купели цветов и благоухания.

— Запах-то какой у сакуры!

— Обалденный.

— Василий, как-то уж по-новомодному и невкусно звучит.

— Тогда — неземной. Здесь недалеко, под Хустом, есть долина нарциссов. Очень красиво. Я когда впервые увидел ее, знаете, что вспомнил? Кушку и пустыню в алых тюльпанах. Помните?

Нельзя не помнить — есть такое место на Земле. Сам не увидишь — не поверишь. Красный ковер карминовых цветов на фоне желтых песков, размером два километра на десять-одиннадцать. Летчики «Аннушки» пренепременно делали над ними круг перед посадкой на полевой аэродром в Кушке. Наверное, больше себя радуя, нежели доставляя удовольствие пассажирам.

Вот так от закарпатской весны, утопавшей в сакуре, мы погрузились в воспоминания лейтенантской молодости Прауты в Кушке, где я с ним когда-то и познакомился, и, неторопливо ведя беседу, дошли до зимнего штурма в Кабуле. Передам главное из того, что отложилось в памяти.

«Меня когда еще к ордену Ленина представляли, я им прямо сказал: „Вы подумайте, ведь на моей совести — так мне что-то кажется — и бойцы погибшие и пораненные, и боевая машина, „Шилками“ сожженная, и БТР спаленный“. На меня зашикали — дескать, Василий, забудь это и не выдумывай, все — бой закончен. Ты, как никто другой, способствовал успеху операции — тебе и лавры. Не порти общую картину. В общем, конец войне: снимай шинель — иди домой.

Я-то понимал, свои ошибки прикрывают разработчики той авантюры — иначе и не назовешь. Мои откровения и „поза“, как они считали, им как ножом по сердцу. Знали, никто докапываться не станет, грешки свои они спишут на бой, а других „говорунов“ заставят молчать. Кого как. Меня, выходит, орденом Ленина сделали „немым“.

А беда вот в чем состояла. Мы отрабатывали упражнения в основном по самолетам — это наша главная задача: прикрывать войска с воздуха. На полигоне в Бердянске — стрельба над морем. В Капустином Яру — такая же гладь, но над степью. Единственный раз мы выполняли упражнения по наземным целям в Туркмении, под Мары. Руководил, вы знаете, подполковник Линовицкий Владимир Николаевич. Долбали мы макеты домов день и ночь. Ну, и что с того? Мы же били предполагаемого противника на местности ровной, как стол. И над уровнем моря там было плюс метр — два. А Кабул — почти две тысячи метров. Это горы, а у нас практики стрельбы в подобных условиях — ноль.

Дальше. С моей позиции вести эффективный огонь по Тадж-Беку было практически невозможно: я — в низине, он — надо

мной. Выходило нечто среднее между воздушной целью и наземной. Но это — не золотая середина, к сожалению. Мне для правильного ведения огня следовало перенести позиции „Шилок“ километра на полтора назад от дворца, не меньше. Так я рассказываю вам, но накануне штурма, со схемами и карандашом в руке, все эти расчеты доводил до Холбаева и Колесника. Доказывал, что дорога и лестница, по которой должны были пробиваться наши, попадают в сектор обстрела „Шилок“. Задрать пушки вверх можно было, но тогда все снаряды уйдут поверх крыши. Смешно сказать: со своей позиции я мог, соблюдая безопасность для своих, обстреливать только третий этаж. Первый и второй — ну никак, и никаких гарантий.

В наш сектор обстрела попадала только третья часть здания. Я предлагал с началом атаки, а еще лучше, минут за десять-пятнадцать, выдвинуться на восточную сторону и, с ходу развернувшись, вести оттуда огонь. Просил, чтобы у меня была прямая связь с ротными Шариповым и Турсуновым. Это позволило бы мне точно подкорректировать стрельбу. Потом, не будем забывать, по наземным целям мы работаем в ручном режиме, без гидропривода, на что и времени затрачиваешь больше, и не так все просто для расчетов при внесении данных.

Послушали меня, долго с кем-то советовались. Как я услышал краем уха — в посольстве, отчего я на задницу так и присел. А проку от этих консультаций на самом высоком уровне — кот наплакал. Позицию не перенесли, только одну машину переместили на взгорок, но от такого маневра никакого толку. Дорога на серпантине попала под наше огневое воздействие, и мы таки вмолотили по своим машинам и экипажам. Две „Шилки“, которые я думал задействовать в бою с обратной стороны, перенацелили на афганские батальоны пехоты и танкистов, хотя, на мой взгляд, хватило бы и АГС — делов-то было: пугнуть солдат в казармах, не дать им возможности нос высунуть.

Начальник штаба капитан Ашуров додумался вроде бы до неплохой схемы: в начале штурма провести десятиминутный огневой налет. Чтобы АГС „Пламя“ вели огонь по первому этажу, БТР — по второму, „Шилки“ — по третьему и крыше. На бумаге и в устном приказе это все недурственно выглядело. Но на практике пошло сикось-накось, кувырком: бронетранспортеры не успели выйти на свои огневые позиции, „Шилки“ — не снайперская винтовка, и влупили они по площадям всего дома: снизу доверху. В точечное попадание гранатами АГС способен поверить только дилетант, далекий от армии. Во-первых, в окно еще надо суметь попасть выстрелом, а если „недолет-перелет“, то тогда срабатывает фактор тактико-технических возможностей

гранаты: площадь сплошного поражения — 70 кв. метров, радиус убойного действия осколков — более 200 метров. Так что выводы делайте сами. И еще, главное. Запланировали десятиминутную „артподготовку“, а по расчетам Колесника Шарипов должен был выйти к дворцу за три минуты. Как это можно было согласовать? Что это было? Головотяпство, халатность, преступная небрежность, недалекость и небрежность начальников? Называйте как хотите, а вышла страшная чехарда — с напрасными и непоправимыми потерями.

Еще один серьезный прокол. Якобы в целях скрытности при проведении переговоров связи с Шариповым и Турсункуловым мне не дали. И никакого взаимодействия. Хотя об этом сегодня так много и красиво говорят, и многие, наверное, верят. Бестолковые комитетские генералы, разработчики от десантуры, ни бэ, ни мэ не смыслящие в „Шилках“ и тактике, преследовали свои узковедомственные планы и погрязли в гадливых тайнах и секретах, при постоянно бегающих глазках в разговорах перед штурмом… Аники-воины, мать их… Уж извините. Приведу один эпизодик — смех сквозь слезы!

Связь приказали держать через начштаба. У меня Р-103, у него черт знает что было, но, наконец, согласовали частоты, проверили: „Первый — второй, первый — второй…“ Вроде бы все нормально. А на практике мы не по рации говорили — частота была просто забита воплями: „Мы упали, мы упали, мы сорвались с крутизны…“ — а пообщались с помощью увесистого гаечного ключа. Примчался гонец от Холбаева и задолбил им по броне — уж где он разжился этим сигнализатором, не знаю. И как его еще Юра Неверов, мой зам, не пристрелил — диву даюсь. Юрий вместе с несколькими солдатами обеспечивал боевое охранение наших позиций. А заодно и гранатометчиков лейтенанта Камбарова, которые рядом с нами вели огонь, прикрывал от „несанкционированного посещения афганцами“. Я из люка: „Ты чего, воин?“ — „Комбат приказал огонь прекратить“.

Прекратили. Стреляли, по утверждению Неверова — он хронометрировал огневой налет, — больше десяти минут. Работали все четыре установки, и огонь вели из всех стволов. Уверяю вас, солдату от командного пункта до меня бегом — минут пять. Знаю, потому что командный пункт вырыли на гребне горы рядом с одной из моих установок. Это сколько же я обрабатывал „Шилками“ своих ребят!

Хотя и понимаю этих военачальников — их подставили так же, как и нас всех. Что они, бедолаги, могли поделать: им приказали — а у генералов, сидящих на командных пунктах, при их ответственности, страху намного больше, чем у солдата в бою.

Там, в тепле и безопасности, роем донимают генералов мысли о своем будущем. А солдатам терять нечего, разве что — жизнь. А на такую „мелочь“ полководцы советской поры просто забивали, и не надо им обижаться за эту безобразную правду. Что было — то было. А как следствие их комфортной кабинетной трусости — приказ: лупить и лупить по Тадж-Беку из всех стволов, снарядов не жалеть и бить предателей — сторонников Амина, пока они не покраснеют и не захлебнутся в собственной крови… А не получится изничтожить сразу с налета, так лавиной непрерывного огня, воем и долбанием — куда попадя — загнать афганцев в здание, и чтобы не высовывались…

— Ты понял, Праута? — спросили меня командиры, когда я им с карандашом в руке доказывал опасность сомнительного предприятия.

„Угу“, — подумал я, но ответил, как положено:

— Есть…

Мы в прошлом году, на годовщину, встречались. Вспоминали Бояринова, нашего солдата-связиста, Сулайманова. У меня сердце екнуло — интуиция подталкивала к мысли: не мы ли виной? Ниезитдин Намозов, он был тогда у Шарипова командиром взвода, вспомнил один эпизод с поля боя. Он со своим взводом состоял в резерве, они расположились под сопкой, на которой находились командный пункт и две „Шилки“. У Ниезитдина была возможность наблюдать, как машины в колоннах двигались к Тадж-Беку. И он видел, как наша бронетехника угодила под массированный обстрел наших „Шилок“ и АГС „Пламя“. В частности, машина Хамида Абдуллаева была повреждена, а сам Хамид тяжело ранен. Крепко перепало от нас экипажам Турсункулова, очень крепко, и мы с Рустамом об этом говорили не раз. У первого БТРа от наших попаданий (или „афганских“) оказались повреждены колеса, но он смог продолжать движение. Второй бронетранспортер был сильно подбит — машина запылала, и это уже чисто „наше попадание“. Механик-водитель не справился с управлением, и почти весь экипаж свалился в арык. Часть бойцов покинули машину и попали под обстрел. Борис Суворов погиб, несколько человек получили ранения. Командир упавшей машины стал по радио непрерывно вызывать помощь и „забил“ эфир. Только третий БТР благополучно дошел до цели. Командир четвертого, шедшего последним в колонне, бронетранспортера или увидел, что стряслось с впередиидущими машинами, или потерял в темноте ориентацию, но его группа оказалась в колонне с людьми Шарипова. В результате „нашего интенсивного огневого налета при активнейшей поддержке со стороны афганцев“ до дворца добрались только два из

запланированных четырех БТР и чуть более половины сотрудников „Зенита“, которые должны были самоотверженно штурмовать дворец.

Добравшиеся до дворца штурмовые группы из роты Шарипова и взвода Турсункулова, спешившись перед лестницей, вновь попали под обстрел наших огневых средств. Пораженных бойцов старший лейтенант Намозов не мог бы, конечно, пересчитать, но говорил, что и с большого расстояния видно было, как мы кромсаем по площадям, где в это время находились наши солдаты и офицеры, атакующие в пешем порядке. Ко мне в гости приезжал Федоров, он был у меня командиром одной из машин, сейчас живет в Белоруссии. Мы с ним говорили об этом, и Женька согласился со мной, его тоже такое чувство преследует — не по своей вине, но… свечку надо поставить. Я это делал, и не раз…»

Рустамходжа Турсункулов: «Я и мои солдаты поднялись и вместе с „зенитовцами“ рванули вперед вверх по лестнице. Страшно было, что гранатометчики, стрелявшие из АГС-17 по заданной им заранее площади, так и не перенесли огонь. Как и установки „Шилка“. Нам пришлось прорываться сквозь свинец, лившийся с обеих сторон. Как удалось это сделать, я сейчас не могу сказать, но мы прорвались во дворец и соединились здесь с группой Шарипова».

Лейтенант Рашид Абдуллаев, замполит 3-й роты: «Во время продвижения мы вели огонь по окнам в шахматном порядке: первая машина по первому, шестому и одиннадцатому, вторая — по второму, седьмому и двенадцатому, и так далее. По дворцу „работали“ две „Шилки“ и АГСы. И это мы сполна ощутили на себе. Особенно когда произошла непредвиденная остановка. Не доезжая метров двадцать до дворца, БМП № 035 под командованием лейтенанта Хамидулло Абдуллаева, шедшая первой, пытаясь объехать стоявший микроавтобус „РАФ“, задела стену и остановилась. Механик-водитель не мог выбить сцепление. Случайно БМП была подбита огнем „Шилок“ и загорелась. Взводный получил тяжелое ранение».

Капитан Абдулкасым Ашуров, начальник штаба: «БМП 3-й роты вышли к дворцу раньше назначенного времени и попали под огонь своих ЗСУ „Шилка“. Произошло это еще и потому, что все подразделения отряда были на одной радиочастоте, и кто-то из своих „забил“ волну. Не имея своего отдельного радионаправления, я не мог отдать команду взводу „Шилок“ на прекращение огня. Василий Праута прекратил огонь самостоятельно, когда увидел БМП у дворца. А Саша Камбаров еще некоторое время стрелял».

Многоуважаемый Абдулкасым-ака чуточку, но лукавит:

норовит неловко припрятать допущенные архисерьезные ошибки в организации и проведении захвата жилого здания, да заодно пригладить непрофессионализм начальников, не сумевших добиться четкого управления подразделениями в бою. Что же касается взаимодействия, связи, коллективной слаженности в действиях бойцов, то очевидно: все эти элементы просто-напросто присутствовали мизерно, что и дает повод сделать малоутешительный вывод о недостаточной подготовке как всей операции в целом, так и налетчиков в частности.

Многоуважаемый Абдулкасым-ака выдает желаемое за действительное и делает это откровенно нескладно. Судите сами. Шарипову на выдвижение давалось три минуты (!). При таком коротком временном отрезке, спрессованном расчетами поставленной задачи, как вообще возможно говорить о «выкраивании» десятка секунд и выходе к объекту раньше намеченного срока? Даже если предположить, что бойцы взлетели на бугор в самолете Андропова «Ту-134». Но они же — в броневике, да вне дорог, да на перекати-поле, да в бою, да в колонне, да застрявши, да намудохавшись, да под огнем, да в страхе, гвалте, вопле, шуме… и — в рекорде мировом, и «раньше намеченного времени». Выходит, что каждый из бойцов — прямо олимпиец…

Но на капитана нет обиды, может статься, чего и не разглядел, а может, недоглядел за охотой карьерного роста. Тем паче, не имея надлежащего опыта при разработке операций — дворцы и избы брать. Вон, генерал армии — калач тертый, искушенный, поднаторевший, умудренный, и не чета капитану, — и тот каков в оценке того, что нам, черт его побери, не объять умишком своим скудным: «Что понимает юнец прощелыжного фасона? Кстати, если анализировать ту операцию — захват дворца — с точки зрения ее военного исполнения, то она оказалась одной из самых блестящих».

Так в жаркое лето 2004 года приценится к штурму Тадж-Бека генерал армии. Чекист. В прошлом глава КГБ. Блюститель госинтересов. Страж нацбезопасности. После его оценки боевых действий при штурме дома он к тому же и Великий стратег, и бедовый искусник, такой «Аника-воин» — генерал армии Крючков Владимир Александрович.

И Женю Федорова мне довелось повидать. Был в Кобрине, неподалеку от Бреста, любопытство привело в усадьбу-музей генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. А там и до Березы-Картузской рукой подать — свиделись с Евгением. Работал он инженером на «почтовом ящике» — оборонном предприятии, что-то передовое внедрял в авиацию — в Березе

авиационный полк базировался. И нам, конечно, было не избежать воспоминаний о штурме дворца.

«Да, толковый был Василий Максимович, не по возрасту толковый. Скажу честно, не было в нашем отряде дерьма и прохвостов, спайка — железная, дисциплина — так себе. То есть мы настолько прониклись задачей, что вопрос не стоял закручивать гайки и по стойке „смирно“ всех ставить. Офицеры — братья, и честные очень были. Жаль, что нас сразу же расформировали…

А тогда что? Мы прибыли всем экипажем из Борисовской учебки. Из Беларуси — прямым ходом в Туркестан. Отобрали как лучших специалистов. Но и самые обученные из нас в том бою мало могли порадеть за успех и родину. Верно вам рассказал Василий Максимович, добавить нечего. Вот только про ночную стрельбу командир почему-то не обмолвился. Наверное, потому, что он управлял боем, а я его непосредственно вел.

До того случая мы ведь никогда не стреляли ночью. Ни практики не было, ни опыта. После первого залпа перешли в режим, так сказать, „мерцания“. Установки вели огонь поочередно: первая, третья, вторая, четвертая, и наоборот. Каждая из разных стволов, тоже поочередно. Одновременно вести огонь из всех четырех может только очень опытный экипаж, так как из-за высокой скорострельности и возникающей при этом мощной отдачи „Шилка“ как бы встает на дыбы, клонится назад. Поэтому и стреляли правый, левый, верхний, нижний, в целях собственной же безопасности. Так приказал командир — Праута. По ресторану наши „Шилки“ не стреляли. Остальные две били по расположению пехотного батальона, поддерживая роту десантников.

Корректировали огонь на глаз, по трассерам. Без команды — корректировку не введешь, а связь такая неустойчивая… по существу, ее вообще не было. Я Валере Байцику криком доводил, что успевал доводить. Механика-водителя Сашу Варановского выставил для охраны, хотя прапорщик Неверов стоял на часах с ребятами — береженого Бог бережет, и наказал Сашке проследить за ведением нами огня, и, если что, тарабанить в броню. Саша первый раз застучал прикладом автомата, когда мы накрыли своих на подходе к лестнице — по-моему, если не изменяет память, долбанули по БТР соседней роты. Вторично оглушил нас колокольным грохотанием, когда наш огонь пришелся по площадке перед дворцом. Я, по существу, еще не успел внести коррективы, а Сашка вновь забил с бешеной силой по броне: „Командир, по нашим БМП бьем, переноси немедленно огонь!“ Дал я указание на перенос огня, но что проку — боевую машину,

в которой старшим был офицер из роты Шарипова, мы все же подбили, поранили наших ребят. Между прочим, Варановский сам чуть было самолично не застрелил посыльного от комбата. Грохот вокруг, страшилище от огня, а из темноты на Сашку тень мчится, прет кто-то остервенелым ходом. Известно, у страха глаза велики, и не заори тот матюком — Сашка бы его и кончил…»

Вот такие грустные воспоминания. Вот такой разговор произошел у нас со старшим сержантом запаса Евгением Федоровым и подполковником Василием Максимовичем Праутой. В пору цветения сакуры с неземным благоуханием, расцветшей на земле невольных грешников от войны, греховность которых я особо ощутил в тот самый час, когда Василий своим откровением-признанием лишний раз открыл мне глаза на «шторм» Афганистана…

Глава пятая
«ШТОРМ» — ПРИКАЗАНО УБИТЬ…

Страх обуял всех и властвовал, готовый завладеть до основания и конца. Но справились с собой кто и как мог. Кто-то до первой царапины щадил себя и шел с оглядкой. Кто-то до первой крови, своей или товарища. В ком-то гены отцов-фаталистов пробудились, в ком-то гордость, побитая обществом всеравенства, проснулась. Многие созреют в атаке и поймут, что «архиидейные наставники и учителя наши» понапридумывали множество забот о беззаботном советском человеке.

Взмолятся они потом заре — всесильному началу новой жизни, — отложив на завтра надежду и само желание жить, а в те роковые минуты шагали великаны в полный рост, не помня, в угаре побеждаемого страха, имени своего, но не забывая имя предка своего, сейчас как никогда удерживающего, а может, и — спасающего.

1

«Мы рванули, — рассказывает Володя Шарипов. — Обзор — так себе, но колонну наблюдаю. И Турсункулова БТРы в отдалении различаю по огням, и свои четыре машины. За мной следом грохот стелется от работы „Шилок“ и снаряды пунктирами над головой, а впереди вижу — началось какое-то особое шастанье угадываемого свинца. Гигантский, жалящий пчелиный рой, секущий пространство, и нечисть злая в этом расхлябанном шальном метании, огорошивали, вызывая обостренное чувство жути и причитая над хрупким человечьим существом.

При всем этом заметил странное — ведущая БМП Абдуллаева прет напрямую. Отчаянный парень за штурвалом, один из лучших механиков-водителей, ас, одним словом. Крепостишка, к которой он уже на подлете, стоит на четырех накатах — гигантских земляных блинах. Ору Хамиду по радио: „Куда несет тебя нечистая, там подъем тупой — перевернешься!“ Он мне в ответ: „А я законов физики не знаю, товарищ Сокол“ (это мой позывной). Но дал все-таки команду водителю, и тот отвернул к дороге. Черт знает, чего запала мне тогда в голову „физика“ лейтенанта. Может, оттого, что от его озорства и остроумного ответа на душе как-то безмятежнее стало, покойнее…

И вдруг — новый всполох. Звук взрыва не дошел, но пламя в приборе наблюдения молнией пронеслось, по глазам жахнуло — и ослепительно отдалось в сознании. И недоброе предчувствие — почин нашего лиха…

Полыхнул спичкой бронетранспортер, средний в колонне Турсункулова. Зарево — как знак беды…»

Лейтенант Турсункулов вывел свои БТРы с группами «Зенита» к подножию с западной стороны. Теперь нужно было чуть продвинуться по дороге, десантироваться и затем по пешеходной лестнице броском подняться к торцевой части Тадж-Бека, а у фасада здания соединиться с Шариповым, который вытаскивал свои группы по серпантину, и дальше действовать уже совместно.

Бронетранспортеры сбили внешние посты охраны и, не сбавляя скорости, устремились к единственной дороге, витиевато взбиравшейся в гору с выходом на площадку перед дворцом. Выскочивший из караулки на шум солдат-афганец, видимо, погиб, так и не поняв, что произошло, — броня смела его и отшвырнула далеко в кювет. Рядом и вокруг ложились снаряды «Шилки». Первый успел проскочить к лестнице. Второй БТР сильно ударило, и он, словно споткнувшись о преграду, резко замер на месте и запылал.

— Командир, командир!.. — Члены экипажа криком призывали к действию турсункуловского сержанта, командира машины. — Боря, ты что!..

Борис Суворов, офицер КГБ, старший в группе десанта, не мог им ответить — скорчился от боли, без стона и крика, и приник обмякшим телом к металлу, мешковато пройдя по нему спиной. Алой змейкой метнулась кровь из губ. Поразило бойца из Омского управления — осколки пришлись ниже бронежилета и разворотили низ живота. Спасти его не удалось — кровью истек. Другие тоже будут истекать — санинструкторов в бою не было, их не предусмотрели для этой операции.

Сержант — совсем еще мальчишка, их, поверженных, командир, не растратил себя в панической дрожи и громко закричал, приказывая спешиться. Отстранились подальше от брони и разгорающегося пламени, залегли, чтобы осмотреться и сообразить, что к чему. Пули с визгом пролетали совсем рядом — равнодушно и злобно искали тело. Вот уже и Рязанцев ойкнул.

— Что, Володь, угодила? — встревоженно спросил майор Поддубный. — Давай перевяжу.

— Да брось ты, к черту, уходить надо, они ж пристрелялись, сейчас всех перебьют. Идите, если смогу — догоню.

— За мной, за мной, товарищи офицеры! — Сержант входил во вкус командования, или же ответственность вела парня вперед,

и, позабыв о робости, одержимый приказом, он уводил наверх способных идти и стрелять. Сопел, тащил в гору себя, навьюченного пожитками, тяжело выкрикивал слова-команды, которых в запасе и запарке боя совсем немного было — «вперед», «вперед» да «вперед»!..

Поддубный и Гулов сорвались с места и побежали по лестнице за группой и сумасшедшим сержантом — их юным командиром. За ними — Колмаков и Новиков. Дроздов, видя, с каким трудом перевязывал себе ногу Рязанцев, спросил только: «Так нужна помощь?» — и, понимая неуместность своего вопроса, похлопал товарища по плечу и пошел догонять своих, набираясь опыта в непосредственно близком соприкосновении с противником в огневом бою. Не надуманном. Взаправдашнем…

Рязанцев туго перебинтовал бедро и попытался робким бегом, прихрамывая, спотыкаясь и падая, добраться до охраны Амина, чтобы дать врагу свой бойцовский ответ… И в этот ответ он вложил проснувшуюся в нем внезапно злость и остервенение, поэтому бился и за свое ранение, и за смерть Бориса Суворова, и еще за того «неизвестного парня» — советского солдата…

— К машинам! — подал общую команду Турсункулов, понимая, что броня сейчас не защита, а хорошо видимая и легкоуязвимая цель. Спасение — ночь, в которой нужно без секунды промедления рассредоточиться и раствориться. Рустамходжа высунулся по пояс из люка, и его тут же звонким цоканьем окропили рикошеты.

И жахнуло — долбануло — садануло враз, и обрел две отметины удалой командир. Первая в каске улеглась, которую пробила злая пуля, оставив огромную прореху. Спасло то, что по разгильдяйству не затянул ремешок, а так бы точно шейный позвонок пополам… Другая пуля попала лейтенанту в грудь, в то место, где он разместил магазины для автомата. Удивительно, что патроны не сдетонировали. Горло кольцом сдавило, дыхание остановилось, и пришла невыносимая боль. К счастью, жив остался и позже, после боя, голову перебинтовал, правда, синячище остался такой, что будь здоров… Что уберегло его тогда? Может, судьба, а может, Рустамходжа, в которого заложен отголосок уважаемого религиозного прошлого, почетный титул мусульманина — ходжа, родовое вельможество дедов Турсункуловых, репрессированных большевиками.

— Сидеть, куда тебя хрен несет! — Лейтенант запоздало сообразил, что Гулябзой ничегошеньки не поймет из его слов, и с силой надавив рукой на голову Саида, повторил: сидеть, не высовываться! Афганец был грузом литерным и ценным, его надо было старательно, всем скопом, беречь…

Видели, как колонна Шарипова змейкой вытягивалась по серпантину. Скорее бы. Трудно сказать, сколько пролежали, прижавшись к земле, может быть, всего несколько секунд, а показалось — вечность. И поднялись, когда «Шилка» подавила огрызающиеся огневые точки.

— Яша, — это уже адресовалось майору Семенову, — уводите своих за мной. — И, поднявшись в полный рост, чтобы его отовсюду видели солдаты, командир крикнул: — Мусольмоооон, за мной!..

И пошли мальчишки, пошли в вопле, в страхе, сопли размазывали по детским щекам, орали и перли, плакали и страдали, не стыдясь своей слабости, которую скрывала ночь — спасибо ей, беззвездной в те минуты и глухо непроницаемой. Они шли и шли, поодиночке и все вместе, и стреляли, и палили, и гвоздили, и долбили, и садили, и лупили, и строчили… Мусульманин в мусульманина. Брат в брата по вере… Добро и зло сошлись, перехлестнулись, сшиблись в азиатской метели… Земля родная, ты перепутала чего-то, запутавшись в ту ночь в себе самой и в людях!..

Не было призывных воплей «ура!», но и языки не проглотили, безмолвствуя в преодолении себя; разное вырывалось из нутра, кто во что горазд. Надсаживались, взбадривая себя и товарища, — ор стоял, как у загонщиков во время облавы на хищного зверя. Зверя затравливая, сами озверели…

За ними — огольцами, ставшими враз мужчинами, шли, проклиная свой сегодняшний удел, офицеры — избранные избранники КГБ, палаческая аристократия двадцатого века.

Солдаты об этом знали, были предупреждены, поэтому и не могли допустить позора при тех, элитных, мужиках и не смели не быть храбрецами. Они достойно прошли через этот кромешный ад. И даже кагэбистский генерал Дроздов, скупой на похвалу, выверенный в словах, когда дело касалось особенно не своих, напишет годы спустя: «Из тридцати шести раненых солдат из „мусульманского батальона“ двадцать три не покинули поле боя».

По ним ошибочно ударили и наши «Шилки», и наши гранатометчики, и из многих окон напротив тоже палили, уже не свои… Но в возникшем сплаве братства они прошли все и в ту ночь… Новую Варфоломеевскую.

На своих хребтах дети-солдаты вытащили отборных бойцов, вытянули самых лучших в КГБ наверх и довели до парадного подъезда уже разворошенного дома, открыли им тяжелые затворы и впустили в залы… А сами ненадежно примостились по периметру площадки, обдуваемой всеми ветрами, и залегли как попало, не находя укрытий, на плитах открытого,

простреливаемого со всех сторон пространства. Когда в их рядах образуются прорехи — кого убьют, кого искалечат, — элита еще раз возопит о подмоге. И мальчишки, огражденные от смерти одним доспехом — прохудившейся за время командировки рубахой, не колеблясь, войдут в тот дом.

Неделю спустя их командир, взводный Турсункулов, расскажет: «Страшно было и то, что наши гранатометчики, стрелявшие из АГС-17 по заданной им заранее площади, так и не перенесли огонь, и нам пришлось прорываться сквозь свинец, который лился с обеих сторон. Как удалось это сделать, я сейчас не могу сказать, но мы все же прорвались во дворец. Довели кагэбэшников до входа, своим приказал залечь по кругу и огнем прикрывать штурмующих бойцов. Спасибо Володе Шарипову, он раньше нас сумел выбраться на БМП, оцепил со своими ребятами дворец по периметру и уже отстреливался, прикрывая таким образом наше рассредоточение. Был момент, когда я услышал: „Мужики, что вы лежите? Помогите!“ Мы по плану не должны были работать внутри, но я и мои солдаты поднялись и вместе с „зенитовцами“ рванули вперед — вверх по лестнице».

В августе 2009 года Турсункулов, раздобревший, но по-прежнему красавец, огладит неспешно холеные усики и, хорошенько подумавши, скажет: «Отрешенность была, и ничего больше». Это о пережитых чувствах перед атакой. А высшую государственную награду страны — орден Ленина — двадцатитрехлетний Рустамходжа получит (так выходит!) именно за то, что преступил приказ: не прикрывал наступающих, ограждая их от губительного огня, а сам пошел в их первых рядах, добровольно подставляя себя под этот самый губительный огонь. Штурманул вкупе с бойцами со стороны котельной. Пострелял. Посеял свинец и смертушку. В запале, в прыткости атаки угодил, не исключено, в невинное пространство — на направлении действий его солдат, в результате чего и была как раз убита жена министра. Залег ночью охранять дворец, невзирая на то, что «на нас на всех живого места не было. После тяжелейшего боя мы еще ожидали, что на нас нападут, и напряжение было невероятное. Мы отдали афганским женщинам и детям всю имевшуюся одежду и ковры. И еще я помню, что, когда мы давали им еду, взрослые к ней не прикасались и детям не давали есть. А пили женщины сначала сами, а потом уже детей поили. Я сейчас уже не помню, сколько там было их, детей».

Именно тогда, в часы коротких бдений штурма и охраны развороченного дворца, лейтенант Турсункулов «показался» Эвальду Козлову, который вскоре станет первым командиром «Вымпела» и заберет его к себе в команду. Турсункулов закончит

академию и послужит во внешней разведке… Вот и понятно, почему он, единственный из «мусульманского батальона», неизменно присутствует в документальных фильмах про «смелых чекистов при штурме дворца». В декабре 2009 года Турсункулов публично принесет афганцам свои «глубочайшие извинения за наши действия», с такой знаменательной приметой в конце: «И последнее — не держите зла…»

Заметьте, извинился лейтенант-«налетчик» образца декабря одна тысяча девятьсот семьдесят девятого года, офицер, который командовал взводом, и уделом его было одно — выполнение приказа. А те, которые посылали его, мальчишку, на смерть и живы до сих пор, — помалкивают с извинениями, зато криком кричат о выполненном долге и готовности повторить все сначала, отдай им только родина приказ. Может, это и хорошо, что они не способны «повторить» — в силу своего возраста. А то бы — ой, сколько дров наломали бы кавалеристы-конники лихие. В атаку сердце рвется, а духу молвить «извини» не достает…

2

Над Володей Шариповым довлело чувство ответственности. Он снова вспоминает:

«За всполохами и взрывами впереди трудно было что-то разглядеть и разобраться. Перед самым подъемом на серпантин выныривает неожиданно передо мной бронетранспортер, обрызганный светом наших фар, — вроде бы из небытия. Большой игрушкой, брошенной капризным чадом, валяется. Но видно — живой: фыркает, клубит сизыми дымами, вошкается туда-сюда, рычит в потугах вырваться из плена-канала, куда угодил, спеша к подвигу и победе. Соображаю — это те, которые вопили по рации, что свалились. Четвертый экипаж Турсункулова — БТР № 013 (чертова дюжина!), в котором разместили десантом группу Щиголева».

Владимир Курилов, офицер КГБ, из того же четвертого экипажа, дополняет Володю:

«Не шибко упали — сначала даже не поняли, что кувыркнулись, не вписавшись в крутой поворот. Командир нашей машины, сержант из батальона ГРУ, скомандовал: „Быстро все выгрузились! А ты, горе-водила, давай, действуй… действуй, мать твою за ногу, не рассиживайся!“ Наверное, правильнее было бы дать сержанту указание: не залеживайся. Однако пронесло нас — мы нормально отделались, без серьезных ушибов, царапин и потерь. Стали карабкаться в гору, к дому, где уже шел настоящий

бой. Наш сержант, парень молодой, легкий в беге, ланью несется, и только призывает: „За мной, ребятки, за мной!“ Мы, ребятки, и перли, не задумываясь.»

Володя Шарипов снова вступает в разговор и холодно констатирует:

— У Турсункулова из четырех машин одна была подбита. И дело-то не началось. Хорошо, что у нас пока… Мысли мои прервала эфирная трескотня в наушниках.

— Сокол, Сокол, нас подбили!..

Докладывал взводный Абдуллаев, он командовал головной машиной. Лейтенант мог и не голосить — я шел за ним, почти вплотную, и так было видно попадание — машина завертелась на месте. Обидно — поражение на виду торца дворца, пару сотен метров не хватило до места спешивания десанта. Огонь сокрушительный. Лупят гады почем зря и из всего, что у них там было. А было у них до хрена и больше. Рок навис над этой машиной, скажу я вам. Лейтенант Абдуллаев и все четыре офицера-кагэбэшника из десанта были ранены.

Со временем станут заверять, что именно из крупнокалиберного пулемета подбили БМП. Члены десанта — Швачко, Федосеев и сам Василий Праута — выскажутся однозначно: боевая машина была поражена снарядами «Шилки». Отсюда и несколько взрывов в непосредственной близости от БМП и «дополнительные» ранения и контузии бойцов. И Виктор Карпухин (БМП № 036 — вторая подбитая), вспоминая минувшие дни, неизменно будет утверждать, что, едва они спешились у самого входа, как по ним жахнул снаряд. И гостинец этот пришел к ним от Прауты, то есть «Шилки» своих «не узнали».

Владимир Федосеев, член экипажа, перенес ужас этого фатума, но создатель миловал бойца — в живых остался, ему гранатой только стопу раздробило, так что позже он мог рассказать подробно, как и что: «На подъезде к Тадж-Беку по нам открыли яростный огонь. Нашу БМП подбили. Машина начала кружиться, командир наш, лейтенант, закричал — ему перебило ноги, и приказал нам покинуть десантное отделение. Открыли дверь, выскочили, залегли, открыли огонь по дворцу. А тут как жахнет — это второй снаряд попал в нашу машину. Рвануло мощно, и — дикий грохот. Взрывной волной меня сбросило с брустверa вниз. Острая боль пронзила тело — почувствовал, как что-то теплое разлилось, потекло…»

Их временный командир (до парадного подъезда), взводный Хамид Абдуллаев, истекая кровью, продолжал командовать! По заслугам потом наградят джигита — орденом Боевого Красного Знамени.

Ротный Шарипов соображал: по серпантину афганцы недурственно пристрелялись, сволочи, малейшее промедление смерти подобно, поэтому по-наглому и — вперед. Только вперед. Подбитую машину прошел на скоростях с необстреливаемой стороны, перед ним только одна, которая входила на второй блин. Ей два кругаля, и они — на месте. Ну, отец небесный, подсобляй!

Предупредил десант, чтобы держались, и притопил. Зло ринулся, как учили в школе. Каким образом виделся мой наземный полет со стороны, не знаю, но внутри меня все закипело, когда представил раненого взводного. Обошел подбитую машину. Наблюдаю, вроде бы бойцы десантировались, залегли, отстреливаются. Судя по интенсивности огня и количеству «огневых точек», с нашей стороны потери невелики. Укрытие рядом — постовая будка. Не так уж плохо — могло быть гораздо хуже. Проносясь мимо, посигналил ребятам для поддержания духа. Остальным — циркулярно: «За мной, плавить до упора и не отставать». Передаю команду через своего «командира» — механика-водителя: патронов не жалеть, бить со всего, что есть и чего нет. Продублировал это же по ротной сети.

У последнего виража, перед самым взъездом, подошел впритык к первой БМП.

— Ну, товарищ солдат-водитель, — бормочу про себя, — давай же, парень, еще чуть-чуть, и мы…

И мы… приехали! Мощно приплыли — неслышно поощряемый мною механик-водитель влип в твердь, что на его пути оказалась. Топлю — чуть мышцы не рву — педаль тормоза. Машина кормой — на дыбки. Десант горохом ссыпался по инерции, и тут как застучало: та-та-тах! Мать честная, а это еще что за «татах» такой?

— Что там у нас?

— Лбами посталкивались, командир, шлемы бренчали. А у тебя что?

Стрельба вовсю распаляется, из дворца по нам в упор лупят. Пули ливнем по машине колотят. Рикошеты какие-то, зараза, веселенькие: сверчками — прыг да скок. Думаю: «Не хватало только еще гранатометчиков, по одному на каждую машину. Здесь нас, недвижимых, и перещелкают, как куропаток». Даю команду спешиться. Всем — стоп, к машине, залечь. Такого огня мы не ожидали, и он такой плотный, что за БМП только и можно укрыться! Охрана пристрелялась — пули все ближе и ближе к нам, все точнее пощелкивают-повизгивают. Чувство мерзкое: кажется, каждая из них — твоя, вот-вот достанет. Войдет мимолетно, беспрепятственно толкнется в ребро или в жировую

прослойку, выйдет навылет, и — все. А еще морозец по коже от мысли, что нет на мне бронежилета. Нам сказали, что они другим нужнее, тем, кто идет на дворец. А я, можно подумать, — на привокзальную площадь, в шалман пивка попить собрался. Впрочем, что проку и защиты от тех пластин в жилете? Он для успокоения больше и утешения наивных. Бронежилет — чистый антураж, глянцевая обложка для укрепления психики. Серьезное оружие не держит — автомат его прошивает бесцеремонно. Каски у ребят — другое дело: действительно неплохие, западногерманские. Балашову и Карпухину жизнь сохранили.

Под огонь не полезешь, и отлеживаться не след — мне дорогу надо чистить до самых покоев дворца. Судя по огню, человек пятьдесят-шестьдесят палят по нам. У полковника Григория Бояринова ребята из кагэбэшного «Зенита» и «Грома» отчаянные, вижу, начинают попарно дряпаться поверху блина — по накату яруса. А неподалеку взрывы. Наших «Шилок».

Приказал механикам-водителям — все, что светит и светится в машинах, включить. К тому времени мы поразили все прожектора, и глаза после ярчайшего света еще недостаточно освоились с теменью. Думаю, Вася сообразит по зажженным фарам машин, где мы находимся в данную минуту, и не накроет нас снарядами. Рисковал, конечно, но Васю знал и не хотел в нем ошибиться. И Василек наш сообразил — как бабахнет! И перед самым нашим носом. Перекинул полымя на верхние этажи. Визг остервенелый и вой глушащий. А для меня эта надсадная гадская какофония — прямо симфония спасительная, героическая. Сила удара снарядов была такая, что стены дворца содрогнулись, и толчки от земли мне передались. У «Шилок» бешеная начальная скорость, и уж как даст — мурашки по коже от силищи такой. Первый раз наблюдал, как зенитки по наземной цели шпарят. Загляденье и восторг! Афганцы, думаю, давно присели на задние лапы и онемели от удалой мощи, без разбора молотящей по камню, жести, лицам и телам.

Первая БМП завелась. Даю команду, и мы дружненько — по машинам. Вырвались на площадку. Солдаты мои боекомплект не пожалели. БМП сотряслась от этой густой одновременной стрельбы и зажила своей обособленной жизнью коварного кровожадного хищника. От копоти, пороховых газов и дыма в машине просто нечем было дышать, хотя воздухоочиститель включил на полную катушку. Спаренный пулемет с пушкой бил по окнам. Смекаю — надо бы поближе к входу подойти, впритык к крыльцу, под навес заскочить. Едва не снес на скорости какой-то автобусик, что припаркован неподалеку, и подлетел к центральному входу. Вася Праута все еще своими «Шилками» по

дворцу долбит. Доставленный нами десант — во дворец, а мы рассеялись веером во все стороны и делаем свою работу — отсекаем огнем внешнюю охрану. Вокруг — варево жуткое, вонь пороховая, что-то горит впереди, раненые вопят, или это в запале боя нерв и страх в себе орлы наши диким криком поглощают? От входа кричат: «Командир, останови „Шилки“ — наши уже во дворце!»

Мы только взлетели на площадку — у меня пропала связь с командным пунктом. Почему — до сих пор не знаю. Я давай по радиостанции комбата вызывать — никакого ответа. А «Шилки» брызжут и брызжут по дворцу, крошат и сметают. Всё метут подчистую. Всех и вся, невзирая на принадлежность: свой — чужой. Тут вдруг чувствую — шнур от радиостанции натянулся, и меня аж развернуло всего. У нас ведь радиостанции какие? Сама она на спине у бойца-связиста, а наушники и переговорное устройство — у командира. Боец, бывает, повернется неловко — и потянет за собой все это «хозяйство». Я только развернулся ругнуть Шокиржона Сулайманова, а он уже — все, готов, на землю валится. И тут вижу: в арыке рядом с нами афганец лежит, прячется от огня. В память почему-то врезалось: у него на руке часы с рубиново-красным циферблатом, и они, эти часики, подсвеченные зеленоватым оттенком фосфора на стрелках, медленно и неудержимо передвигаются, продолжая путь мушки прицела автомата в сторону моей груди. Я по нему очередь дал. Попал, а он… подпрыгивает. Я еще очередь — он снова подпрыгивает…

А это пули прошивают навылет, и от бетона рикошетом тело подбрасывают. Только повернулся в другую сторону — мимо афганец-офицер с пистолетом в руке бежит. Я и его свалил из автомата. Пистолет подобрал, зачем-то Бояринову показываю. А он мне: «Ну, давай, бери, первый твой трофей». Это были его последние слова, обращенные ко мне; наверное, потому и врезались в память. Мои солдаты-пулеметчики как увидели, что кагэбэшники пошли в атаку, тут же рванули за ними следом! Забыли начисто о своей задаче — такой был порыв…

Если бы Амин в тот момент через окошко выпрыгнул — запросто бы ушел! (Потому и попытался Шарипов — один из отвечающих за голову Амина — остановить своих солдат.) Я за бойцами следом — или вернуть к своей непосредственной задаче, или вместе с ними продолжить. Мысленно остановился на втором — завершающий аккорд должен прозвучать внутри. А снаружи, перед дворцом, уже достаточно набежало нашего народа; бойцы Турсунбаева подоспели, совместными стараниями и внешнюю охрану подавили — затихли, притаились, или перебили их всех,

кто рьяность в верности Амину проявил и усердствовал на виду.

Возле самого здания меня вдруг как шарахнуло, как долбануло, как обожгло, и — кинуло оземь. Ощущение — точно из левого бедра, из вспоротой плоти, пружиной поднимается долго-долго продолжающийся, нескончаемый и неунимающийся лютой болью взрыв. Как смог, добрался до входа. Слабость, головокружение предательское. Стыдно стало — не убит же, черт возьми! Думаю, посмотреть надо, что там у меня, только не вздрагивать, рану вскрывая. Брызнувшая воронкой кровь, сбежавшая пенкой, не успев впитаться в ткань, покрылась пузырчатой твердой пленкой. Следовало обработать рану. Потянул ухватисто, духу набравшись: боль свирепая наклонила, припечатала, скрежетом зубным оповестил соседей — дескать, буек еще, хотя уже весь из себя — и в кураже. А полое, понятно, не пустует: чувствую — клейкое полилось и жжет. Как будто душу сдернули с кожей! Вот и полезла в голову скверна всякая. Не красный тюльпан всплыл в памяти. (Красный тюльпан — мучительный вид казни, которым душманы подвергали пленных советских солдат в годы советско-афганской войны. Жертву, предварительно накачав наркотиками, подвешивали за руки. Затем подрезали кожу под мышками вокруг тела и заворачивали ее до пояса. После того как действие наркотика проходило, жертва или сходила с ума, или умирала от боли — *Э. Б.)*

Кое-как я к своей, родной БМП доковылял. Вколол себе промедол из аптечки. Чувствую, надо еще. Подзываю солдата — Джумаева, он возле меня уже несколько минут кругами ходил. Не решался ближе подойти, я ему уже выговаривал:

— Джумашка, ты чего вертишься тут — залегай, бди, огонь веди, в войну играй.

— Э-э-э, товарищ старший лейтенант, Джумашка всех отпугнул, чисто-чисто сделал возле своего командира, охранять буду тебя.

Он у меня вместо ординарца был. По-русски говорил неважнецки, и его обращение ко мне на «ты» я ему спускал. Сделал ему пару раз замечание, он ответил — хорошо; а с утра все сначала. Махнул рукой на эту херню из устава «мирной жизни» и благодарил случай, что Джумаев ко мне прибился — чудо был боец, очень честный и добрый парень.

— Давай, — говорю, — соколик, бегом за аптечкой, в любой машине бери.

Его перед самой отправкой особый отдел потребовал оставить в Союзе — отец когда-то, еще до рождения Джумаева, был осужден. А солдат «зайцем» в самолет забрался и прилетел вместе с нами в Баграм. Не отправлять же его обратно! «Особист»

мне наказал, чтобы глаз не спускал с Джумаева. А повынюхивал, и сам пришел к выводу — прекрасный человек Джумашка. Не опасен. Сноровист и толков. Словом, воин что надо.

Так вот, он убежал за промедолом и словно пропал — нет и нет. Вижу, из долины мчат мои БМП. Свет фар то вниз припадет, то по небу вспышкой-молнией ударит. А оно уже всасывает в себя клубы дыма пожаров, по которым мечутся лучи двух машин и беспорядочное множество трассеров. Понимаю, что это мои заместители — Бахадыр Эгамбердыев и Рашид Абдуллаев — на подходе. Довозят двумя машинами подкрепление.

А тут мне опять кричат:

— Прекрати огонь по второму этажу! Там никуда зайти невозможно.

Я на передаче — бубню и бубню: «Прекратить огонь, прекратить огонь…», и не уверен, что меня слышат — приема нет. Долго Джумаева не было. Прибегает с промедолом. Я ему:

— Ты куда пропал?

И словно услышал меня Василий — все «Шилки» умолкли одновременно.

А Джумаев рассказывает: добежал он до борта «ноль тридцать шестого» и увидел, что неподалеку залег пулеметчик Хезретов и в одиночку сдерживает афганцев, которые, опомнившись, поперли снизу из караулки к дворцу. Ему пулей челюсть нижнюю своротило, кровища хлещет, а он — стреляет! Мужественный парень!

Джумаев метнулся в БМП, из чьего-то вещмешка полотенце вытащил, Хезретову челюсть кое-как подвязал — и только тогда ко мне.

Лихо подкатили заместители — завизжали БМП тормозами, крутануло первую машину на месте, мордахи механиков-водителей торчат из люков — перли по-походному, такие-сякие, будто перед девицами напоказ себя выставляли. Спешились мои ребята, и я им рукой в сторону входа показываю. Понятливые — дружно пошли, и — напролом. Вслед успеха пожелал. Честно, переживал за каждого, разве что не перекрестил их.

Бой перед дворцом и вокруг него начал стихать. Но внутри продолжало быть жарко, и летала под сводами недобрая бабка с косой, жизнь унося, мучая и калеча. Она, неподкупная бестия, прибирала и прибирала: и старого, и малого, и христианина, и иудея, и исламиста, и атеиста… Мне не хотелось туда, но я пошел — пошкандыбал. Ничуть не пересиливая себя, не молясь, не крестясь, не заклиная. Пошел в ясном сознании, что так надо, с какой-то даже веселой беззаботностью — как обреченный, идущий на эшафот, или простерший руку нищий бродяга…

3

Первые раненые перевязывали себя и обреченно размышляли о бренности бытия, а новые бойцы — потенциальные жертвы или счастливцы, которых сбережет судьбина, — исходили и исходили к этому запаленному дому, повинуясь приказу. Пригибались и сутулились в неуемном желании если не раствориться невидимками, то стать чуть поменьше размера ростовой мишени, и не быть столь уязвимыми от всякой этой дряни: пуль и осколков. Все группы КГБ и бойцы отдельного отряда ГРУ смешались, и каждый уже действовал по своему усмотрению. Никакой единой команды не было и быть не могло, — их благословили, нравоучительно и высокопарно, и запустили, указав маршальским жезлом направление, беспокоясь лишь об одном — достижении ими, своими солдатами, цели. И нисколько не заботясь, какими средствами она будет завоевана, кто падет, кто прихромает, кто останется лежать до поры — пока импровизированная похоронная команда того же «дяди Жоры» не соберет их тленные останки и не уложит штабелем в грузовике.

Им всем, благополучно пробившимся сквозь разрывы, рикошеты, визг и мат, хотелось добежать до стен дворца и укрыться. Не спрятать себя, а именно укрыться на какие-то доли секунды, перевести дыхание и, не размышляя, не думая, не задумываясь, уйти дальше от защиты, добровольно сближаясь с погибельным.

Плотность огня у дворца была столь велика, что в первые две минуты из 22 бойцов группы «Гром» 13 оказались ранеными и трое убиты. Многих спецназовцев спасло только то, что все они были в бронежилетах. На всех боевых машинах триплексы были разбиты, а фальшборты и волноотражательные щитки пробиты на каждом квадратном сантиметре, то есть имели — как описывали «словолюбящие варяги» той ночи — вид дуршлага. Такое сито на боках машин и выскобленная добела стальными градинами краска на броне сверху, само собой разумеется, никак не могли прибавить наступательного задора, и хорошо, что все это рассеянное по машинам и людям зло заприметили после боя, и оно уже никак не способно было оказать воздействие на морально-психологическую настроенность бойцов. Они попали под «технологию дуршлага» и чудесным образом возвратились в отчий дом. Но годы понадобились, чтобы совладать с чувствами, справиться с психическими травмами и набраться духу и смелости особого рода — не окопного свойства, а кабинетного — и сказать правдивое слово.

Герой Советского Союза Виктор Карпухин, отмеченный

высокой наградой за штурм дворца, вспоминал в середине девяностого: «Должен признаться, у нас не было должной психологической устойчивости. Да и откуда ей взяться? Наверное, воевать можно научиться только на войне, как бы это жестоко ни звучало. А мы привыкли видеть войну только в кино, „по-киношному“ она и воспринималась. Но все пришлось увидеть наяву. Вот падает твой товарищ, взрывом ему отрывает руку, ногу; вот ранен сам, а надо действовать, расслабиться нельзя ни на секунду. Убьют».

Хабибджан Холбаев: «Мы прекрасно понимали, что все эти пересуды — повезет, не повезет, а по плечу ли нам такое дело, а прав ли, и насколько, генерал-штабист, планирующий где-то в Москве задачу батальону, — все это до одного места. Потрепаться можно о чем угодно, а выполнять все равно придется. И никуда нам не деться, потому что если решение принято, то… вперед — на мины. И — всё, и весь здесь хлеб до копейки! Скажу больше, как понимаю: даже очевидно проявленная трусость — не есть великий грех, если вовремя переборота в себе. Это у нас по большевистской привычке слабых духом гвоздили позором и добивали образцово-показательно, чтобы другим неповадно было, — ставили к стенке, не очень-то утруждая себя выяснением обстоятельств минутного малодушия солдата. Мне как-то прислали газетную вырезку. Сергей Голов, офицер „Грома“, писал о том, как на подходе к Тадж-Беку механик-водитель БМП остановился, выскочил из машины и, позабыв обо всех, со страху бросился наутек в неизвестном направлении. Голов, как командир (!), стал продумывать вариант замены, но сбежавший вдруг объявился, запустил двигатель и повез всех к „свершению подвига“. Для чего группа перед дворцом и десантировалась. Сидевших с самого краю двух переводчиков-таджиков сразу же убили. Оказалось, что сзади БМП находился афганский пост, солдаты которого открыли по ним огонь. Блокпост пришлось расстрелять.

Прочитал я все это. Рассказывает вроде человек достойный, но что-то меня уж больно заело — знаю, что не было такого факта. Голов был старшим своей группы в третьем экипаже — борт № 038. О гибели переводчиков майор насочинял — их не было в десанте, так что скорбеть не следует — люди и смерти придуманы. Насчет механика-водителя. Как бы и что там ни происходило — нет никаких позорящих его нюансов. Что произошло, если и принять на веру написанное „комитетчиком“? Мальчишка, по существу ребенок, не по своей воле брошен произволом судьбы на „мясозаготовку“. В его сторону из рогатки в детстве не стрельнули, а тут десятки стволов, и — как им

ощущалось — все палят в него одного, с целью убить. Даже если и сбежал слабак? Так он же, по утверждению майора, сам добровольно вернулся. И задание, между прочим, свое выполнил до конца, и машину сохранил в целости, своим ходом в расположение пришел. Почему майор врет? Он забыл, а может, и не знал никогда, что из десантного отделения, как ни сильсь, невозможно увидеть самого механика-водителя и отследить его действия. Заснул ли воин, в бега ли подался — в этом не под силу разобраться даже самому бдительному чекисту».

Нижеприводимую «исповедь трусишки» я повстречал в документах и привожу ее, ничего не исправляя: ни имени (уж коль оно обнародовано), ни ошибок, «отлитературивая» текст. А «трусишка» — написал с умыслом: вот вы прочитаете и поймете, насколько его признание искренне, насколько покаяние чисто и насколько еще мальчик ходил в тот бой… Рядовой Хамза: «Пока ехали к дворцу, выстрелили по нему несколько раз из пушки. Через некоторое время по нашей БМП начали стрелять. Мне стало совсем страшно. Когда подъехали, командир БМП дал команду выбираться из машины. Все „старики“ попрыгали из отсека. Я тоже в порыве рванул на выход, но увидел, как один из „стариков“ упал, получив пулю, и не вышел из БМП. Несколько мгновений я боролся с собой — выходить или нет. Все-таки заставил себя выйти. Точнее, выползти наружу. Там залег и огляделся. Часть „стариков“ вошла во дворец, но большинство было еще снаружи… Со всех сторон стреляли. Было очень страшно. БМП пытались стрелять по дворцу. Одна стала сдавать назад, чтобы достать пушкой 2-й этаж, и наехала на кого-то из наших. „Старики“ стали со всех сторон заходить во дворец. Кто бегом, кто ползком, кто в двери, кто в окна. Несколько человек из нашей роты тоже рванули туда. Ротный что-то кричал: то ли звал назад, то ли в атаку, я не расслышал. По крайней мере, не побежал. Сколько наших побежало, не помню. Много „стариков“ были ранены еще на подходе к дворцу. Ранило и некоторых из нас. В том числе командира роты и командира взвода».

Из письма Шарипова: «Вранье, техника в колонне не останавливалась. Было замешательство, когда БМП уткнулась в выступ при въезде на площадку у дворца. И это — все, Эд, можешь мне поверить, ты хорошо знаешь и меня, и мое отношение к неправде».

Мнение замполита Рашида Абдуллаева: «Такой эпизод с механиком-водителем — дурной вымысел, за такое нехорошее Голову надо сказать публичное „фэ“. Его неправда — от его ущербности. В той обстановке он был не „шестерка“, но пешка. Его тело, его профессионализм, его оружие с патронами и

гранатами тупо доставляли, уже не спрашивая, желает он того или нет, не интересуясь его мнением и обуреваемыми эмоциями. Он был рядовым в десанте при погонах майора. Кстати, все пятеро водителей, участвовавших в штурме, были награждены. Струсь кто — шиш бы дали на хлопковом масле. Врет Голов и о расстреле блокпоста. Когда наша БМП доставила их десант к зданию, в будке поста укрылись и перевязывали раны их же бойцы из подбитого экипажа, а афганцев след пропал, или уже остывал вместе с их бренными телами».

Дополнение от себя. Первое. Среди пяти погибших кагэбистов и одного «мусульманина» в ту ночь не было переводчиков-таджиков.

Второе, и главное, — Голов не был командиром личного состава отряда ГРУ и не мог принимать решение о замене кого бы то ни было, если бы даже факт «побега» механика-водителя и имел место. За вмешательство в свои действия командир БМП № 038 старший сержант Шухрат Мирзоев имел право и, более того, был обязан — по законам военного времени и велению боя — употребить все меры, вплоть до применения оружия. Проще — пристрелить бойца КГБ, в данном случае, майора Голова Сергея Александровича. Именно — пристрелить, как… а не «почетно расстрелять»…

Третье. К тридцатилетию штурма, в декабре 2009 года, скорый на заявку в духе героики — «знай наших» Николай Берлев, вспоминая минувшие дни и битвы, где вместе рубились они, кагэбисты, не преминет поделиться и таким поминанием: «Отмечу: Виктор — единственный человек, который довел машину непосредственно до цели. Не механик (!), а Карпухин. Иначе штурму была бы крышка, говорю как есть, и нас бы всех перебили. А он руководил машиной и довел ее до спасительной зоны возле парадного подъезда Тадж-Бека. Одна только БМП дошла, все остальные остановились, оказавшись в поле видимости защитников дворца, и были поражены огнем противника».

Вот так просто, мило, неправдиво, просто лживо — величаво… И кто сказал, что один в поле не воин…

Глава шестая
РАСПНИ, РАСПНИ ЕГО!

Кого ж это так — точно воры вора пристреленного — выносили? Или изменника, или с проходного двора по воровскому маршруту доставляли в небытие… Каким удивительно ясным светом освещено убийство Хафизуллы Амина! В какой высокий смысл облекли изуверство и палачество… Как окрылили бесчеловечность свято осуществленным долгом и возвели в ранг завидного достоинства… Как прошлое навсегда остается в настоящем, да еще и привлекательным к тому же? Думаю так, что… Неправое дело — выполнение задачи любыми средствами, когда правила ведения войны объявляются вне закона, вседозволенность, без оглядки на моральные и нравственные устои; цинизм самой сути операции, выраженный в снятии запрета на элементарное убийство женщин и детей, мужчин, по воле случая оказавшихся в доме. Все это позволило нашим бойцам перешагнуть через естественные нравственные барьеры и условные идеологические ограничения.

1

Нас вытребовали, и мы пошли. Не раздумывая и не загадывая. Тот, кто призвал, невысокого роста, показался мне исполином на фоне горящего дома, в опаленном проеме черного лаза — парадного входа. За спиной его пульсировали квантовые вспышки и взъерошенными мерцающими пунктирами вычерчивали отдаленный и по облику совсем не злющий! — образ местечковой схватки.

Фигура его — сама мощь: круглое безвольное лицо, в разводах крови по щекам и лбу, рот широко раскрыт в крике, ноги расставлены стойко — сила и твердь, рука правая выброшена вперед и вверх — привлечение внимания, левая, в пообтрепанных бинтах, наскоро обвита, куртка кожаная вразлет, левая нога выпростана в продолжении стремительного шага. Он явился некстати, вышел из небытия, неожиданно возник из громов и дымов — тем поразил и отрезвил. Он, тогда неузнанный мною, будто бы вытесанный из камня, ступил на землю, и, повинуясь этому человеку-солдату, глыбе этой из впечатлений моего детства о Великой Отечественной, мы, безропотно подчиняясь ему — призраку войны, легко и с радостью позволили

увести нас за собой — в шумную бездну адову и пекло.

Байхамбаев через годы несет эту картину-воспоминание в себе и редко с кем делится страницами жития своего настоящего: «Я многое стал забывать из того прошлого, но Бояринова, который зазвал нас тогда на помощь, уже израненный, контуженый, в полуметре от потустороннего мира, — мне не забыть никогда».

Э-эх, наивный же ты, братец, Махамоджон Байхамбаев, — чекист, в благодарении незабвенном и в упоении пожизненном обретающийся! Вот коллега по цеху, Яша Семенов, много-много лет спустя, в 2011 году, расскажет иноземным журналистам: «Во время той операции я, честно сказать, забыл о „мусульманском батальоне“. Мы добились успеха с первого раза. Они, мусульмане, вошли тоже, однако когда операция была почти завершена». Яша тренькнул вот так без усилий, как какнул легонько, и слил в унитаз воинское братство. А попутно и многое другое — по большей части нравственное, не всеми, правда, постигнутое…

Тогда, в бою открытом, огневом, в будущее не заглядывали и заветных желаний не загадывали. Хотя понятно — всем хотелось жить. С десяток солдат из роты Шарипова сбились у подъезда в группу. Почти все при ПК — пулеметах Калашникова. Пару минут ушло на пререкания, согласования и «дележ» пулеметчиков между офицерами «Грома» и «Зенита». И на то, чтобы скучковаться попарно, тройками и определиться — условно и неконкретно — с задачей каждому. Пока рядились чекисты Кувылин и Курилов, выстраивали планы стремительного приступа, «мусульмане» вязались со своими, которые раньше ворвались в здание. Ниоткуда прискакал старший лейтенант Махамоджон Байхамбаев.

— Где командир роты?

— Ранен старший лейтенант Шарипов. И лейтенант Абдуллаев — тоже.

— Тогда слушай мою команду…

«Мусульмане» не были готовы действовать в самом дворце, такая задача перед ними не стояла, поэтому, как вспоминают участники штурма, продвижение было хаотичным. План дворца никто из них не знал, кроме группы кагэбистов — их готовили к захвату. Но в реальной обстановке, как показал бой, проку от «виртуальной подготовки» кагэбистов не было никакого — бойцы хаотично метались, действовали сбивчиво, путано, в суматохе и напряжении схватки теряли своих командиров, те, в свою очередь, — своих подчиненных; группы распались, чекисты были разметаны опасностью и обстоятельствами стычки. Упорядоченного управления задачами, определенными общим

замыслом операции и конкретными установками руководителей, попросту не получилось. Чекисты разбрелись, растеклись в смертном водовороте, ровно мальчишки-«мусульмане».

В этой кутерьме, с неожиданно возникающими вводными, которые не присущи исполняемой задаче (и когда ты не готов), разобраться, где твое место в бою, где свой, где чужой, было не просто сложно — почти невозможно. Какие там опознавательные повязки на рукавах! Какие там посулы и призывы: «В атаку… Вперед!.. За мной!» Выручал обыкновенный русский мат — и твердость духа крепил, и страх гнал, и более точного определителя «свой — чужой» в тот момент не нашлось.

Бойцам Шарипова Байхамбаев приказал зачистить первый этаж, действуя сообща с «зенитовцами». По его же команде и вторглись, поддерживая устремления офицеров КГБ Пономарева и Чарыева, и занялись правым крылом коридора — путь к кабинету Амина. Пробивались сложно. Кроме того, что нужно было вести наблюдение за противником, молниеносно реагировать на его огонь, ловко перемещаться, избегая пуль и осколков гранат, надо было еще смотреть под ноги, на бегу жонглируя собой, и все время пытаться сохранять равновесие.

В одной из комнат наткнулись на Турсункулова, возглавившего группу, и дальше продвижение шло вместе с ним. Установка была одна: зачистить снизу, и только наверх, наверх по этажам.

«В этой дерьмовой бойне с трудом определил кабинет, где должны находиться, по указанию Семенова, сейфы с документацией, и, конечно же, сам тиран — Амин, — вспоминал Байхамбаев. — Ворвались, обстреляли. Роскошь там была потрясающая. Никого не обнаружили: ни здравствующих, ни почивших в бозе диктаторов. Офицеры присобачили пластиковую мину, рванули — таким макаром открыли сейф. Что изымали, не знаю, это задача не спецназа. Но выгребали соколики все подчистую, не вчитываясь в содержание, не всматриваясь в форму. У каждого было чисто свое, подчас довольно-таки странное задание. Например, уже после боя по дворцу бегал-сновал офицер КГБ, представившийся из политической разведки, и пытался отыскать кого-нибудь из афганских руководителей. Товарищ этот пребывал, очевидно, при плохой памяти или от страха ему все поотшибало в башке: забывал, с кем общался минуту назад, по нескольку раз приставал назойливо к одним и тем же, выпытывал, вызнавал. Спрашиваю, на кой они тебе сдались? Оказалось, ему следовало их доставить в свою „контору“, чтобы они подтвердили версию о внутреннем перевороте. Нормально, да?..»

Рустамходжа Турсункулов торил с солдатами свой трудный путь, прокладывая его сквозь огонь и полымя, одолеваемый азартом и равнодушием к своей молодой жизни.

«Не один я прорывался, со мной шли в переделку больше десятка солдат из отряда» — оступиться никак невозможно: я, амчикты (непереводимо!), — офицер, пример для них, мне их вести за собой, трястись как бараний хвост, — не к лицу, не подобает. Я-то хорошо знал установку: группа КГБ «Зенит» блокирует первый и второй этажи — они же при выдвижении были моими подопечными, а бойцы «Грома» любыми путями должны были проскочить на второй и исполнить главное — не дать Амину уйти и физически уничтожить его. Но это не было, если так можно сказать, привилегией групп Миши Романова — убить мог каждый, кто первым дорвался бы до Амина, и более того — обязан был это сделать. Таков приказ, касаемый персоны Хафизуллы, а что до всех остальных, то это звучало резко, категорично, очень неожиданно, до чрезвычайности по-бл… и неизлечимо для сознания нормального человека: «Пленных не брать, свидетелей уничтожать на месте, никто не должен остаться в живых».

Слова эти страшные — «никто не должен остаться в живых» — многие участники штурма подтвердят. Приказ им был отдан как непреложное предписание, чисто в духе известной заповеди в известном круге ордена иезуитов: «Finis sanctiflcat media» — «Цель оправдывает средства». Девиз, которому неукоснительно следовали католические монахи, поощряемые знаменитым испанским иезуитом Антонио Эскобаром-и-Мендозой. Он, главный теоретик морали ордена, «родивший» это изречение (или списавший его у Макиавелли или Лоренцо Медичи — по сей день спорно, кто у кого) и развивший самую сатанинскую идеологию достижения цели любыми средствами, вооружил ею в свое время мировоззренцев фашизма и коммунизма. Даже Папы Римские принуждены были осудить некоторые положения Эскобара, а иезуиты позже официально отказались от поддержки его взглядов, тогда как мы оставались ревностными последователями иезуитской казуистической морали. Не думаю, что в «мозговых центрах КГБ» кто-то утруждал себя мыслью о том, что когда речь идет о целях в нравственной сфере, то использование для их достижения любых средств, снятие нравственных ограничений для выбора этих самых средств является абсурдом абсурдов.

Горстка «мусульман», под прикрытием своего дурного безрассудства в силу возврата и под предводительством взводного Турсункулова, только втолкнулась впопыхах в вестибюль, а у входа — страшило в этом своем шлеме

инопланетянина.

— Лейтенант Турсункулов. Моя задача?

— Во, молоток, лейтенант! Сколько вас?

— Со мной девять, и еще вон подтягиваются следом.

— Чудненько. Слушай сюда, бойцы. Делай, как я. Сейчас укройтесь, а подам команду, и хором все — за мной. Красиво, с песней… Прорвемся, сука, все равно дойдем, человеки, а?..

«Мужик с виду неповоротливый, как слон в посудной лавке. Но ловок, и было видно — смел до безрассудства. Карпухин, оказалось. Стал он собирать народ окриками, кого можно было скопить для рывка. Ну а потом — „делай, как я“: и пошло-поехало. Без разбору стреляли из автоматов и бросали гранаты во все комнаты, попадающиеся на пути. Скажу, положа руку на сердце, — переворошит былое педагог и эссеист Жиянбой Умаров, один из отчаюг, что вровень шел со всеми и не со своим лейтенантом, — как мы бежали, что ломали и крушили, во что стреляли и кого забрасывали гранатами, я сейчас в деталях не переберу в памяти. В надрыве сил, предаваясь во власть ратной забавы, в тесном тандеме с „комитетчиками“ пихаешь дверь, швыряешь гранату, залетаешь следом и поливаешь свинцом все и вся — без разбора и изучения биографии противника. Если из помещений не выходили с поднятыми руками, то двери выламывались, и в комнату бросались гранаты. Затем без разбору стреляли…»

Когда они ворвались на второй этаж, сопротивление возросло до предела. Куда ни кинься — повсюду роковой исход: строчат и «лимонками» зашибить норовят. В дыму мелькали какие-то фигуры, свои или чужие — не разберешь. Крики, стоны, женский визг, плач детей. Паленым потянуло, горелым — на этаже занимался пожар. Кто-то снизу истошно гаркает, да так громогласно, раскатисто: «Блин, они документы жгут! Не дать, мужики, не дать им уничтожить свидетельства!»

И такая чушь присутствовала. Получалось — лети под огнем, подставляй себя и солдат под пули ради какой-то бумажки, даже если она интересует КГБ.

Особист Байхамбаев, хотя первым из отряда ГРУ влетел во дворец, опасался попасть к шапочному разбору, потому торопился со своими нукерами совершать что-то значимое, преисполненное высокого смысла, героическое, и был не на шутку раздосадован, когда, обработав крыло первого этажа, навострился на верхние палаты и уже ринулся туда с бойцами, а тут прискакал какой-то разгильдяй и решительно преградил им путь:

— Братцы, выручайте, надо движки рвануть!

Хотел Махамоджон послать его куда подальше, да сдержался

— кровь заприметил у парня на лице, и вроде глаз выбит — или показалось. Знать, планида такая — на подхвате быть, на стреме стоять и посвистом предупреждать о нависшей угрозе.

— Говори, что нам делать.

— Айда за мной. Колей меня зови.

Во дворце везде горел свет. Все попытки Николая Швачко, раненного еще в самом начале операции, и группы «шариповцев» отключить электроэнергию закончились безрезультатно. В глубине здания, возможно, в подвале, работали генераторы, но их некогда было искать, ведь главная цель — диктатор Амин. А чтобы хоть как-то укрыться от пуль и прицельного огня защитников, бойцы, не злобясь и хорошенько приложившись, расстреливали хрустальные люстры и причудливые светильники. И ликовали меткому попаданию, когда разбитый пулей старинный венецианский или богемский хрусталь вспыхивал бриллиантовым снопом миллионов искрящихся брызг и осеивал пространство волшебными феерическими крошками и тугой пыльцой всех цветов радуги. К концу штурма из «световой отрады» почти ничего не осталось — лишь в нескольких местах тускло ныли желтые огоньки, обрамленные поднимающимся с пола дымом, чадом, гарью, а оттого мир вокруг был подслеповатым, нереальным, невзаправдашним, и люди, бродившие и слонявшиеся в нем, походили на пришельцев с планет неведомых, зависших во всегдашнем миллиардолетнем движении — намного дальше Марса и Альфа Центавра.

Закончив тщетные поиски «тутошней электростанции», Байхамбаев повел своих наверх, где было гулко и тряско, где все ухало и бухало. «Отголоски» долетали и до первого этажа: нет-нет да и завизжат взбесившиеся пули под ногами, зачиркают неуютно по глянцу мраморного покрова, разбросают осколки камня вокруг, обезобразят творенье рук человеческих. А то и шмякнется с характерным звуком литого металла об камень пола залетная граната, и лопнет трехмерная сфера, и больно ударит по перепонкам волна накатная, растворится «лимонка» в кусках и кусочках, в обломках и фрагментах…

«Нам таки удалось прорваться на второй этаж. Столкнулись с двумя „комитетчиками“. Что я — Байхамбаев, они не знали, бросили коротко: „Прикрой, командир“, и шумно сорвались с места. И вместе с ними — Сашей Карелиным и Нуриком Курбановым — мы стали упорно подвигаться, метр за метром, от одного укрытия к другому, прокладывая путь, дергаясь и шевелясь, приседая, кувыркаясь, выпростовываясь и складываясь вдвое. Занятые жутким монотонным однообразием, невольно уподобленные механическому роботу: открывали двери, бросали

гранату и давали автоматную очередь. Открывали двери, бросали, стреляли. И опять выламывали, и снова бросали… Дядька там один был, коренастый такой, здоровяк, лицо литое, взгляд тяжелый, непроницаемые глаза, в которых все постно, — он и говорит мне: „Тебе туда не надо, и людей своих попридержи — незачем им все это… видеть и знать“. Со временем понял, что спутник тот был — Сергей Голов…»

Голов от узнавания трагедии не только семьи Амина, но и сотен тысяч других афганских семей не сумел уберечь мальчишек-мусульман: они были очевидцами и видели все, хотя не знали всего. И того, что лихо лихое и горе горькое вздымается в эту ночь, и драма целого поколения, брошенного в прорву, входит в уймище страданий и слез и силу набирает недобрую. Не ведали бойцы Холбаева, добровольно обрекшие себя на штурм, и имя конкретного исполнителя, порешившего Амина, но все-таки в курсе были, — не смог Голов в своем упрямом утаивании закрыть им глаза на творившееся. Это я все докапываюсь до фамилии палача, а им, вышедшим счастливо из той бойни, начхать было, кто выпустил страшную пулю в ребятишек Амина, в их отца, в их сестер. Не потому, что мальчишки вмиг очерствели, просто не задумывались тогда обо всем этом, радуясь своему спасению. А возгордившийся «Вася-стрелок» в принципе никому уже сегодня не нужен и абсолютно никому не интересен, посему выискивается лениво и ненастойчиво, разве что для утоления праздного любопытства. Или вот как мне — уж коль взялся за рукопись, так и затерявшегося в истории мужика на свет божий надо бы вытащить. Не осудить, а просто показать и — земля ему пухом, в отличие от подло казненных им. Тот, неизвестный стрелок, оставил за собой видимый шлейф, примету родовитую: исполнитель — Комитет государственной безопасности СССР. С него в принципе и того с избытком — похвала ему, невольному изобличителю КГБ.

Так что, после советов и приказных рекомендаций товарища Голова, «мусульмане» придут на «готовенькое». Им останется убедиться, что да — тот самый повержен, и нет тут ошибки, доложить о выполнении задачи и следы прибрать — замести, покрывая их мерзлыми комьями, напополам с колкими льдинками, земли, не ставшими для убиенных пухом.

Я понимаю, они должны были тихо сойти с ума или громко и истерично расхохотаться, подняться в полный рост и зашагать, не прячась и подставляя себя под огонь стрекочущих автоматов.

Я понимаю, они должны были сойти с ума, соучаствуя во всем этом диком и бесчеловечном, попирая божественный промысел и отвергая несокрытый смысл бытия, как главнейшую

заповедь человечества — не убий.

Я понимаю, они должны были сойти с ума, даже выдумывая для себя наивную сказку нелюдского наважденья — какую-то особую меру в определении несуществующих ценностей, способных оправдать их и избавить от земных тяжких грехов…

Но я не понимаю, почему они не сошли с ума… Там повсюду была кровь, кровь и кровь. Вялая густота апатично чавкала под ногами, ботинки на грубом узорчатом костяке вминались в гранит ступеней, как в мягкость ворса ковров. А когда солдат залегал, а потом устремлялся вперед, становилось не по себе от его облика — грудь, живот, ляжки, ноги до колен — все было изобильно пропитано кровью. Хотелось верить — кровь не бойца, но не спросишь у него всякий раз: твоя или… его?

2

Когда мы поотмахивались от одиночных групп патриотов, спешивших спасать Амина, я оценил обстановку — вроде бы все путем, и неприятеля уж вроде нет, и снарядил тогда бойцов, подвезенных на двух БМП, из второго эшелона. Калякнул им несколько утешительных напутственных слов. И рванули пацаны…

Минут так через двадцать окликает меня кто-то с крыльца. Гляжу, «комитетчик», веселый такой, машет рукой, кричит:

— Все! Амина убили! Докладывай!

— Постой, постой, я прежде сам пойду, посмотрю.

Дело-то нешуточное. Не убедившись, чего оповещать? Вдруг ошиблись ребята, без башки меня оставят, а им, в худшем случае, всего лишь порицание вынесут. И вот еще незадача — во время штурма я и вовсе запамятовал о приставленном к нам афганце Саввари, который должен был опознать труп Амина и тем самым подтвердить его смерть. Этого Асадуллу пришлось маленько поискать — тот надежно и крепенько укрылся за броней, а потом, также маленько, чуть ли не волоком тащить его. Он сказал, что идти не может — ноги затекли. В результате Саввари с честью справился с поручением и с чувством выполненного долга сообщил — да, это он! Затем, осмелев, помчался агитировать плененных афганцев. Я не возражал. Мне приказано было сберечь Саввари до момента опознания, а как быть с ним дальше — забыли сказать. На сей счет указаний не последовало, и потому иди, Асадулла, увещевай. Я для порядка, как инструктировали, достал из нагрудного кармана фотографию Амина, сличил и буркнул окружающим в подтверждение — дескать, действительно

убит.

Все… И хотя еще где-то изредка постреливали, Владимир Салимович Шарипов с облегчением понял: свою задачу они выполнили. Осталось доложить о смерти диктатора, и он, пытливый и ответственный ротный старлей Шарипов, тронутый свинцом и не совсем тронутый увиденной смертью президента Амина, под взглядами офицеров похромал к выходу, отмахнувшись от предложения Коли Берлева «остаканиться за победу». Дошкандыбал к боевой машине, залез в десантное отделение, достал командирскую тангенту и с какой-то внутренней уверенностью, что это вот сейчас, наконец, и произойдет, еще раз попытался оживить замолкнувшую с началом боя радиостанцию. И чудо свершилось — ротному сразу же удалось связаться с начальником штаба. Ответил капитан Ашуров. За позывными и за простыми словами упорядоченной системы связи полились восторги упоительных рулад, развенчавшие режим секретности и наивные представления о лаконичности армейского языка во время боя. Так же была развенчана стойкая точка зрения о якобы несусветной матерщине при огневом общении на поле брани, когда солдату, орудующему штыком, как-то не совсем сподручно выказывать свою благовоспитанность и оглушать противника хорошими манерами, неукоснительно соблюдая этикет и шагу не ступив без реверанса.

А стрельба уже перекинулась в какие-то безопасные дали, и становилось ясно — всем на сегодня надоело воевать, они устали пулять друг в друга, хотелось хотя бы пристойного затишья и возможности безмятежно сходить по малой нужде, не боясь оказаться простреленным. Прихрамывая, Шарипов снова пошел к зданию, а тут подошла на скоростях, до неприличия нетронутая боем и БМП командира резервной группы старшего лейтенанта Намозова Ниезитдина. Из нее чинно выдавились, кряхтя, отцы-командиры — Холбаев и Колесник. С ними и Дроздов. Шарипов принял строевую стойку и приложил руку к козырьку. Пережив свой первый час войны и настоящий огневой бой, ударенный пулей, в крови и поту, не думая об «историзме момента», старлей пафосно доложил: «Задача по ликвидации президента государства Афганистан Хафизуллы Амина выполнена».

«Я-то думал, что Холбаев меня прервет. А он встал навытяжку, тоже руку к головному убору, и так весь доклад выслушал. И еще к вопросам перешел. Стоять у здания было небезопасно, постреливали. Колесник ситуацию понял, говорит: „Зайдите в здание. Опасно здесь“. Василий Васильевич распорядился убитых и раненых забирать — и в расположение. Дал команду похоронить Амина. Старшим поставил на это дело

подвернувшегося некстати капитана Сатарова. Анвар был легко ранен в живот — для замполита важно, чтоб не в голову, — но приказ выполнил: всех указанных лиц захоронил. Я оставил за себя командовать ротой старшего лейтенанта Эгамбердыева, а меня увезли в медпункт…»

Такое своеобразное интервью я взял у Володи Шарипова в восемьдесят втором году в Джалалабаде под его фирменное блюдо — «яичница по-спецназовски». В оцинкованную коробку из-под патронов вбивается решетка яиц, штук тридцать, а сверху две — а еще лучше три — банки свежей зернистой красной икры. Под эту самую «яишенку» и непременно сопутствующее ей горячительное, контрабандно доставленное из Союза Толиком Бачуриным, Володя сказал мне с грустью: «Спрашиваете, как я снова попал в Афганистан? Я уже был в должности заместителя командира отряда, когда мне предложили сюда комбатом. Отказываться не привык — дал согласие. Иногда мне сдается, что нас по второму кругу не случайно пустили. Ну, это так — бредни, да и ну его. Давайте лучше пить, нам завтра опять в рейд — кровь месить да тюбетейки „духам“ рвать выстрелом в упор. А может, и они нас в упор или ножом по горлу — отрежут яйца и развесят по столбам. Это у них запросто, в порядке вещей, в тепленьком согласьице с законом шариата и в трепетном осознании гордого поступка настоящего мужчины, отрезавшего башку заклятому врагу. Вот так-то… А ведь трезвенники они великие, сукины дети. Голову человеку отсечь, живот вспороть для них — раз плюнуть. А вот вино пригубить — не сметь, страх ими овладевает, робость находит. Так что давай, кадет, со свиданьицем, и употребим до чрезмерного за всех непьющих „мусульмооон“. Бог его знает, свидимся ли еще когда, после второго-то круга».

Хотел возразить ему, сказать — не домысливай, чушь заселилась в твоей башке. Но чуялась правда, и я смолчал, не возразил…

Печаль рассказа мы благополучно топили в вине с Володей, его тезкой Володей Крипченко, Толей Бачуриным, радуясь солнцу Востока и задорному, наглому чувству-вызову: «А мы еще живы!» Глаз ласкала эвкалиптовая роща Джалалабада, около которой стала бивуаком 66-я омсбр и в которой осваивался комбат капитан Шарипов, новоиспеченный командир десантно-штурмового хозяйства. Слух ласкал уютно мурлыкающий трофейный самовар. Возле него хозяйничала пышная экзальтированная Наташка — служащая Советской армии и завтрашняя чья-то жена, боевая, а не походно-полевая подруга.

Удлинялись тени эвкалиптов, посаженных когда-то давно нашим соотечественником Хохловым, русским дипломатом. Этот

удивительный человек стоял у истоков нашей дружбы с афганцами. И деревья высадил, чтобы с «другом и братом» мусульманином, укрывшись в тени их крон, насладиться за пиалой душистого чая витиеватой беседой о поэзии Востока и происках англичан… Столетия смешали и нравы, и обычаи, и традиции. Нас принуждали являться в дома в запредельных просторах, срывать запоры и врываться без спроса. И те, кто приходил, и те, кто повелевал идти, не знали традиций народов и тонкой вязи трепетной строфы Востока, так никогда и не поняв, для чего деревья тянутся к солнцу и вырастают большими.

Русский посланник пришел в чужеземный край и высадил рощу. Не для того, чтобы под росными кипами пили водку советские солдаты и видели в огромных, неохватных стволах их лишь одну отраду — надежную защиту от пуль… Убежище войны…

3

«Амина вытаскивал из-под бара и заворачивал в штору замполит моей роты лейтенант Абдуллаев Рашид Игамбердыевич. А отвозили и хоронили они уже с капитаном Сатаровым Анваром Саттаровичем — заместителем командира отряда по политической части, — напишет мне Володя Шарипов. И добавит, с хорошим привкусом иронии, веселя душу: — Так уважительно, по имени и отчеству, по званию и должности, называю офицеров, ибо… Такие вещи доверяют только замполитам».

Рашид Абдуллаев рассказывал без сарказма и, признаюсь, подкупил меня своей зрелостью и прекрасной душой. В Ташкенте, в гостинице «Узбекистан», в искусственном декоративном саду цвел настоящий миндаль. На весеннем сквозняке полоскался в ласке тепла тюль на окнах. Слушаю за зеленым кок-чаем Рашида и уже ненавижу шторы.

«Под конец всего, когда мне поручили это мерзкое и противное для меня дело, я увидел лежащую на полу женщину — оказалось, как сказал афганский военврач, жена министра культуры Шенафи. Смерть никак не повлияла на поразительную красоту женщины, и тем свирепее была боль при виде проступившей яркой крови на ее бирюзовом платье, даже бриллиантовое колье было испачкано загустевающими прямо на глазах следами крови. Тут же, рядом, лежал распростершись старший сын Амина. Чуть поодаль от него — еще одна недвижная фигура. Присмотрелся — женщина. А чуть поодаль — еще и еще разметанные тела.

А чуть сбоку, касаясь изможденного тела отца сжатым кулачком, подобрав под себя голенастую, с вострой коленкой ножку, заснул вечным сном маленький мальчуган, милая пташка, которая уже никогда больше своим щебетом не возвестит утреннюю побудку домочадцам. Его уткнули лицом в пол, будто специально размазали по полу, нисколько не беспокоясь о бесчувственном тельце. Наверное, он, сын, мешал убивать отца, и его грубо отбросили от вожделенного тела. А может, изначально, торопясь и суетясь, в упор гвоздили по всем бездыханным, и еще раз убили малыша на груди отца, а потом только отстранили, давая доступ к трупу лидера и его опознанию.

Амин лежал тут же, обращенный лицом вверх, с незакрытыми, еще увлажненными глазами. Возлежал в окружении нескольких гвардейцев, своих мертвых детей, двух плачущих раненых дочерей и жены — откричавшей свое в первые минуты потрясения и горя и сейчас слепо смотрящей перед собой в пустоту. Она никого не замечала, ни на что не реагировала, только встрепенулась и пронзительно вскрикнула, когда мы с солдатами собрались забирать тело Амина. Она увидела то, что ей, уверен, не следовало видеть. Я и мой солдат (рядовой Эшанкулов. — *Э. Б.*) взяли труп за руки и попытались его подтащить. При этом левая рука, за которую взялся я, оторвалась. Плечо было просто разворочено. Мне запомнились золотые часы „Сейко“ на оторванной руке. Один из офицеров КГБ предложил мне взять часы себе на память в качестве трофея, но я отказался. Руку я бросил на тело, стараясь сделать так, чтобы этого не видели жена и дочери. Мы сняли одну из штор с окна — она была достаточно длинной, метров шесть, — и завернули в нее Амина. Я приказал солдатам (один из них рядовой Останов. — *Э. Б.*) сорвать еще шторы с окон и завернуть каждого из сыновей, которых мне указали двое из групп КГБ.

Я смотрел на мертвых без удовлетворенного чувства победителя, и мне казалось, что это мы источаем трупный запах…

В непроницаемом предрассветье мы с солдатами вынесли из дворца сначала убитого младшего сына Амина, потом старшего, тоже мертвого. Положили их рядышком. Комбат выделил нам в помощь прибывшую резервную группу Намозова — об этом побеспокоился замполит капитан Сатаров. С помощью шанцевого инструмента — лопат и ломов, снятых с машин, — с трудом, чертыхаясь и ярясь, выдолбили ямы и захоронили их вместе неподалеку. Тело их отца мы закопали в стороне, чуть подальше. Когда закончили всю эту мерзость, пошел докладывать. Ротный был ранен, комбата я не нашел, но встретил подполковника Швеца. Доложился и предложил ему пойти и проверить

выполнение задачи на местности. Он мне в ответ: не надо — всякое ведь в жизни бывает, а когда не знаешь, спишь спокойнее. Я ведь и по сей день никому не говорил о своей „почетной миссии“, а фамилии солдат поклялся под присягой не называть, и, извините, вам тоже не скажу, кто и где… Так что увольте…»

О теле Амина, развороченном выстрелами в упор, — полное молчание; а вот о трусбх его, якобы адидасовских, — прямо в восторженном взахлебе десятилетиями несут околесицу, повторяясь и повторяясь. Семьдесят девятый год! Кто тогда в Советском Союзе слышал о «Пуме», «Адидасе»? Все носили одежду от «Красного пролетария» или швейной фабрики «имени Розы Люксембург» — советский ширпотреб. Никто из профессионалов-убийц вообще не имел представления о моде. А тут, не зная, кстати, даже значения слова «кутюрье», по трусам определяли — «Адидас»! Умельцы этакие… закройщики и модельеры из Чирчика.

Наверное, прав Володя Шарипов, устав от наговоров, обронивший: «Э-э-э, понапишут ерунды всякой! Я как-то о себе прочитал в одной газете: мол, войдя в комнату, где лежал убитый Амин, я всадил в него автоматную очередь. Полный бред! Люди ведь прочитают, скажут: „Ладно, дворец штурмовал, но зачем было труп расстреливать?“ Или вот написали, что одной из рот „мусбата“ командовал будущий генерал Вострotин. Да не так это было: он командовал ротой десантников, которая была придана „мусульманскому батальону“, но в штате батальона рота не состояла. В людях запутались, а трусы фирменные запомнили. Кстати, на Амине были нормальные сатиновые трусы. И еще, кстати, неважно, для кого мужчина трусы надевает, важнее — для кого снимает…

В 2010 году Рустам Турсункулов, получивший „отпущение грехов“ на основании своей принадлежности к КГБ, по-чекистски мило заявит „иноземным“ журналистам: „Да, они погибли (Амин и двое его детей. — *Э. Б.*), их тела завернули в ковры, и солдаты, которые не участвовали в штурме, вместе с афганскими представителями похоронили их недалеко от Тадж-Бека“.

Их, троих, не убили, оказывается, они — „погибли“. Разницу улавливаете?.. И придали земле их тела люди с „чистыми руками“ и непорочными душами — „солдаты, которые не участвовали в штурме…“. И главное: „…вместе с афганскими представителями похоронили их недалеко от Тадж-Бека“. Благопристойно-то как — „похоронили“, да и не просто так, а „вместе с афганскими представителями“! И чего это Рустамходжа не добавил, что „представители“ составили траурный почетный караул, и — скорбели!..

Для правды много слов не нужно: либо да, либо нет. Сколь бы она ни была горька. Чего уж теперь изгаляться, трунить, зубоскалить, да еще и глумиться… Тем более что…

Тем более что шашлык из печени остывал, а Хабиб разжигался. И ладно бы от вина, а то ведь, как виделось мне, — от некой вины, неопределенной, невольной, охватившей его в воспоминаниях. Об этой встрече в Старом городе Ташкента я вам рассказывал. И мне рассказывал Хабибджан, многое, и это вот, замечательное:

— Доклад от Шарипова я принял по полной форме. И смех и грех: вокруг еще нет-нет да и постреливают, а мы, два красавца, навытяжку встали — воинский ритуал совершаем. И руководители тоже замерли по стойке „смирно“ — торжественность соблюдали, событие историческое почтили. Не помню, кто-то разумно предложил войти внутрь, чтобы не „светиться“ понапрасну у входа, не мозолить глаза снайперу противника. К месту и ко времени оказались мы во дворце — следующий акт „действа“ призошел с нашим обязательным участием. Байхамбаев вынырнул из ниоткуда — запыленный, чумазый, злой — и тоже с докладом полез. Уважил свое служебное происхождение и присутствующего генерала-кагэбэшника, с него, Дроздова, начал. Доклад какой-то странный вышел — вполголоса, с многозначительными „бэканиями“ и „мэканиями“, но поняли они друг друга. А тут и сотрудники КГБ подошли и увели в сторону своего генерала, а вместе с ним и нашего полковника Колесника. Недолго совещались, по рации кричали, слышно было — докладывали. Запомнилось, как прихрамывающий офицер открытым текстом кому-то рапортовал о том, что президента убили, и он подтверждает этот факт.

— Хабиб, — перебил я его. — Фамилию „прихрамывающего офицера“ можешь назвать по прошествии времени? — Грех было не проявить любопытство.

— Отчего же нет: Козлов — он и рапорт чинил. А вот кому — не скажу: фамилии не знаю, и знать не хотел, но „на сильный верх“ — это точно. Интуитивно ощущалась уважительная персона на том конце провода, видно было со стороны.

Подошли к Дроздову его одногруппники (хорошо, правда! — *Э. Б.),* предложили пройти нам на второй этаж — посмотреть на главу государства: тот или не тот Богу душу отдал. Колесник и Дроздов — в авангарде, мы — я, Анвар Сатаров и Махамоджон Байхамбаев — в арьергарде. Подвели к телу. Несколько в стороне — человек десять гражданских сбились стайкой, видно было — в горе они. Запомнил двух женщин — пожилую и молодую с маленьким ребенком на руках и раненого подростка. Рядом с

ними лежал труп мужчины, лицом вниз, в майке и трусах. Это был Хафизулла Амин. Подошли афганцы, которых мы таскали за собой, так сказать, „партийцы-патриоты“, будущие члены разного рода и покроя. Подтвердили: да — это Амин. Один из них пошел к женщинам и что-то там стал им плести. Думаю, непотребное, потому что одна в ответ так высказалась, что „активист“ быстренько ретировался, поджав хвост, и похромал, как побитая собака. Мы решили с Сатаровым, что телом Амина займется он. Мне подробно инструктировать замполита вообще-то некогда было — меня ожидал следующий, как неловко шутили друзья, „исторический акт“ и его подписание — акт о смерти Амина. Подписантами выступили: генерал Дроздов, те два афганца и я. А вот теперь, джан, давай выпьем и закусим — шашлык совсем остыл. Эй, Салих-джан, давай обнови — еще по пять палочек печенки, дорогой, и крови бычьей бутылочку. Якши…

— Хабиб, а почему не Колесник подписывал акт? — напоследок поинтересовался я.

— Да вопрос принципиально не стоял. Приняли где-то там, „в верхах“, решение, что подписывать будут три высокие стороны — участники операции по ликвидации президента Афганистана: представитель от КГБ, от отряда ГРУ и от „афганских официальных лиц“. Генерал-майор Дроздов был старшим над бойцами КГБ, я, майор Холбаев, — над „мусульманским батальоном“, а афганцы — это те, кто оказался в данный час событий под рукой у… Не скажу тебе: у кого под рукой, потому что не знаю, кто придумал „Акт о смерти диктатора“. А Колесник осуществлял общее руководство, и его функции не предусматривали „индивидуальной конкретики“ за вынос известного тела вперед ногами.

— Акт писали на месте? — Язвительная шпилька с моей стороны.

— А как же — на барной стойке, смахнув локтем кровищу жестокого тирана. — Ироничности в его ответе было больше, чем вина в стакане. — Акт этот нам из посольства привезли. Я не хочу сказать, что им занимались дипломаты; наверное, дело в пишущей машинке. И, наверное, у кагэбэшников печатная машинка поломалась. Так мне сказал, по крайней мере, Колесник: не о КГБ, а о посольстве. Что еще интересно: фамилии подписантов не проставляли в заготовке. Спросил у Колесника: почему отсутствуют фамилии, ведь мы, кто будет подписывать, осведомлены. Вижу, Василь Васильевич смутился изрядно, но справился с собой и произнес: „Скажешь тоже. А вдруг кого-то ранят или, не приведи Господь, убьют? Афганцы же будут в штурмующих машинах. Понимаешь?“ Что тут было не понять…»

Вот и я повторяюсь вслед Холбаеву: «Что тут было не понять…» Ничего не было случайным в убийстве Хафизуллы Амина. Он настолько был уже трупом со дня принятого решения членами Политбюро о его судьбе, что, зная единственно приемлемый исход и нисколько в том не сомневаясь, впрок запаслись «Актом о смерти». Тридцать лет отскакали из глубин истории, а об этом «Акте» — неизменно-устойчивый молчок. И вот что еще интересно: кто из присутствующих «подписантов» выступал в роли, скажем, того же прокурора или врача? Поясню. После приведения в исполнение смертного приговора, согласно законам и установлениям, действовавшим в СССР, наступал следующий порядок действий.

Итак, казнь состоялась. Врач фиксирует наступление биологической смерти. Прокурор, руководитель специальной группы (расстрельной команды), и врач подписывают заранее составленный акт. Этот акт является главным учетным и отчетным документом, на основании которого впоследствии делаются соответствующие справки для суда, вынесшего смертный приговор, и загса, для оформления свидетельства о смерти. Опять же, интересно, в нашем с Амином случае суд — это КГБ или Политбюро ЦК?

Акт о приведении в исполнение смертного приговора вместе с актом о захоронении, а также другими документами, относящимися к процедуре смертной казни, подшиваются к личному делу казненного и передаются на хранение в архив МВД. В нашем случае — в КГБ, это — вне всяких сомнений… Так в какой роли выступил их представитель, генерал Дроздов: прокурора или все же руководителя специальной группы — расстрельной команды?..

С майором Сатаровым я встретился после декабрьских «штурмовых событий» в Ашхабаде. Служил Анвар замполитом 163-го мотострелкового полка 61-й учебной дивизии. Мы его с редактором газеты майором Поваляевым Юрием Андреевичем атаковали вопросами. Юра брал интервью, я присутствовал, с нетерпением ожидая окончания этой извечной и скучнейшей канители. Юра Поваляев в журналистике был травленый волк, на интервью собаку съел, быстро свертел это дело и, закрывая с явным удовольствием блокнот, закончил на завлекательной ноте: дескать, не пора ли нам в Первый парк на бастурму — пастраму поглядеть? Да не мешало бы отведать пиво ашхабадское — вкусное, кстати.

А прок от него был немалый. Во время беседы Анвар постепенно в раж вошел и принялся вспоминать свое героическое прошлое. Сейчас представляю по памяти все, что касалось темы

некрополя для Амина и людей Аминовых, который по приказу наскоро соорудили наши бойцы.

— Захоронение приказал мне организовать комбат майор Холбаев. Офицер из КГБ еще раз уточнил у кого-то, можно ли нам забрать труп. Когда ему подтвердили это, мы вынесли тело Амина на площадку перед дворцом. Если быть точным, то выносом тела Амина занимался лейтенант Абдуллаев со своими солдатами. Все это оказалось нелегким делом, и я скумекал разделить обязанности. Уж коль снести тело со второго этажа было делом проблематичным, то последующая работа: выкопать ямы в мерзлой земле, в высокогорье, наковырять камней, насобирать, доставить — виделась мне сверхсложным деянием. По-быстрому никак не управишься — а для нас это было важным и главным: чтобы под покровом ночи закончить все. Поэтому я принял решение: со своим отделением «предаю земле» Амина, замполит третьей роты, лейтенант Абдуллаев, хоронит его детей, а командир взвода старший лейтенант Намозов — остальных, кого обнаружат в комнатах дворца. У Намозова я взял БМП. (По приказу Холбаева Намозов выделил в распоряжение Сатарова БМП № 40, в котором командиром экипажа был сержант Атаев. — *Э. Б.*) На месте захоронения я должен был установить камень, как ориентир, чтобы можно было потом найти тело. Мы загрузили труп в левое десантное отделение и двинулись на север, в сторону расположения отряда. Там, недалеко от казарм, вырыли яму и положили в нее Амина. Засыпали мерзлым грунтом, сверху накидали камней помельче, а на вершине холмика установили большой камень — ориентир.

Солдаты, естественно, проявили немалый интерес: кого хороним? Я им ответил, что это «местный партийный авторитет». Возвращаясь к дворцу, в темноте немного заплутали. Помог начштаба Ашуров: я вышел с ним на связь, он и вывел нас на нужную дорогу. Доложил по команде и поехал делать перевязку — вы знаете, что я был ранен. Думал, легко обойдется, но не вышло — пришлось все же в госпитале отлеживаться. Впоследствии никто и никогда не уточнял у меня ни о месте погребения Амина, ни о том, как выглядит ориентир — камень тот.

— Анвар, ты бы смог сейчас узнать могилу Амина? — спросил Юра Поваляев.

— Думаю — да. Хотя время прошло, но если пошарить тщательно, нашли бы.

— Как ты определил, в какой стороне Мекка? — в свою очередь поинтересовался я. Вопрос связан с тем, что по мусульманскому погребальному обряду, когда умершего кладут

на землю, голова его должна быть повернута в сторону Каабы, дома Аллаха, который находится в Мекке.

— Ничего мы не определяли и тело не омывали, могилу не поливали. Юрий Андреевич знает, что после первой горсти земли, брошенной в могилу, и прочтения аят из Корана могилу поливают водой.

Поваляев этого не знал — в Старом Осколе, откуда он родом, так не хоронят. И потом, когда много вяленой вырезки из говяжьего мяса, открытая веранда ресторана утопает в тенистом столетнем парке, когда рядом сидят друзья с открытыми сердцами, а над головой шелестят старые чинары, — ей-богу, не хочется думать ни о героизме, ни о смерти, ни о бренности тела, которое когда-то неизбежно обратится в прах…

Юра Поваляев не знал мусульманского погребального обряда, но Юрий Андреевич Поваляев, красивый, добрый, умный и непосредственный мужчина, знал толк в бастурме и разбирался в пиве.

— На рассвете, но это уже без меня, наши солдаты стали собирать погибших вокруг дворца и класть их в актовом зале. — Анвар Сатаров упрямо портил трапезу грустными воспоминаниями. — Приносили из кабинетов, из коридоров, даже из лифтов. Знаю, что наших погибших отправили в расположение отряда, а погибших афганцев стали вытаскивать из дворца и хоронить недалеко от него.

Вот этими, утренними трупами, занимался взводный командир, Ниезитдин Намозов — строевик. Оба замполита: и роты, Абдуллаев, и отряда, Сатаров, — под утро исчезли, когда Намозов только приступил. Начало 28 декабря старший лейтенант встречал в заботах нерадостных: «Я думал, с захоронением Амина и членов его семьи похоронная команда, в которую меня вовлекли, работу закончила. Оказалось — нет: замполит Абдуллаев приказал мне похоронить сначала сыновей, а потом и остальных, кого найдем и подберем. Я распорядился, и мои солдаты начали приносить убитых. В холле складывали. Среди них были и дети. Разное говорили о детишках: вроде они из семей министров и приближенных к Амину, да только кто мог знать доподлинно — так, брехали, языками чесали. Не знаю, кто они были — эти дети и взрослые. Двадцать пять человек лежали рядами — страшная шеренга, и мне было жалко их всех. Сам лично по необходимости пересчитывал каждого. Надо было прикинуть размеры могилы, вот и занялся математикой. Позже мои солдаты еще нашли несколько трупов, и мне приказали похоронить их. Всех. Я взял еще нескольких солдат из батальона. Приятно было — а отчего, не могу понять, — когда мои солдаты

нашли еле живого афганца. Мы его перенесли в левое крыло, где был организован медпункт, передали какой-то медсестре или врачу: женщине-афганке. Честно скажу, рад был уйти из дворца: там все бегали по залам, шныряли по темным углам: что-то хапали, подбирали, отдирали, выносили узлами. Мне даже показалось, что пьяные лазили повсюду. Наш особист, Байхамбаев, дважды меня предупредил, чтобы мы „ни-ни“ — не брали ничего. Никаких трофеев… Выкопали одну братскую могилу. Долго мы этим занимались, рассвет встретили в поту и ковырянии. Поднатужились, чтобы успеть до восхода солнца. Воды попили из фирменных бутылок, даже вино откуда-то появилось. Где солдаты его раздобыли — до сих пор не пойму. Мы тогда так измучались, что, если бы нас погнали в атаку, на одной злости и рейхстаг бы взяли — прикажи только. Я к тому о настроении говорю, что, когда появилась выпивка, я поначалу спохватился, Байхамбаева предостережения вспомнил. И тут же подумал про себя — да пошел бы ты, контрик, на… три буквы. Ты мне не указ, рожа самовлюбленная. Не уважали его у нас в батальоне. Сильно не любили. Мало того что служба его — дерьмо, так он еще и сам такой был — дерьмовый. А тогда выпили, прогнали усталость, перенесли в общую могилу убитых афганцев и закопали. Потом еще выпили. Вроде помянули их всех и нашего Шокира Сулайманова».

Далее продолжение рассказа Абдуллаева:

— И еще одно потрясение пережил я в ту ночь. Не захорони я деток, может, и обошлось бы. Шарипов попросил меня помочь дяде Жоре, нашему зампотылу, организовать отправку раненых и собрать тела погибших, если обнаружатся. Этим многие занимались у подъезда, и «комитетчики» — тоже. Не обратил бы внимание, но мои солдаты сказали, что это тот офицер-крикун, который призывал снизу документы спасать. Он как раз наклонился над своим бойцом, и мы услышали: «Титыч, я умираю! У меня сын, Андрюшка, позаботься о сыне!» Титыч ему отвечает, и жестко так, с покрикиванием: «Сашка, жить будешь! Не смей думать, я тебя вытащу, ты только держись!» И закрутился Голубев, закомандовал, чуть ли не собственными локтями порасталкивал сбившиеся в кучу у входа машины. Усадил раненых и сам повез. Впереди пока еще не траурной колонны уходила БМП командирская — Шарипова, она и вывозила своего командира, а с ним и нескольких раненых. Я подошел к механику-водителю и предупредил его, что он лично отвечает за то, чтобы командир роты как можно скорее попал в медпункт…

А позаботиться о сыне просил Саша Звезденков — сотрудник Первого главного управления КГБ. Если предположить, что его

начальником являлся Голубев, то Звезденков принадлежал к управлению внешней контрразведки. Проще — «особист» высокой категории, функции которого в конкретном случае сводились не к первошеренговому участию в атаке и уничтожению кого-либо или чего-либо, а к прозаичному отслеживанию «шалунов-чекистов», позволяющих себе «вольницу» на пороге смерти: мародерство на поле боя. Помимо этой задачи ставилась и другая: ненароком умыкнутое бойцом — то ли в лихорадке подвергнутой опасности, то ли по привычке — немедленно сдать в добровольном порядке. Заклинал Звезденков о сыне своем, убивая вместе со всеми другого сына пяти лет. И еще одного — постарше… Тряхнула меня тогда эта штука — для сына, ждущего вдалеке, его папу сейчас спасали… А другого папу минутами назад — убили. И сына его под горячую руку убили, и второго малыша, припавшего к телу отца, — тоже… Один отец молил позаботиться о своем ребенке, и вокруг него суетились, успокаивая и поддерживая, морально и физически. Другой же отец другого ребенка был лишен всякой надежды и даже права вопить о помощи, и не имел возможности спасти и защитить. Не себя — родное дитя!..

Вот и весь смысл! Вот главное в убиении Амина, когда попутно порешили всех и вся…

Не хочется проводить дурацких параллелей, но жизнь порой преподносит неожиданности разительные, может, и несправедливые, и уж точно — некорректные. К тому говорю, что закопали Амина, и место упокоения не означили. А минует два десятка лет, и один из тех, кто пришел убивать его — Алексей Баев, боец «Грома», — первым среди своих уйдет из жизни. Причем уйдет в прямом смысле слова: выйдет из дома, чтобы больше не вернуться. Пропал без вести ветеран. Предпринятые поиски не дали никаких результатов. О его могиле знает только Бог и те люди, которые совершили это преступление.

Другие уйдут вслед за ним. Но блаженны будут местом на погосте. В декабре 1997 года погиб полковник Анатолий Савельев, в декабре 1999-го «сгорел» Михаил Соболев, психологически так и не оправившийся от пережитого в Кабуле стресса. Нет и Николая Швачко, Владимира Филимонова, Юрия Изотова, подполковника Евгения Мазаева.

Неспроста сказано: блаженны будут местом на погосте. Уж хотя бы потому, что их, ушедших… шакалы не растаскают. Гадкие слова, правда! И ход мысли — премерзкий! Пощадите в осуждении — поясню цитатой, откуда тела и звери хищные. «Амин был завернут в ковер и зарыт километрах в десяти от Тадж-Бека, в горном ущелье. Координаты называть не стоит — вдруг искать будут. Хотя вряд ли что-нибудь найдут. Шакалы

давно все растаскали…» А теперь плюйтесь. Назову автора цитируемых строк: Юрий Дроздов. (Выдержка из его интервью газете «Спецназ России». Собеседник — Павел Евдокимов, год 2009-й.)

Такая вышла у нас беседа с бывшим замполитом роты Володи Шарипова Рашидом Абдуллаевым и замполитом батальона Анваром Сатаровым. Совесть велит нам не петь с чужого голоса, поэтому мне, и только мне принадлежат вышеизложенные умозаключения, и я в них не ссылаюсь на указания и пожелания моих собеседников. Уважая их точку зрения, я, в свою очередь, не изменяю своей. Поэтому говорю и буду повторяться многажды, черт знает во имя чего. Даже если всего один человек поймет меня — буду рад. А может, и счастлив по-настоящему. От того понимания, что наследили мы страшно-престрашно — и в доме том, и в истории, — жутковатеньким пополнили эпоху. Наша эпоха преимущественно есть эпоха лжи, хотя не скажешь, что другие эпохи человечества отличались большей справедливостью. Ложь вытекает из противоречий, из надуманной теории столкновения классов, борьбы за демократию, мнимой свободы, которую постигают за чужие деньги и недемократическими методами, из подавления личности обществом. Но бывают периоды, когда социальные противоречия принимают исключительную остроту, когда ложь поднимается над средним уровнем и приходит в соответствие с остротой социальных противоречий. Такова наша эпоха. Не думаю, что во всей человеческой истории можно найти что-нибудь, хотя бы в отдаленной степени похожее на ту гигантскую фабрику лжи, которая была организована и ежеминутно претворялась в жизнь большевиками и их последователями, говорившими в первом лице — «от имени народа и по поручению партии».

И что за дело этой «фабрике» до какого-то мальчугана из далекого Афганистана, убитого пулей советского солдата, когда их, детей, в том регионе, в тот самый день и час погибло от голода и болезней в тысячи раз больше? Кому есть дело до преступного, по своей сути, приказа штурмовать дом, в котором находились женщины и дети, судьба коих была неминуемо предрешена, ибо приказано жестко и неотвратимо: «Пленных не брать, никто не должен остаться в живых»? Кто вникает в патетику разглагольствований о храбрости и геройстве, когда боец вспоминает минувшие дни?

Это было, товарищи, это было, господа: в вихре канувших событий, как на дне чужого сна. Былое можно различить и сквозь время. Конечно, если память совестью чиста. И жизнь человека — ну, хотя бы капельку! — не во лжи. Беда приглушится,

притушится — всему на свете свой срок. Но неправда, что все проходит бесследно…

Глава седьмая
VAE VIKTORS! [1]

Потери личного состава вводимых войск к 31 декабря 1979 года составили: 86 человек, в том числе 10 офицеров; боевые потери: 70 солдат и 9 офицеров…

1

Неопрятно было вокруг — нечисто, наслежено, нагажено, скользко и липко. Воняло теплыми вскрытыми внутренностями, пороховой гарью, мочой. Сквозь дырку в перчатке, прикрыв большим пальцем ноздрю, громко отсморкался боец, скинул шлем на локтевой изгиб, и чудо-колпак болтался, как кабинка на карусели заезжего аттракциона. Хохотал звуками умалишенного и похвалялся, расхристанный, бойкий, шумливый…

В зале, у парадного подъезда, стаскивались и сходились раненые. Темень на выходе из дома топили фарами машин, оттого беззвучно шевелились огромные спины теней, согбенные под тяжестью переносимых тел и собственных ран и увечий. Их, доставляемых неловко и неискусно, пристраивали кому не лень и как попало: тяжелых грузили отдельно и в спешке, подгоняя друг друга и неумело причиняя при этом ненужную дикую боль. Для них бой еще продолжался. Окоп войны приковал, и они из него, незримого и воображаемого, никак не могли перебраться, выкарабкаться, выскочить и сбежать, окончательно освободиться от дурной взаправдашней, преследуемой их жуткой яви.

Чуть в стороне от суетливых помощников — «эвакуаторов попорченных тел», вдоль стен грузно и утомленно рассаживались те, кому повезло больше — не раненые. Их было так мало, что натуженные их силуэты мазками-пятнами сиротливо размазывались по белому полю у самых плинтусов, и своды залы оттого казались высоченными, а люди — запоздалыми мурашками во мгле потемок. Одни тяжеловесно оседали, лохматили нательное белье на груди в поисках первостатейного и такого вот сейчас потребного. Наконец извлекали из недр потаенных карманов табак и закуривали, наслаждаясь первой глубокой затяжкой. Другие, устало склонив головы, будто дремали, упивались пробуждающейся мыслью — жив я, жив остался…

Наши мальчишки и наши господа офицеры! Невольники

войны. В одночасье ставшие умудренными, как старики. И не с кем им было судьбой меняться — такая уж им выпала доля, так жребий пал. Такими они и покинут землю, каждый из них в свою пору. Мы им вослед, а кого еще при здравом уме, осыплем, станется, хулой… но все же не столько их, приуставших и обреченных стылой победой, а тех, кто их посылал и направлял на это неправое, богохульное, неугодное столкновение…

Воины скошенными зернами рассыпались по пахоте уже не пахотной обители, подперли ее стены и своды своими повинными могучими плечами, и каждый из них предстал как герой сказки из потемок… Во дворце… в одночасье переставшем быть дворцом. Не разметывали бойцы и не стлали желтую солому по полу, чтобы мягко себе постелить, а ощущение присутствия хлева все равно было. И им, участникам и соучастникам, не выйти из того заколдованного круга — лежа вповалку на полу, мужики постигали истину — как в одночасье дворцы превращаются в хлев…

В освобожденном от выстрелов и взрывов полузатишье вдруг душераздирающий крик взвился под потолками и колоннами. И снова этот холод меж лопаток — человек не может так визжать. Все оцепенели — в сознание вернулись звуки только что отошедшей войны, которые, казалось бы, навсегда ушли прочь, принося некоторое облегчение измученному, истерзанному бойцу, разомлевшему в окружении всего этого непотребного оскорбления и невыскабливаемой грязи. Руки невольно потянулись к автоматам. Из подвалов большого дома выскочил кот и стремглав пронесся прямиком через зал. Вздыбившаяся шерсть искрилась, в глазах — безумное стекло. Насмерть перепуганный бедолага, давая деру, промчался по ногам и животам раненых, попетлял между лужами крови и частоколом ног и вырвался на двор… Он еще загодя по-звериному учуял смерть хозяина и вчера растяжно и жалобно кликал, взывал, просился на колени, терся, заглядывая хозяину в глаза и удивляясь, почему без пяти минут покойник не хочет его понимать.

А теперь убежал куда-то кот ученый, породистый мартовский волокита… Оставив за собой клок шерстистого пушка на цапфе автомата убаюканного передышкой солдата, крепкое незлобливое его слово и — мороз по коже почти у всех.

С новой силой оповестил о себе афганец-охранник, исполосованный наискосок, — словно палашом по нему прошелся кавалерист-рубака, а не пулями сводили счеты. Он продолжал вопить и на хорошем русском просил его пристрелить. Помощь ему не оказывали — своих раненых было столько, что не успевали

обрабатывать и эвакуировать. А солдаты, настрелявшись за этот час на всю оставшуюся жизнь, устыдились у всех на виду достреливать его… Да и не было никому до него дела — вот только голосил бы тише. Не то чтобы наплевательски к нему отнеслись, нет — просто никак. Безучастно и с полным равнодушием.

Приехали «отцы-командиры» в расположение батальона и решили «отметить» успешное выполнение боевой задачи. По-полевому, по-фронтовому, так, чтобы много водки, много-много шумных и бестолковых разговоров, и чтобы одна корка хлеба на всю ватагу, да банка черной икры из посольских сусеков, да рукав суконной афганской шинели, что балахушой называется. Ан нет — не довелось по-окопному употребить. Уговорил Юрий Дроздов перебраться в посольство, в номера, под душ, под лакомства да разносолы некабачковые. Спустя годы генерал-майор Василий Васильевич Колесник вспоминал в Москве: «Впятером мы выпили шесть бутылок водки, а было такое впечатление, что будто и не пили вовсе. И нервное напряжение было настолько велико, что, хотя мы не спали, наверное, более двух суток, заснуть никто из нас никак не мог. Но, малость прикорнув перед официальным докладом и проснувшись, как-то особенно ясно, трезво и с ужасом понял, что я просто погибаю от этой жизни, и физически, и душевно. И что-то оно не так… Что-то мы наломали… Но об этом не надо писать — не время…» Но одну тайну все же выдал, назвал ударную застольную пятерку: Дроздов, Козлов, Швец, Холбаев и «ваш покорный слуга — полковник Колесник».

Василий Васильевич, оправившись от тех далеких ощущений беды, продолжал вспоминать, изредка поглядывая в сторону телефона — мы ожидали приятного приглашения: «А о том, как нас в ту ночь второй раз чуть не порешили, не слыхал? То-то же… внимай, пресса. После боя и „банкета накоротке за победу“ поехали мы с докладом на пункт управления. И скажу тебе, поехали с превеликим комфортом: на реквизированном у диктатора Амина „Мерседесе“, который, как ты понимаешь, ему в ту ночь уже и ненадобен был. Подъезжаем в темноте к зданию Генштаба. И вдруг из-за дерева решительно выныривает фигура нашего солдата-десантника, и он открывает огонь из ручного пулемета. Первые пули пришлись по земле перед машиной, следующая щедрая порция — по капоту. Машина заглохла. Кто-то сказал вслух: „Чуть выше, и погибли бы все так бездарно“.»

После громкой бранной тирады Швеца огонь прекратился. Выходим из машины навстречу подошедшему офицеру. Генерал Дроздов спрашивает: «Твой солдат?» Лейтенант-десантник молчит. «Спасибо, лейтенант, что не научил его метко

стрелять», — добавил Юрий Иванович.

Все мы — Дроздов, Козлов, Швец — пересели на бронетранспортер, на котором сзади ехал майор Холбаев, и благополучно добрались до места. Так что даже после такой вот катавасии, не говоря уже о прочем пережитом, сам Бог велел на грудь принять.

Эта замечательная фраза: «Спасибо, лейтенант, что не научил его стрелять», — обрела крылатость, кочует по воспоминаниям, будит память, людей и события. Меня лично этот пассаж, оброненный в ночи, подкупает квинтэссенцией «экспромта на пороге смерти». Если бы генерал так сымпровизировал, принимая ванну, — это одна суть, пусть и вкусная по содержанию, и остроумная. Но давайте отдадим должное уже не молодому человеку, утомленному последними днями каторжного напряжения, изведенному ответственностью, истерзанному реалиями только что закончившегося боя — все эти ощущения в минуту обстрела «десантурой» из-за угла все еще не выпускали его из своих цепких объятий. Состояние такое, что урони внук ненароком ложку за обедом — взрывом отзовется негромкое падение столового прибора: давление взлетит вверх, сердце стиснет, дыхание стеснит. Нелепо, но верно. И тяжко!.. А тут — на тебе! — едва оклемался, а в тебя, на расстоянии шага, — тра-та-та! Полоснули, влупили длинной пулеметной очередью, не целясь, но, как случается по закону подлости, — идеально попадая. Сызнова пережил генерал это нападение: смертишка так рядышком прошлась, дыханием коснулась — не опалив, по счастью. Не лейтенант ведь нападал — накинулись раздраженными осами слепорожденные пули. Говорят, что самый лучший экспромт — это хорошо подготовленный экспромт. Не хочу ошибиться, но импровизация Дроздова мне представляется прежде всего экспромтом мужества. А во вторую голову уже можно говорить о самообладании, выдержке, и прочая, и прочая, и прочая…

Какие мысли еще внушает «рандеву со смертью» Дроздова на пыльном перекрестке ночного Кабула? Когда подчиненные старшего лейтенанта Валерия Востротина (об этом в своем месте) увязли в засаде, готовясь отразить танки 7-й дивизии, им навстречу, вместо ожидаемых афганцев, неожиданно вышли наши славные десантники из 350-го полка. Численностью 3 БМД и взвод из артдивизиона (3 пушки Д-30). Вот что сделал Валерий: «Я выехал им навстречу и представился. Ими командовал, как выяснилось, старший лейтенант Солдатенко, с которым мы вместе учились в Рязанском училище. Он начал проверять на расстоянии, действительно ли я тот, за кого себя выдаю: стал

задавать вопросы, кто был командиром роты в училище и так далее. Когда все выяснил, подъехал, и мы с ним обнялись, немного поговорили. Ни он, ни я свои задачи не раскрывали. Он вышел на связь, доложил обстановку, утряс все вопросы с командиром. Мы попрощались, довольные, что разобрались и не наломали дров — впопыхах и сдуру не перестреляли своих. Солдатенко развернул свою группу, и они отъехали назад».

Смотрите, как просто сговорились два лейтенанта и не «наломали дров». Что помешало двум генералам (или очень многим генералам), знающим, в отличие от взводных командиров, ход планируемых мероприятий по операции «Байкал-79», договориться между собой? На языке военных: тех же командиров экипажей, отделений, взводов, рот — такая договоренность называется организацией взаимодействия. Такого рода соглашение за части и подразделения, за капитанов и лейтенантов, сержантов и рядовых, выставленных на острие атаки и невольно сведенных выполняемыми приказами в разных уголках Кабула: на улицах города, его перекрестках, на площадях, у ворот казарм и тюрем, во дворцах и глинобитных мазанках, — бесспорно, воспрепятствовало бы братоубийству. Поэтому и гневаюсь: черт вас дери, товарищи «лампасоносцы», неужели подобный сговор-взаимодействие организовать было так сложно?! Надо ли оканчивать академии, лет по тридцать корпеть на командных должностях в армии, чтобы догадаться выполнить элементарные вещи: навести пару сигналов для определения «свой — чужой», начертать пароль да застолбить его в мозгах налетчиков всех мастей и родов войск. Сделай так — ума и сметки для этого много не требуется, — глядишь, не пришлось бы потом генералам «экспромтить»…

А может, так оно и должно было получиться? На «героическое выступление» загоняли бойцов как раз те, кто по жизни сами выступили с моральной «партхозактивной» позиции. А будь по-иному, да впрямь по уму — стряслось бы чудо чудное, диво дивное: от черной коровки да белое молочко…

Еще поступило предложение плененного Джандада повидать, а потом махнули рукой — навидались, и — поехали прочь, восвояси. Попробовать отмыться, и — пить… Пить и еще раз пить… Водку.

2

На следующий день Холбаеву прикажут лично доставить командира бригады в штаб десантной дивизии.

Они сидели в десантном отделении БМП — два майора, два далеко уже не юных человека, волею судьбы оказавшихся в одной точке и в одно не лучшее для обоих время. Еще вчера Джандад, имея власть над Холбаевым, как над одним из подчиненных ему комбатов, проводил у шурави строевые смотры, откровенно изгаляясь, распекал командира за любую мелочь. Теперь же, согнув свое большое тело в тесноте машины, пытался «сагитировать» комбата: «Слушай, Хабиб-джан, если это в твоих силах, если не преступаешь принципы и охота есть, отпусти. Меня ведь убьют, не пощадят. И не за смерть Тараки сочтутся — не простят мне свидетельства их предательства и позора. А тебя только накажут. Только накажут. Подумай, и если сможешь решиться — дай мне волю, освободи».

Не было у Холбаева злости на Джандада. И мстить не за что, и какие-то счеты сводить причин не было. Будь вчерашнее уличной дракой, результатом свадебной гульбы, сказал бы просто, устало: «Ты иди себе, гуляй и догуливай, прочь отшагивай, не груби и не дерзи больше дядюшке».

Но уже качнулась, остановившись, боевая машина, и за броней послышались голоса… Джандад больше не просил. Он, из гордого племени, мог себе позволить проявление слабости только раз. Печальные глаза его отмеряли гулкую пустоту, и он, ушедший в себя, отстраненный от всего, сидел не поникшим отшельником, а был сосредоточен на какой-то своей думе. Не настолько горькой, чтобы погасить на устах усмешку.

— Пока солдаты твои, Хабиб-джан, не открыли запоры железных дверей этой машины, БМП-голубки — вы ведь так говорите о своих броневиках, — я скажу тебе на прощанье честное слово правоверного мусульманина. Ты ведь тоже наших кровей — партбилет ничего не меняет. Магометанин не предаст магометанина. Я ведь получил сообщение о ваших намерениях, но не поверил. Хотя, на всякий случай, провел рекогносцировку. Тогда еще ваш начальник разведки ко мне подъезжал. Не понравилось мне его присутствие, насторожило. Но своим сказал, как тебе сейчас говорю: «Магометанин не предаст магометанина». Ошибся я. Но и вы ошиблись. Много больше ошиблись, и я скажу тебе, почему. Я, конечно, не Сулейман Лайек (пуштунский поэт, издатель и главный редактор газеты «Парчам» — «Знамя». — *Э. Б.)*, но скажу тебе стихами — ты поймешь, мне сдается, ты умный. Эти строки сейчас пришли ко мне по дороге. Если бы ты меня отпустил, то не было бы и этой поэзии. Так что, ташакур — спасибо тебе, брат… послушай. И вели им, пожалуйста, пусть не стучат и не мешают — я много времени у тебя не займу: «Вы уже здесь, вчерашние наши братья, посланцы ночи, вонзившей в

спину нож, вы принесли нам сталинскую ночь. И теперь мы никогда — вы слышите, поднявшие руку на женщину-мать пуштуна и родину-мать афганцев, — не встретим вас с букетами цветов. Но благодарен мой народ и говорит: спасибо вам за поцелуи с привкусом горького миндаля и запахом клопа из привычного для вас нектара — коньяка. Но и достопамятен народ мой и говорит: благодарим вас, железные голуби мира — так вас назвали когда-то давно еще чехи, живите пока, и помните всегда — мы вас уже прокляли. Но этого мало: мы вам за муки и униженье — отомстим».

Вышли. Холбаев сдал плененного. За руку попрощались — ощущал Хабиб-джан: они оба не уносили ничего плохого личностного по отношению друг к другу. Просто дороги их вот здесь, на этом месте, разошлись, и дальше пошли они каждый своей. Холбаев, командир элиты — спецотряда ГРУ, улетит дослуживать свою службу военкомом района в Ташкенте. А позже, когда республика Узбекистан в одночасье станет державой, в гору пойдет. Джандад, командир элиты — гвардии, тернистой тропой пройдет до самого предела — плахи. С гордо поднятой головой примет смерть, и в тюрьме его пытками не сломят, и от этого, бесясь от непокорности его и несгибаемости, неистовствовать будут, и, наливаясь желчью, в исступлении лютом будут бить, изощренно мучить и тяжко пытать. Друзья пожелают помочь, но он отвергнет их предложение и достойно примет смерть, как и подобает пуштуну.

Я на этом месте прервусь, хочу спросить военного пенсионера, полковника Эгамбердыева (в декабре 79-го старший лейтенант, заместитель командира 3-й роты по технической части), действительно ли так было, как описано у одного исследователя афганской войны: «Взбешенный коварством Джандада, Бахадыр Эгамбердыев при аресте несколько раз ударил его по лицу. Надавали пинков под зад афганскому офицеру и солдаты. Они отомстили ему за то, что во время посещений „мусбата“ он вел себя высокомерно и, не зная, к чему придраться, заставлял спецназовцев мочиться сидя». Если он, офицер, ударил несколько раз по лицу другого офицера: плененного, попранного, и позволил солдатам, своим подчиненным, вершить холопскую расправу над покоренным офицером, пиная его ногами, тогда мне ясно: он, Эгамбердыев, — форменный советский офицер кырдым-бырдымского замеса.

А исследователю поясняю: уж коль мусульман собрали воедино, и готовили их нести охрану в условных шатрах, и на время встать под зеленые знамена Пророка, и в подчинении быть по роду службы у истовых правоверных магометан, то

бестолковым командирам следовало не материалы очередного съезда КПСС изучать, кичась своей принадлежностью к могуществу великой державы, а прилежно усваивать нравы, обычаи, традиции, обряды и этикет Востока. Вот тогда бы наш солдат-завоеватель не обмочил штаны, а главное — не оскорбил бы брата-мусульманина несоблюдением правил благопристойности, нарушив которые мусульманин не есть мусульманин. И делать «пи-пи», по нравам Востока, надо как раз вприсядку, а не под колесо машины. Что было позволено Васе Прауте в чистом афганском поле на виду дворца, то недопустимо для комсорга-лейтенанта Хусана Адыловича Зуфарова.

И обывателю растолкую пользу «процесса мочеиспускания вприсядку» на бытовом уровне: в таком положении предотвращается образование налета мочевого камня; вот почему у представителей магометанства практически не встречается простатита и вытекающих из него последствий, и, как результат, — долгая половая жизнь. Дело-то хорошее — а кто не жаждет этого «постельного долголетия», так чего по морде кулачищами-то стучать и лупить по носу до крови за уроки учтивости и физиологии тебе во благо?..

Не надо допытываться у меня, на чьей я стороне. Ни на чьей, когда касается этих двух офицеров разных армий. Советского офицера Хабибджана Холбаева я знаю по Чирчику, и наше знакомство с ним — шапочное. Афганского офицера Сарби Джандада я знаю по Одессе, мы учились на параллельных курсах в военном училище. В него была влюблена Таисия Николаевна — куратор нашего самодеятельного театра, а проще — драмкружка, терзалась, наверное, женщина, когда он уехал доучиваться в Рязань. И наше знакомство с ним тоже шапочное. Майору Джандаду сказали — убей Тараки, и он образцово исполнил приказ. Майору Холбаеву сказали — убей Амина, и он исполнил приказ так же образцово.

Холбаев чтим на своей родине — в Узбекистане — как национальный герой. Чтим на своей родине, в Афганистане, и Джандад. Он был врагом в том бою — для нас, советских… Задумайтесь и ужаснитесь: Сабри Джандад нам враг по одной-единственной причине, что является командиром подразделения и добросовестно исполняет долг, предписанный ему принятой присягой на служение и верность родине. Он — командир той воинской части и той страны, которая не находится в состоянии объявленной войны с Советским Союзом. А стало быть, о каких врагах вообще может идти речь? Он не вынашивал коварных планов нападения на присыпленных и больных и под покровом ночи не приказал убивать детей — советских солдат, а походя, и

женщин, и их младенцев. Тогда встает закономерный вопрос: так кто же кому враг? Джандад нам враг или это мы ему враги, преисполненные коварства подлецы? Враги его солдатам? Враги его народу? Что сказал «товарищ Сталин» о «товарище Гитлере», когда германские полчища, без объявления войны, вторглись на территорию СССР? Правильно, он очень плохо сказал об Адольфе… Пугающие аналогии, да? Возможно. А возразить мне, если по-честному и без зауми «квалифицированных поденщиков» от идеологии правящего класса, и нечем…

Для своих солдат, женщин и детей, он, майор Сабри Джандад, командир президентской гвардии, был спасителем, и благодарность их пожизненна и нетленна. Именно он, Джандад, заслышав первые выстрелы, лично переносил немощных детей с матерями в относительно надежное укрытие. Дочь министра, Наджиба, пережившая трагедию той ночи, в 2009-м рассказала, в каком состоянии они были в тот вечер налета и захвата: «Мне было одиннадцать, брату — двенадцать лет. А мама была беременна, на седьмом месяце. Нас в обед чем-то накормили, и мы не могли стоять на ногах. Я помню, как мама постаралась увести меня и моего брата и говорила: „Не засыпайте, я не смогу вас тащить“. Нас спрятали под лестницей…»

О наших же бойцах Наджиба высказывалась так, что повторять не хочется. И дело здесь не в личном мнении. Слова ее о нас — глас народа. Не выскрести из памяти людей ни благодарности к Сабри Джандаду, ни ненависти к нам…

Терзайте себя, если вам в охотку: за кого вы горой, кто из них вам любезен или любезней. Я же не спорщик здесь с вами. Давным-давно определился, после отслеженных трагических участей захваченных и превращенных в развалины изб и хатенок, домов и дворцов, крепостей и замков, фортеций и цитаделей, соборов и церквей, храмов духовности и храмов духа человека. Для себя я так определился: отдающий наказ — виноват, и презрен он! Если приказ тот, по сути, преступен и направлен против человечности…

В диком ущелье, стоя на камне-валуне у края бешеного потока кричащих горных вод (мы были на отдыхе с семьями в горах Чимгана), Хабибджан сказал: «Поэтический ряд джандадовых строчек, как последнее слово его перед казнью, я записал по памяти и сберегу их — правда, бог знает зачем. Есть в том какой-то справедливый резон и завет. Он мне давно открылся, и я им ни с кем не делюсь… А тогда что-то толкнуло меня, и я повернулся. И в ту же самую долю секунды обернулся Джандад. Мы оба горько усмехнулись и подняли в прощальном приветствии раскрытые руки. Я попросил десантников не

связывать Джандада. Сказал им: „Он — офицер, и дал слово чести, что не позволит себе попытку к бегству, а нам не предоставит удовольствия убить себя в спину. И потом, товарищ офицер-десантник, он — пуштун. Вам долго объяснять, что это такое и кто они, пуштуны. Я понимаю так, что времени у вас будет предостаточно все досконально изучить на этой земле, но молите Бога, чтобы он уберег вас от познания на собственном опыте и на своей шкуре мести пуштуна. И заклинаю Аллахом — не в бою с ними…“ Я мог позволить себе стоять очень долго и смотреть вслед удаляющейся группе — высокий, не сломленный афганский офицер и командир, и рядом наши солдаты — неряшливые, неупорядоченные бытом и мыслями, замотанные обстоятельствами, задроченные неопределенностью. Еще не начавшие войну, но со спины виделось — несчастные они какие-то, растерянные, и все у них невпопад, и фигуры их согбенные, охваченные уже печалью и горем.

Уводимый Джандад оказался в створе отдаленного минарета, напоминавшего стоящую с ношей на голове женщину. И ноша эта, споткнувшись, завалилась и низверглась с высоты вниз, и вот-вот, еще миг, еще мгновенье, и падет на Джандада, и „в садах парадиза“ станет на одного посетителя больше. Но этого Джандад еще не ведал, он гордо нес себя в… пустоту под названием „в никуда“… Все раздумываю и мозгую, ни с кем не делюсь, конечно, но думаю: а правильнее ли было его отпустить?..»

Амина сносили на погост, и родные не смели причитать. Джандада готовили к погосту, и в темнице ему подбирали ненаселенную камеру в глухом отдалении, откуда крики истязаемого не доносятся. Бояринова покрыли простыней, и врач выдохнул по-латыни что-то свое, но понятное всем…

3

Руководитель операции «Шторм» полковник Василий Колесник: «Посол Табеев одним из первых нас поздравил и доверительно сообщил, что готовятся представления к награждению, и он знает, что будет много высоких наград, включая Героев Советского Союза.»

Пророчество посла по поводу орденов подтвердится. Пока Андропов будет принимать мучительное решение о награждении своих людей-чекистов, уличенных в мародерстве, о чем стало известно членам ЦК и что на четыре месяца отсрочило подписание Указа, часть батальона «мусульман» подлежала расформированию. После оглашения (в закрытом режиме) Указа

«награды пойдут искать героев». А это: 283 человека — медали «За боевые заслуги» и «За отвагу», 7 — орден Ленина, 30 — Боевого Красного Знамени, 43 — Красной Звезды. Руководителю операции Василию Васильевичу Колеснику присвоят звание Героя, его заместителю подполковнику Олегу Ульяновичу Швецу вручат орден Боевого Красного Знамени. Уж из каких соображений руководство Главного разведуправления пойдет на поводу «испепеляющей честности» КГБ и последует их примеру, трудно сказать, но всем представленным к орденам снизили ранг награды на одну ступеньку. Не пощадили и представленных к званию Героя. В итоге в батальоне — семь орденов Ленина (майор Холбаев Хабибджан Таджибаевич, капитан Сахатов Мурад Таймасович — полковник Колесник представлял его лично к званию Героя Советского Союза, капитан Джамолов Ашур, старший лейтенант Байхамбаев Махамоджон Каримович, старший лейтенант Праута Василий Максимович, старший лейтенант Шарипов Владимир Салимович, лейтенант Турсункулов Рустамходжа Турдихуджаевич). И ни одной Золотой Звезды. В роте Шарипова: один орден Ленина, пять — Боевого Красного Знамени, двенадцать — Красной Звезды, медали…

И по поводу деликатного — мародерства — представилась возможность поговорить с офицерами батальона. Сошлюсь «на интервью» с Шариповым — с ним было меньше церемоний и недосказанностей.

Спрашиваю у Владимира Салимовича:

— А как квалифицировать трофеи и мародерство? Зачин, конечно, ясный: больной лейтенант — пьяный лейтенант, пьяный полковник — больной полковник. Но, однако?

— Скажу, чего никогда не скрывал. Случилась довольно неприглядная история, главную роль в которой сыграло тщеславие и болезненное самолюбие одного-единственного человека. В «мусбате» был секретарь партийной организации — старший лейтенант Рашидов Анвархон Ганеевич. Офицеры его откровенно недолюбливали, относились к нему с неприязнью — и не потому, что являлся парторгом; такой уж он был неприятный человек. 27 декабря непосредственно в боевых действиях не участвовал, но медалью его все же наградили. Партиец обиделся: вон, дескать, даже солдатам ордена дают, а я все же офицер! После штурма по дворцу прошлись люди из комитета госбезопасности и выпотрошили все сейфы и ящики в поисках важных документов. На пол вместе с бумагами летели и афганские деньги. Оказавшиеся рядом солдаты и офицеры набили этими экзотическими бумажками карманы, сами еще толком не зная, понадобятся они им или нет. Эти трофеи брали

все. Оказавшись в стороне от места событий, «партийный вожак» ничем разжиться не смог и, разволновавшись по этому поводу, попробовал выклянчить немного афгани у офицеров, вернувшихся из боя. Реакция оказалась довольно резкой: один из сослуживцев со злорадной улыбкой сжег на его глазах пачку денег… Парторг глубоко обиделся и написал рапорт с изложением «аморалки». Бумага попала куда надо и сработала как надо — пересмотрели представления, внесли коррективы в сторону «понижения мужества и проявленного героизма»… Передо мной, ничего, кроме сквозной дырки в левом бедре, из Афганистана не вывезшим, потом долго извинялись: «Ты уж прости, Володя! Мы совсем забыли, что тебя от дворца сразу в посольство отвезли с ранением. А так бы хоть один Герой Советского Союза в батальоне был. Э-эх!»

А квалификация такая, по моему разумению: офицеры и солдаты, взявшие себе в качестве трофея пистолет, висюльку с люстры, авторучку со стола, пару пачек бесхозных афгани из сейфа (но не кармана) — не самое страшное зло. Кто, например, осудит нашего начальника штаба отряда капитана Ашурова за его трофей? Абдулкасым тайно вывез в Советский Союз флаг, снятый нашими ребятами с купола дворца Тадж-Бек. Егоров и Кантария водружали знамя в 45-м над Рейхстагом, их внуки сшибали стяги с куполов резиденций… Зверством было бы убить кого-то за рубль, изнасиловать, стащить у трупа ботинки, подштанники и прочее. А как всё обратили в мародерство и раздули — особисты по-особому и раскрутили дело. Им только повод дай… даже не особый. Сделают как надо… Но! Прошу учесть главное — я говорю исключительно о своей роте. Что было у других, слышал, но даже комментировать не хочу…

Дневальные по отряду до глянца выскоблили полы в клубе. Прошлись еще и еще раз мокрой тряпкой. Распахнули навстречу весне засиженные мухами стекла окон. Спертый воздух нежилого помещения нехотя улетучивался по сквозняку, оставляя за собой все равно стойкое невыветриваемое осязание затхлости. Тлен проник во все щели; сырость поселилась здесь, в клубе, в котором солдаты почти никогда не заседали и редко смотрели фильмы, а чаще лазали по пескам и верблюжьей колючке полигонов, уходили на учения, в тылы условного врага и, подучившись, обретя опыт, отправлялись на настоящую войну.

Замполит Сатаров распорядился насчет скатерти на стол президиума. О графине с водой не помнит — был или не был таковой поставлен. Замполит волновался по причине ответственности за проводимое мероприятие, да и личные чувства наэлектризовывали.

«Дядя Жора» благодушествовал, пробовал на готовность мясо, салаты, требовал поперчить, досолить, придать остроты. Дважды пересчитал шампуры. Решил, что их явно мало, и послал гонца к соседям, через дорогу, — к зампотылу полка гражданской обороны. За ним прибежал посыльный, сказал, что надо идти — начальство приехало, и вот-вот начнут. Джурабой как раз припал к половнику снять пробу из котла, отмахнулся, и жирное пятно испачкало парадный китель: «Вечно ты, Хасан, под руку лезешь. Давай, бери лучше… Стой, сынок, ничего не бери — ты ведь тоже награжденный. Тогда — пойдем. Все герои, елки-палки, не на кого и кашу оставить», — бурчал добродушно майор, заместитель по тылу, на ходу присыпая солью жирную кляксу и нисколько не обескураживаясь этим вполне исцелимым «ранением».

Всех — и кто «Ленина» получил, и кто медаль «За отвагу» принял — единым махом окрестили «героической личностью» и украсили грудь правительственной наградой. За высоким забором, негласно, припрятанно, подале от людей и их восхищенных взглядов, без приглашения матерей и детей, отцов и мужей, почтили тихо-тихо, поторжествовали келейно. «Поставили на поток» без малого четыре сотни бойцов — и полдня хвалу воспевали. Не оглашая, по причине очереди, за что конкретно награжден боец — объявляли просто: за проявленные мужество и героизм. Когда это словосочетание повторено без счета, то и мужество награждаемого меркнет, и отвага бойца воспринимается заурядной обыденностью. А потом эта уже «разогнанная легенда» — упраздненный приказом отряд, — охорашивая непривычно насаженные знаки на кителях, которые не стесняли, но мешали быть в привычном состоянии, группками и поодиночке перейдут недалеко, в прилегающую рощу. Рассядутся мужики-товарищи-бойцы на лужайке, отгороженной от мира — а для того и посты выставят, — и скажут друг другу много-много теплого, верного, честного, правдивого, и понесут свои награды через жизнь, и себя унесут навсегда из этой рощицы, из этого коллектива — команды, чтобы никогда не встретиться. Так у них и сложится «боевое братство на века», которому они присягали под гомон птичьих свадеб, кипенье расцветшего соцветия урюка и не хрустальный перезвон чарок с неизменным тостом — за дружбу, и клятвенным заверением не забыть отряд свой, и помнить друг друга до гробовой доски… Они вместе никогда не встретятся и даже не будут об этом помышлять…

Солдатам организуют праздничный обед. Сварганят настоящий узбекский плов, наваристый, с избытком специй и огромными кусками мяса, напекут душистых лепешек, навалом

покроют столы редисом и молодой зеленью, и фруктами — яблоками, гранатами, курагой, хурмой с прошлогоднего урожая. Наварят компоты и заварят настоящий кок-чай из самого натурального зеленого чая № 95 Самаркандской развесочной фабрики — только Азия наша и знала, что это за аромат и какой это был в то время дефицит. И еще дежурный по отряду закроет глаза на повальное шастанье бойцов туда-сюда, за КПП и назад, и не станет проверять, что вносят бойцы.

В ближайшем магазине закончится вино. И водка. И знаменитое чимкентское пиво. Останется только «Жигулевское» с осевшим на дно бутылки осадком. Такое пойло герои не пьют…

4

Спустя четверть века нахожу Володьку Шарипова. Чувств не сдержать, и дело даже не во времени. Годами мучаюсь с рукописью, почитай, ежедневно говорю с ними, о которых кропаю, они у меня все из юности лейтенантской. Все одной масти и крови — кадеты. В памяти — какими вижу их на фотографиях. Боязно увидеться — а вдруг не такие они, какими представляются поныне? Боюсь разочарований. И в них, и в себе. Я свыкся с ними, своими героями из счастливых замшелых лет молодости. Больно было бы разочароваться, разрушить зыбкий, вымечтанный мир их удачливости и красивости. Забрасываю его вопросами, консультирую написанные куски, бужу его память, извиняюсь, что возвращаю туда, в тот декабрь. Получаю первый ответ: «Я после Кушки попал в Кызыл-Арват, потом в Чирчик, затем Афган, потом Академия, после Академии — Рига, потом — Гусев и Германия, в 1991-м вывел полк в Слоним (Белоруссия). У меня жена — Тамара, дочь — Лола, сын — Сергей, один внук и две внучки. Видишь, в семь строчек уложилась вся жизнь».

Пожалуйста, согласитесь, как могуче последнее — в семь строчек уложилась вся жизнь! Ничего не хочу добавить. За семью строчками, в которых уместилась офицерская судьба Володи, не всем предоставлена возможность прочитать недосказанное ротным легендарного «мусульманского батальона». Например, как предложили ему в 1992 году командование 201-й мотострелковой дивизией в родном Таджикистане. А в 1993 году — должность министра обороны Таджикистана, которую по причине отказа Шарипова «унаследовал» Александр Владимирович Шишлянников. Володя мог быть знаком с Александром по совместной службе в Кушке — Шишлянников в те времена командовал 4-й танковой ротой 24-го полка. Шарипов

даже не раздумывал и ответил отказом: участвовать в гражданской войне на родной земле — это не для него.

— Теперь уже все, здесь мне до конца быть, — невесело улыбается Владимир Салимович.

Невесело ему оттого, что там, в Душанбе, остались родные ему люди: мама, братья, сестра. Там похоронен его отец, полковник Салим Шарипов, человек, которым гордится Владимир и о котором говорит, избегая слова «был». На стене гостиной его квартиры — картина, на которой изображен штурм Тадж-Бека. Пламя в темноте, трассы пуль, снарядов, темные коробки БМП.

— Мои бойцы нарисовали. Взводному такую же подарили, только на его картине трупы лежат повсюду, даже из окон свешиваются. А я так не захотел. Ни к чему это.

Спустя двадцать пять лет я повторю свой вопрос Володе Шарипову: «Так кто убил Амина?» Ответ: «Амина никто персонально не убивал. У него было раздроблено плечо. Или „Шилка“, или граната»…

Военврач подполковник Велоят (с 1986 года генерал), видевший тела Амина, его сыновей и жены министра культуры, делавший перевязки дочерям, поправляя неумело наложенные бинты после «забот» бойцов КГБ, утверждал всегда и неизменно, что все они были поражены пулевыми ранениями. Об этом он упомянул в своем докладе на международном симпозиуме «Медицина катастроф», проходившем в Италии. А запустили «смерть диктатора от случайного попадания „Шилок“» по абсолютно понятным причинам: так легче доживать исполнителям отпущенный им век, и не так паскудны деяния других, заинтересованных лиц, — руководителей Комитета и его спецслужб. Можно списать «байку о гранате» и на охлажденное бесчувствие. «На погосте живучи, всех не оплачешь», а уж история моей страны XX века — погост обширнейший…

Я не поверю ему, Шарипову. Нисколько «не уличая и изобличая» Володю, не стал ему напоминать о нашем джалалабадском разговоре, когда я при нем записал в блокнот вот эти слова: «По разговорам могу только предполагать, но сам не видел. С уверенностью отвечу — не спецназ…» Но спасибо Володе. Так познается тайный смысл бытия. Кто-то несет грех, Шарипов — знание. Он, повязанный не круговой порукой, а корпоративным обетом, не может сказать правду и ответить мне, не посвященному, по-другому. Он не может пролить свет на то, что, по уговору, предано забвению и всякий раз раздражает вторжением праздно любопытствующих. Смысл удручающей правды удерживает от пояснений, и проявляющим настойчивость хочется дать беззлобно, но крепко по щеке, чтобы не сказать — по

морде. Рассказать правдиво — означает не просто потерять доверие своих товарищей, а много-много большее — быть исключенным из первого, элитарного, круга, и потерять самого себя. Условные, по образу и подобию, масонские ложи — что есть суть КГБ — не терпят пустоты признаний, не приемлют извержения семени истины без указки и благословления главы ложи. Они одни обладатели индульгенции на отпущение грехов и позволение кому бы то ни было изречь пустопорожнюю фразу о мнимой правде.

Секретность, которой они окутали свой кружок, эти оккультисты оправдывали нетерпимостью жестокого века, который обрушил бы на них гонения и злобу. Противостояние политических идей и классовых интересов смягчалось сентиментальными фразами и показной благотворительностью, не имевшей ничего общего с милосердием. Секретность оправдывали и психологией простолюдинов, коими, по их представлениям, есть весь, почитай что, народ, на поучении которого и основывался их идеализм, житейский и иррациональный одновременно. Благодеяния спецслужб обставлялись как можно более театрально и выстраивались с расчетом возбудить симпатию. Представление об этих душещипательных спектаклях как раз и дают афганские события, и штурм дворца в частности.

Под лозунгом филантропии — благотворительности финансовой и идеологической — во имя преуспеяния афганского народа выступали все: короли и аристократы, партийные бонзы и генералы, горожане и кустари, рабочие и философы… Впрочем, большинство из них довольствовалось красивыми жестами. Равенство для них исчерпывалось тем, что масоны, граф и рабочий сидели бок о бок в зале собраний «вольных каменщиков», носили одинаковые белые фартуки, пели одни и те же гимны и высказывали одни и те же идеи. Когда же собрание заканчивалось, граф возвращался к своей роскоши, а рабочий — к своей нужде. И он, рабочий, чудесненьким манером знал, что ему можно шустренько сказать, а о чем потребно смолчать…

Я не поверю Володе, и от этого мелкая бытовая печаль, как от чего-то не состоявшегося. Словно юность нашу лейтенантскую расплескали недоверием. Будто нужно солгать в зрелости, чтобы убедить себя самого, что жизнь не напрасно прожита. И что один из дней того устремленного в атаку жития и есть самый важный и главный, не схожий с днями миллионов обывателей, вяло коптящих небо и не посвященных в особую когорту. А потому удел их — хмельная брага и жалкое прозябание мещанина в вечном незнании или, в лучшем случае, дозированной правды.

Штурм окаянный — свят, чтим и значим, и во имя великого был претерплен, которым гордиться надлежит, а гордиться очень даже хочется. И внукам есть что передать в наследование — а потому и не сметь его умалять. Не сметь — никому…

Если есть свирепое желание и животрепещущая потребность что-то таить и упрятывать и делается это ради чего-то, то, стало быть, совесть не заснула вечным сном, а может статься, и грызет. Вот об этом я не спрошу у Володи, ответ мне известен наперед. Но довольствуюсь приятной для меня мыслью, что не предает он, Володька Шарипов, ордена своего, уютно уложенного в свою «масонскую ложу», — это тоже велико и редкостно сегодня…

Обязательно ли было убивать Хафизуллу Амина? События показали, что гарнизон Кабула приветствовал его устранение. На его защиту никто, кроме личной охраны и десантной бригады, не выступил. Наоборот, многие ликовали. Достаточно было изолировать его во дворце, блокировать правительственные учреждения, оповестить об избрании нового лидера, организовать его обращение к народу с перечислением злодеяний Амина. Но это возможно было сделать только в том случае, если бы на смену пришел известный политический или военный деятель, соратник Тараки и обязательно — хальковец! В ДРА на то время такой фигуры не было. Значит, в тот момент Амина трогать было нельзя. С вводом советских войск необходимость в этом отпадала — он не мог быть нелояльным к своим защитникам и оказывался в полной зависимости от них: в борьбе с внутренними врагами ему надеяться было больше не на кого. Амина все-таки решили убить. Но, в таком случае, нужно было повременить с исполнением этого замысла. Ведь что получилось! Для того чтобы как-то оправдать наше вторжение, прозвучало на весь мир наивное и нелепое объяснение: советские войска вошли в Афганистан не как агрессоры, а выполняя просьбу президента страны об оказании помощи и поддержки. И — тут же его, президента, уничтожили! На кого были рассчитаны заявления советского руководства? Дряхлое не только телесно, но и умственно, оно считало, что и все остальные люди находятся на таком же уровне мышления.

Самый ли лучший вариант ликвидации Амина был выбран? Поражаешься тому цинизму, дикой жестокости, тому презрению к общественному мнению и воззрениям подчиненных-исполнителей, которые были проявлены при разработке плана убийства президента и в ходе его выполнения. На государственном уровне применяется средневековый иезуитский метод устранения главы дружественного государства — используется яд сильного действия, а часом позже —

всеуничтожающий огонь из всего, что стреляет, и рвет, и крушит, и сеет смерть! При этом травится семья, дети, гости — десятки людей. А потом их всех без разбора добивают из раскаленных стволов автоматов, винтовок, гранатометов и пушек. Сблизи забрасывают гранатами…

Полковник Евгений Чернышев, строевой командир, очень образно показал нам своеобразный пример «одношеренгового строя»: «Давайте выстроим в одну шеренгу — с одной стороны, погибших и искалеченных в ходе операции советских офицеров, сержантов и солдат, афганских офицеров, сержантов, солдат, которые, в подавляющем большинстве, считали нас друзьями, жену Амина, его детишек. Шеренга будет состоять из нескольких сот человек. А с другой стороны поставим одного Амина. Медленно пройдем вдоль всей шеренги, каждому посмотрим внимательно в глаза и каждому скажем: „Напротив вас стоит человек, это президент страны Амин, его надо убить, но все вы при этом будете тоже убиты или искалечены. Как? Вы не против этого?“ Не дожидаясь ответа, виртуальным образом обратимся к их многочисленным родным, близким, друзьям с подобным вопросом. Потом спросим у членов советского руководства: „Ну, что, можно начинать?“ Дождавшись положительного ответа, добавим: „Товарищи члены Политбюро, непонятно, что произошло. В первой шеренге каким-то образом произошла замена людей. Вместо ранее стоявших в них детей рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции вдруг непостижимым образом оказались ваши сыновья, племянники, братья, близкие вам люди. Так что, можно начинать всех убивать и калечить? Выполнять поставленную вами задачу?“ Спросим у каждого: „Для того, чтобы убить Амина, сколькими близкими вы готовы пожертвовать?“ Спросим у генерал-лейтенанта Иванова Бориса Семеновича — главного от КГБ в Афганистане, готов ли он отдать свою жизнь или быть искалеченным в обмен на жизнь Амина? Можно ли сомневаться в том, какие ответы во всех случаях будут даны…»

Зачем было штурмовать дворец? Хотелось подправить свое, чекистское, пошатнувшееся после целой серии неудач реноме, то бишь репутацию без репутации в своем народе и во всем мире? Заявить о своей большой заслуге перед партией и государством? Восславить себя таким жутким образом? Усладиться старческим генсековским, невнятно произнесенным: «Спасибо, гээнрал»?.. И поцелуем — взасос?!

Черт их всех знает! Одно понятно: убийство Амина — это самая дорого оплаченная смерть человека во всей истории человечества.

Глава восьмая
В НАДЕЖДЕ СВЕТЛОЙ ПОКАЯНЬЯ

При проведении операции по взятию дворца и уничтожению Амина погиб один боец 154-го ооСпН ГРУ из взвода связи. Семь, из них трое из роты Шарипова, найдут свою смерть в других пределах и днях — четверых накрыли артогнем наши же десантники и поранили больше десяти. Несправедливо погибнут ребята. Получили ранения разной степени тяжести 36 человек. (Есть другие цифры раненых, но они «от фонаря».) 9-я рота Вострогина потеряла трех солдат. Группы КГБ потеряли убитыми пять бойцов. Ранения разной степени тяжести получили 34 бойца, а не 17, как озвучивает, подчищая статистику в сторону «мы — непревзойденные красавцы», генерал-майор Дроздов. Тридцать четыре — это больше половины рванувших вершить казнь над Амином без суда и следствия, по приказу и в нарушение всех правил ведения войны. Человеческий разум цепенеет от подобных преступных решений. Не потому ли так много изыскано в истории захвата дворца аргументов в «пользу аминовских гвардейцев»: и силы неравные, и они прекрасно обучены (как же — у нас прошли школу мужества!), и слепо преданные, и при оружии знатном, и при каждом арсенал гранат, патронов и… еще там чего у них поимелось в загашниках?

Что ж вы, товарищи генералы! Молчите — ни звука, ни мур-мур. И остальные товарищи — разработчики «штурма бастиона» — безмолвствуют. «Бранные тихони» играют в молчанку. Ну-ну, полноте!.. Это армейский полковник мог возразить маршалу и настоять на своем решении, а генерал-чекист, даже набравшись духу, черта с два заперечил бы генерал-полковнику Андропову. Разницу-то улавливаете, господа?..

1

О чем свидетельствует все вышеизложенное? В умах полководцев роилось одно, в рассудках руководителей родилось другое, в планах на бумаге отразилось третье, в постановке задач подчиненным заключалось четвертое. И в теории все выглядело гладко и славно — по своему обыкновению: «Гладко вписано в бумаги, да забыли про овраги…». На практике же у нас есть пятое, а все предыдущее обернулось заурядностью, не блещущей оригинальностью: никакого тесного взаимодействия, никаких

обстоятельных опознавательных сигналов «свой — чужой», никакого конкретного руководства из штаба в Кабуле непосредственно в самом процессе операции, полное незнание обстановки на местах. Все подчинялось одной-единственной цели — уничтожить Амина. И любые средства для этой цели были хороши и приемлемы. Даже в ущерб себе, в урон нашему солдату. Как это определяется? Непозволительные небрежность и бестолковость, которые вначале скрывали, упиваясь «пирровой победой», а потом приневолили тех, кого это касалось, хорошенько позабыть. В отряде ГРУ в том бою, я имею в виду дворец Амина, раненых было тридцать шесть и один убитый — Сулайманов Шокиржон Султанович. В роте Шарипова во время штурма потерь не было, но 28 декабря погибли его подчиненные: младший сержант Шербеков Миркасым Абдрашимович, рядовые Хусанов Сабирджон Камилович и Курбанов Ходжанепес. Во 2-й роте старшего лейтенанта Амангельдыева — ефрейтор Мамаджанов Абдунаби Гайджанович, рядовые Богодиров Абдумумин Абдунабиевич, Расульметов Курмантай Мурадович. 6 января в результате небрежного обращения с оружием (с «Мухой» возился) погиб «медбрат» рядовой Мадияров Зиябиддин Гиясиддинович. Как мне рассказывал полковник Владимир Турбуланов, заместитель командира бригады по тылу и он же «ответственный за тела убитых и раненых бойцов», напрасно кто-то ссылается на его «показания» — мол, во время штурма Тадж-Бека погибло шесть «мусульман». Создается впечатление: кому-то очень хочется, чтобы спецназовцев ГРУ пропало как можно больше.

— Нетушки, — изрек со злостью полковник и отложил в сторону телефонную трубку, хотя вот уже битый час как намеревался дозвониться до комбрига Груздева, — при налете на резиденцию погиб один — Сулайманов. Другие его товарищи погибали в последующие дни. А ошибочка закралась потому, что тела погибших доставлялись одним рейсом, кроме последнего — фамилию подзабыл, но помню, что он был санинструктором. И еще. Когда мы в сотый раз переписывали наградные листы, возвращаемые нам то из Ташкента, то из Москвы, и затушевывали, по требованию вышестоящих начальников, события той ночи Кабула; то, например, позорное столкновение с десантниками Витебской дивизии на следующий день, в результате которого у нас погибли пять солдат, завуалировали под серьезный бой с супостатом, что спрятался во дворце, и на него же, вражину, «списали» грех десантников. Злокозненно и неправо «умертвив наших солдат на пороге дворца», мы таким дрянным образом, во-первых, утекли от всесветного позора

(русские перестреляли друг друга), и, во-вторых, «огероичили» своих ребят, придав их гибели благородный оттенок боевых заправских действий. Никто не был против, кому-то сильно все это было на руку, а кого-то поощрили за находчивость, сообразительность и проявленную смекалку.

А погибнут ребята-«мусульмане» действительно несправедливо и глупо. Пропали ни за понюшку табаку — не по своей вине. Еще не отдышавшись после ночного штурма и не осознав перста судьбы — живы остались, попав под обстрел артиллерии 103-й дивизии, погибнут по вине «отцов-командиров» (чужих, заметьте), не сумевших адекватно отреагировать на внезапно возникшую ситуацию. Погибнут именно в силу расхлябанности, когда с наскоку, в запарке триумфа, что «все закончилось благополучно»: Амину — аминь, он уничтожен, и главная задача выполнена, не станут кумекать местечковые полководцы отдаленнее «снятия дьявольского напряжения спиртным» и атаки на тела женщин, у кого те оказались в то утро под рукой.

Поясню читателям, коль было упомянуто, что есть нарушение правил ведения войны, определенных Женевскими конвенциями. Это четыре многосторонних международных соглашения, заключенных в Женеве в разное время (1864, 1906, 1929, 1949 гг.). Они устанавливают «гуманные правила ведения войны» и касаются раненых и больных бойцов на поле боя, поведения вооруженных сил на поле боя и на море, защиты гражданского населения в местах военных действий и на оккупированных территориях, а также предполагают жесткие меры против лиц, виновных в совершении военных преступлений.

По условиям Конвенций, особам, непосредственно не участвующим в военных действиях, а также выведенным из строя вследствие болезни (***наш случай*** — массовое отравление во дворце), ранения, взятия в плен или любой другой причины, должны быть гарантированы уважение и защита от последствий войны. Сторонам, участвующим в конфликте, и комбатантам (лица, входящие в состав вооруженных сил воюющих государств и принимающие участие в военных действиях) вменяется в обязанность воздержаться от нападения на гражданское население (***наш случай***) и гражданские объекты (***наш случай***), а также проводить свои военные операции в соответствии с общепринятыми правилами и законами гуманности (***наш случай***). По правилам и законам ведения войны запрещены: убийства некомбатантов (***наш случай***), пытки (***наш случай***), угрозы их жизни и здоровью (***наш случай***), казни без суда (***очень наш случай***), применение определенных видов оружия по невоенным

объектам (***наш случай***) и мирному населению (***наш случай***). И еще раз ***наш случай*** — «Шилки» именно то оружие, которое запрещено конвенцией к использованию в городе против мирных жителей, не являющихся активными участниками боевых действий и не предупрежденных о применении Василием Праутой всех стволов зенитных орудий бесовской силы и разрушительности, долбивших по приказу стены и окна дома, за которыми находились ничего не подозревавшие женщины и дети, тщетно пытавшиеся укрыться и защититься от сокрушительного огня возбраненного средства поражения.

Женевские конвенции, к которым Россия, кстати, присоединилась еще в 1906 году, так далеко ушли во времени, что наши генералы, надо полагать, о правилах ведения войны просто-напросто хорошенько позабыли и попросту наплевали… Хотя уповать на давность грешно — в 1305 году слушалось, вероятно, первое в истории Западной Европы судебное дело, связанное с жестоким обращением с мирным населением. Тогда английский суд приговорил к смерти Уильяма Уолласа, национального лидера Шотландии, за убийства мирных жителей. А в 1625 году голландский юрист, «отец международного права» Гуго Гроций опубликовал трактат «О законе войны и мира», в котором формулировал правила гуманного обращения с мирным населением…

Чем в конечном счете обернулся этот штурм для самого Афганистана и для Советского Союза — известно: ввод войск в Афганистан был предпринят главным образом для устранения Амина и создания условий для замены его более прогрессивным лидером, каким считался на то время Бабрак Кармаль. Понесенные жертвы при штурме дворца Амина и в ходе всей войны оказались напрасными. Ставка на Кармаля, сделанная нашими спецслужбами и — под их воздействием — международным отделом ЦК КПСС, была грубой, непоправимой ошибкой, которая привела к трагическим последствиям. В конечном счете Апрельская революция потерпела поражение… Афганистан, даже по прошествии времени, если излагать честно, правдиво, по совести, — тема не столь больная, сколь болезненная, и, как я понимаю, пройдя в воспоминаниях тропами войны, — разрушительная, неблагодарная, коварная, несущая обиду всем и вся. Сколь ни ублажай себя мыслью о стремлении сказать правду о тех событиях, все едино обречен на нарекания и проклятия героев тех дней, равно и как и антигероев. Все давным-давно устоялось; те, кому повезло выжить и выцарапаться из окопов той войны, радостно маршируют в строю под свою музыку, взбадривают пионеров одноразовыми (15 февраля)

воспоминаниями героизма, по команде воздавая вялую хвалу бессмысленной жестокости и отвратительному нонсенсу того, что объединяется под словом «патриотизм».

Возможно, я бесталанен; возможно, слабо аргументирован; возможно, вовсе не психолог, не сердцевед, не тонкий и не вдумчивый наблюдатель и знаток человеческой натуры и его душевных переживаний, раз не способен донести: патриотизм определяется мерой стыда, который человек испытывает за преступления, совершенные от имени его народа. Я бываю в глупейшей растерянности, когда вижу недопонимание моих оппонентов в вопросах свирепой добродетели (патриотизма!), из-за которой пролито вдесятеро больше крови, чем от всех пороков, вместе взятых, и которая, в сущности, — это готовность убивать и быть убитым по пошлым причинам. Встречи и признания участников и очевидцев оставались заметками в глубине памяти, ворошили сознание. Их было немало, и не все можно пересказать подробно — необъятной получится рукопись. А потому сокращаю, насколько возможно ужаться в воспоминаниях, больных и снящихся, но, убеждаю себя, все-таки нужных. Во всяком случае, надежду робкую питаю… И на суд публичный не тороплюсь выставляться, мне обывательское мнение ни к чему, оно мне безразлично. Все прожитое и пережитое ношу с собой и в себе, не всегда готов распахнуть душу и запустить кого бы то ни было в эти выстраданные и светлые глубины своих прошлых лет. Не уверен, что взгляд обывателя способен разглядеть прекрасное и способен не то чтобы сострадать, а даже просто понять. Уж лучше выпить водки наедине и забыться в памяти, чем что-то втемяшивать в необразованную голову, в которой бродит опара из жалких и убогих представлений о достоинстве, чести, благородстве. Все так, да и не совсем так просто. Василий Григорьевич Ян, известный писатель, сам себе когда-то возразил и меня надоумил. Им писано: «Человек же, испытавший потрясающие события и умолчавший о них, похож на скупого, который, завернув плащом драгоценности, закапывает их в пустынном месте, когда холодная рука смерти уже касается его головы»… Может быть, и надо достать из долгих ящиков письменного стола труд свой и вынести его на читательский суд. Даже если и на осуждение и порицание в непатриотизме и прочая.

Ведь почему тайны кому-то надо делать не тайными? И как-то все бочком, кокетливо-стыдливо, с привкусом бравады или, напротив, — с ковбойской разухабистостью, подавая повод усомниться, насколько наездник интеллектуальнее собственной лошади. Вот до какой степени углубился в себя и в пережитое

прошлое офицера госбезопасности («КГБ и спецназ выходят на „тропу войны“». Альманах «Армия», 1993 год): «Орали мы со страху ужасно. Действия внутри дворца я помню смутно, как в кошмарном сне, двигался чисто механически. Если из комнаты не выходили с поднятыми руками, мы вышибали дверь, бросали гранату и били, не глядя, очередями». Это мы, в общем-то, уже знаем, но «орать со страху… помнить смутно… двигаться механически» — есть как раз таки наглядные образцы недостаточной морально-психологической подготовки личного состава. Нет ничего обидного для человека, который, может быть, подвержен подобным чувствам и даже систематически обуреваем ими. Такому желательно служить бухгалтером или артистом ритуальных услуг, заниматься домашним хозяйством, столярничать, работать кондуктором трамвая или техником по племенному делу, трудиться ученым секретарем или съемщиком резиновых изделий; наконец, лодырничать в должности бренд-менеджера колбасного цеха или сидеть на печи. Не возбраняется руководить и Министерством обороны (если лицо гражданское в воинском звании «сержант запаса»). Но не в бой идти и тем более вести за собой подчиненных. А представьте себе картину: верхний этаж дворца — это семейные покои. В комнатах по углам, оцепенелые от страха, попрятались домочадцы и прислуга. Стрельба и разрывы — поле боя. Топот сапог, опять стрельба, взрыв гранаты, дым, гарь, и — грохот от ударов прикладами в двери, крики на чужом языке — ни одного понятного слова. Поставьте себя на место обмерших в комнатах: как себя повести, что делать? Да ничегошеньки вы не успеете и не сообразите, потому что — взрыв гранаты, и — автоматный огонь очередями с двух-трех стволов… Неприцельная, но нацеленная прямо в вас…

При больших потерях естественным было желание припудрить эпизоды штурма в целом. Ухитрялись на ровном месте сотворить кумиров и родить героику. По сей день гуляет в народной молве поверье, как мужественные русские «ниндзя» пневматическим оружием, ножами, а то и ребром ладони снимали в ночи часовых, наблюдателей, охрану у дворца. Полноте, господа! Десяток боевых машин в одну секунду взревели, разбудили горы, разорвали покров ночи, и если даже вздремнул нерадивый боец-афганец, атака «шурави» поставит его на ноги и заставит прильнуть к прицелу. В такой обстановке кого там ножом «втихаря» тюкать?.. А потом, сигнал атаки был общим для всех, и до него никто не смел выдвигаться к противнику и наводить в его стане тихий шорох.

А вот еще пример «похмельного победоносья» — образчик крайней жестокости, выдаваемой за великий гуманизм великих

гуманистов Страны Советов. Полковник (позже генерал) Ляховский, проработавший в оперативной группе советников, обратился к мемуарам, в которых есть такая фраза: «Кстати, оставшиеся в живых родные и дети Амина окажутся в СССР, более того, окончат советские вузы». Здорово, правда! Сначала заведомо умышленно, осмысленно, скрупулезно спланированно, целенаправленно, многажды раз убьем, а недострелянных, которым жизнь не в жизнь после перенесенной трагедии, отправим в советские вузы изучать историю международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. (Был такой предмет — ИМКРНОД.)

Интересно, что они услышали на лекциях о своей родине, ставшей на светлый путь коммунистических преобразований — модная тогда тема? И интересно, что им сказали об их отце, дважды убитом на их глазах?

2

Что думала погруженная в свои мысли, статная, не утратившая былой красоты жгучая брюнетка, с неестественно яркой, кричащей сединой в волосах, укрытая с ног до головы черным вдовьим покровом, которая размеренно и, как казалось, бесцельно бродила по залам огромного ташкентского аэропорта? К счастью, войска уже оставили Афганистан, и в округе не стало сотен отпускников, одержимых жаждой вылета на «малую родину» и выпивкой в ближайшем кафе, которое держали корейцы — члены сборной Советского Союза по тхэквондо. Не было полевой расхлябанности, дикого ора и гвалта, братания и винных слез перед расставанием, с громким заверением дружбанов в удаче. Не было толчеи у касс аэрофлота и безбоязненных предложений вслух и громко: возьми хоть чеками и две цены, а хочешь — «Сейко» забери, прекрасно ходят, но только дай билетик, ну хоть один. И Эдик Севастьянов, майор, замначальника службы военных сообщений аэропорта, не сладив вместе с патрулями с расхристанной толпой замученных героикой мальчишек, при форме, медалях, орденах, пойдет раздраженно-устало амбразуру грудью закрывать. Что на севастьяновском сленге означало — принять граммов сто у вечно влажной стойки тети Зины, буфетчицы из аэропортовского ресторана.

Я отмечаю послевоенную тишь в аэропорту и радуюсь тому задним числом, потому что, если бы та женщина в черном платье и с потускневшими глазами увидела весь этот стан бардачных

вояк, ее бы, наверное, пронзила нестерпимая боль, и она, отвернувшись лицом к стенке, заплакала бы, беззвучно и почти не шевелясь. А если бы кто и не постеснялся помешать чужому горю, она бы себя не назвала и словом не обмолвилась бы о причине своих слез…

— Вы знаете, кто та женщина? — спросил меня Эдик Севастьянов и, без паузы, не дожидаясь ответа, явно предвкушая мое изумление, сказал, стараясь подать это буднично, как само собой разумеющееся: — Жена Амина.

Я приостановился. Нет, застыл на месте. Носильщик мягко уперся в меня и беззлобно буркнул нечто традиционное, приличествующее событию и месту. А внутри меня поднималась целая буря эмоций.

— Не верите? — Вопрос майора сослужил добрую службу, и я ушел от неприличного разглядывания «знакомой незнакомки», которую мои товарищи, спецназовцы, в свое время разглядывали через оптический прицел (здесь нет двойного смысла, речь идет именно о сильной оптике) и рассказывали мне, как мила и хороша жена Амина. Я поверил Эдику — с утра он еще не посещал «амбразуру». И вот как раз по дороге туда (с меня причитался «магарыч» за билет на Москву) он-то мне и «рассекретил» события весны девяностого года.

— Она нередко бывает здесь пролетом. Нам звонят, предупреждают быть ненавязчивыми, если нужно, то помочь. В форме мы не рисуемся, чаще всего просим девчонок из таможни — Вику Башкатову, Наташу Штокмар. Она приветливая, говорят девчонки, и очень добрая. И просьб у нее никогда нет. Младший сын учится в Ростове, дочери — в Киеве, или наоборот, и сейчас она едет к ним в гости…

А тот маленький-премаленький, который так и не поднялся с груди отца и никогда не засеменит шажками по земле, — он тоже ведь мог где-то учиться, и его бы навещала мама…

Время спустя поразился тому, что не подошел к женщине, тайну седины которой знаю. Поразился, потому что удачлив был в журналистике во многом за счет предприимчивости и настырности. А здесь даже мысль не пришла, что надо подойти. Ведь другого шанса просто не будет. Думаю, стыд поглотил все желания и мысли…

И еще я понял тогда, как много у нас духовных недорослей, которые считают, что мамы есть только у советских солдат… А еще — и папы есть, посвящающие тем дням трагичным трогательные (подчас до слез) стихотворения. Но, опять же, — своим детям. Не столько просто своим, родненьким, сколько нашенским, советским. Один из советников, Игорь Васильевич

Астапкин (в последующем милицейский генерал-лейтенант и автор ряда песен «про войну в Афганистане» — самая мелодичная из них: «Над горами, цепляя вершины, кружат вертолеты…»), устами, конечно же, своей дочурки вымолвит прочувствованно:

…Ты в письме, помнишь, спрашивал: «Дети!
Привезти вам подарок, какой?»
Ничего нам не надо на свете,
Только ты возвращайся живой!!!..

Кабул, 20.XII.1980 г.

Сергей Климов (я приводил вам строки из его писем), выйдя из «дворцового боя с Амином и его семьей», Новый год встретит в Кабуле. И в знаменательные часы той ночи подарит «однополчанам» песню «В декабре зимы начало», которую написал в первые сутки распаляющейся войны. Эту, пожалуй, первую «афганскую» песню исполняет Юрий Кирсанов. Есть там и такие строфы — и Юра подает их проникновенно: «В декабре меня кроха спросит, потирая озябший нос: „Папа, всем ли подарки приносит в новогоднюю ночь Дед Мороз?“…»

Не всем, девочка!.. Но тебе лучше этого не знать. А еще много-премного лучше: не читать то, о чем я поведаю взрослым — мамам и папам — ниже… Я вас ознакомлю, в продолжение темы, с изощренным словесным изуверством. Как с самим фактом, так и с формой его подачи. А также — с выводом и с лихим утверждением и объяснением, должным, по замыслу автора, пробудить наше сознание и заселить его пониманием произошедшего с намеком на оправдание злонамеренного злодеяния. Цитирую Ляховского: «Члены семьи Амина были посажены в тюрьму… Даже его дочь, которой во время боя перебило ноги, оказалась в камере с холодным бетонным полом. Но милосердие было чуждо людям, у которых, по приказу Амина, были убиты их близкие и родственники. Они жаждали мести». Перебитые ноги… холодный бетон… отсутствие милосердия… жажда мести… — все это воспринимается с пониманием и во все удаляющейся последовательности от страждущей безвинно дочери Амина, к которой — после утверждения «жажды мести» — притупляется само сострадание. А как ловко «закопана в грядках слов» первопричина — «во время боя перебило ноги». Три шалые пули вроде бы сами по себе нашли цель — голени обеих ног и левую коленную чашечку — и метко поразили.

Летом 2007 года российское телевидение предоставило эфир «участникам штурма дворца». Тема интригующая, манящая,

способная собрать большую аудиторию. Смотрели с повышенным вниманием. Зачем «комитетчики» появились на экранах? Напомнить о былом, возродить и воспеть традиции непобедимой силы, влить доброй порцией гордость за славные деяния могучей державы. Вскормить это, уже проходящее и похеренное, чувство у молодежи и вызвать слезы умиления у старшего поколения. И не было опасения, что у думающего телезрителя возникнет как раз иная, совсем противоположная реакция. Впору вздрогнуть от услышанного, нежели восхититься подвигами чекистов. И что забавно — мужики, те самые, на экране телевизора, желая оставаться битый час «инкогнито» (а может, для пущей заинтригованности), упрятали свои лица за масками-тряпочками. Ух, как это смотрелось. Сердобольные старушки замерли и затаили дыхание, поудобнее умостившись в креслах и позабыв о сбегающем на плите молоке…

Знаете, почему «хи-хи»? От КГБ в Кабуле действовали офицеры. Даже лейтенанту в ту пору было под двадцать пять, а уж старшим по званию как минимум на десяток больше. Сейчас им всем за пятьдесят, в такие годы и полковники уходят в запас, на пенсию. Чего это вдруг «вышедшим в тираж» вздумалось валять таинственного «ваньку-дурака» и прятать себя? Да и от кого. По тем беспутным путям, где они прошлись тогда с оружием в руках, случалось, и детишек не оставалось — опознать их будет некому. Потому пусть смело выходят из засады — никому вы не нужны, ребята-дедушки! Хотел дописать более утверждающее — абсолютно никому. Но «озарило»: они себе нужны. И подобало бы им пребывать в ангельской тишине отрешенных, в угрюмости тайны заведомых и умышленных убийств. Одного — Амина, и многих — люда афганского… Негоже им взбираться на трибуны и обозленно роптать о том, чего им в жизни недодали; и как не понимают их сегодня — враги, конечно же, преисполненные коварства недруги — воспитанные плохо и не на той мировоззренческой платформе и скверной почве, и похваляться тем, что надлежит стыдливо похоронить в себе, забыть, как после контузии, и замолчать, как после убиенного слова.

А знаете, почему? За редким исключением, никто из кагэбистов за все эти годы и вскользь не вспомнил спецназ Главного разведуправления, которому они были подчинены — пусть на короткое время, и который вел их за собой, умащивая собой тропу сорокаминутной «малой, дворцовой» войны. Их словно не было никогда. Бойцов, товарищей по оружию. Или у них, униженных и оскорбленных молодцов из Комитета госбезопасности, по определению не может быть товарищей вне стен их корпоративной парафии? А может, все куда проще:

униженный только тогда не очень приземлен, когда вокруг него и все другие — униженные…

Нам есть что переосмысливать в истории и есть чем гордиться. Те же самые парни — «комитетчики» из «Альфы» — не пошли на штурм Белого дома в Москве. Честь им и хвала! И есть ли разница — надлежало убить русского с Урала, украинца из Сум, грузина из Тбилиси или афганца из Кабула?

Ведь Борис Ельцин для кого-то тоже был Амином…

3

Асфальтовая дорога, изгрызенная на крутых поворотах гусеницами боевых машин, через разбитые и расщепленные шлагбаумы и посты спиралью поднялась на площадку перед главным дворцовым входом. Здесь стояли афганские грузовики, наполовину груженные мебелью: освобождали здание для нового ремонта. Солдаты, облепив громоздкий несуразный комод, недружно и с демонстрацией непосильности ноши едва доволокли его к машине и тут же с тяжелым бухом и с нескрываемым облегчением уронили на землю. Старший не сделал замечания, а нам пояснил, что подчиненных ругать не за что — эту побитую осколками и пулями рухлядь в самый раз свезти к дровяному базару. (Есть и такой в Кабуле.) И действительно, искореженные и посеченные дверцы держались одной петлей на «честном слове», а насквозь продырявленные боковины рассекали свет солнца на десятки играющих лучиков. Поинтересовался — какое имущество вывезли и осталось ли что-то во дворце? Словоохотливый афганец рассказал, что его взвод занимается перевозкой третий день, и во дворце, когда они приступили к работе, не было ни одной носимой вещи, только тяжелые — изуродованная мебель, взломанные сейфы. Все остальное, до нитки, унесли другие. Те, кто пришел сюда с автоматом и стрелял. Им и достался бакшиш.

Внутри было холодно, в разбитые окна задувал с гор колючий январский ветер. Оба лифта не работали. Один был загажен испражнениями, второй разворочен, видимо, взрывом гранаты. Полы и лестницы были подметены, во многих местах — тщательно вымыты. Фридрих Бокарев, полковник, который организовал мне эту «экскурсию» — без его инициативы сюда было просто не попасть, — пояснил, что в местах явно заметной чистоты соляркой и бензином замывали кровь. От этих освеженных проталин рябило в глазах — так их было поразбросано, поразметано вокруг. Ощущение — словно ступаешь

по присушенным корочкам коросты, осыпавших тело прокаженного. Стены, лестничные марши и перила, лепнина на потолке и по верху стен, двери в служебные помещения, спальни Амина и детские комнаты — все это было густо помечено оспинами войны.

В одной комнате, явно детской (особое место — в первые годы жизни малыша она кажется ему огромным миром), на потолке были наклеены звезды, крупные и малые, огромный лунный серп в пепельном свете и Сатурн, если судить по предрассветному небесному пейзажу, планета Венера, сияющая над восточным горизонтом как утренняя звезда, и еще одна, очень яркая, наверное, Юпитер, наиболее важная для народов Азии по причине своего 12-летнего календарного цикла. В центре небесного свода — мусульманский полумесяц со звездой, обрамленный полем насыщенной яркой зелени. Почему в небесах помещен луг, в толк не мог взять. Да можно ли вообще распознать и расшифровать полет воображения ребенка, его милые бредни? Ему так захотелось, ему так увиделось — загадочны сознание и душа малыша. Лучше бы попросить, чтобы он сам рассказал… Но об этих планетах, выложенных детской нелогичной закономерностью по потолку-небу, мы никогда и ничего не узнаем. И тайна звезд — как и тайна зеленого островного лужка, вкрапленного неожиданностью и нечаянной радостью, восторгом детской фантазии в созвездия придуманной и вымечтанной им Вселенной, — погребена навсегда вместе с маленьким тельцем ее создателя.

И еще я увидел на коробке входной двери свежую черточку-царапину (не гранаты след — фломастера). Так мамы помечают рост своего чада, и, повторяя год за годом этот священноподобный семейный ритуал «выцарапывания» по дереву, забираясь пометками все выше и выше от пола, радуются возмужанию и зрелости своей кровинушки. Эта отметка в своем сиротливом одиночестве останется навечно зарубкой без продолжения, как прерванная жизнь…

В правом крыле здания — просторный кабинет. Высоко и неровно висит люстра с каскадом хрустальных граненых подвесок, добрая половина которых посечена и изломана. Узнаю: по люстрам палили из автоматов любители мелких сувениров. А может, все куда проще: один додумался — остальные поддержали. В глубине большой стол, на полу разбросаны бумаги, письменные принадлежности, книги. Бокарев поясняет, словно стыдясь беспорядка: «Не все еще просмотрели, приказано не трогать». Несмотря на бедлам и раздор, следы роскоши не скрыть — она восточная, аляпистая, замысловато-витиеватая,

европейскому глазу чуждая и непонятная. Но и не для них все это создавалось и творилось, чтобы прислушиваться к их мнению, потакать чужим вкусам. Европейцев сюда не приглашали… Как Фридриха Михайловича, как, впрочем, и меня, и сотни тысяч других наших соотечественников. Приблизительно так я рассуждал про себя, подавляя желание сказать об этом вслух полковнику, досаждавшему своими умозаключениями о бутафорской фальшивости, мещанской тяге к яркому и эффектному, пошловатой роскоши Востока.

Через два года я снова побываю в этом кабинете. После моей командировки по воинским частям, проводившим операции в горах, с новым командующим 40-й армии генералом Ермаковым Виктором Федоровичем — третьим по счету, — мы более часа будем вести беседу, и времени будет предостаточно для того, чтобы внимательно оглядеться и с тоской вспомнить ту «восточную пошловатую роскошь», на смену которой пришла сухая аскетическая скромность с ярко выраженным безликим казарменным вкусом и портретом товарища Брежнева в «красном углу», которому оставалось висеть считаные недели…

По узенькой крутой лестнице поднялись на чердак. Он оказался неожиданно грязным, неустроенным. Беспорядочно валялись ящики с пыльными плафонами, абажурами, софитами, что удивительно, целыми, не побитыми после всего здесь произошедшего. Шаткие дощатые мостики поднимались к люкам заржавленных водопроводных резервуаров. Стропила подгнили, местами их поддерживали такие же трухлявые подпорки. Торопился Амин с переездом или недосмотрел качество ремонта? Затхлое убожество без… следов боя. Во время штурма чердак в левом крыле здания оставался закрытым на замок, и никто из атакующих туда даже не «рыпнулся» и вообще не поинтересовался. Хотя элементарные меры предосторожности, не говоря уже о самой сути тактики ведения боевых действий в городе, к тому просто обязывают, и во все времена неукоснительно соблюдались бойцами и командирами, яко «Отче наш». Вот так-то воевали, «аховые воители» на отдельно взятом квадратном метре чердачной площади при взятии отдельно стоящего дома-дворца… Да что уж теперь! Поубивали, кого приказали и кто на пути стал. Хрипло доложили, восторгнулись выполнением главной задачи, а там — и трава не расти. Процесс еще предстоял — пошарить надобно было по сусекам. В сейфе, в кармане — хоть что-то, да и перепадет. А на чердаке что? Пылища вековая. Небось домовой обитает. Да эти вот лампочки в коробах. Хотя и лампочка в палатке бы сгодилась…

А может, напрасно я так о них — зло и строго? Им не чердак

нужен был — Амин. А его настигли этажом ниже — и туда мы завернули. Деревянная (из благородных пород, отметил полковник) позолоченная стойка бара. Явный, хорошо видимый, бьющий в глаза след автоматной очереди, аккуратно искромсавшей резьбу — без щепок, осколков древесины и заусениц. В одном месте — очень кучно и густо. Ею был убит Амин, заметил полковник. Попытался извлечь пулю (сувенир не сувенир, а порыв был), но они все слишком глубоко ушли в дерево — не удалось. (Полковник увидел мои потуги: «Не пытайтесь — напрасный труд, сблизи стреляли — не выковырять, если только раму не распилить».) Следов разрывов от гранат и снарядов рядом не было (без полковника заприметил).

Не прошли мы и мимо библиотеки. И угораздило ж меня туда зайти! Я видел расстрелянные книги. Убитую арабскую вязь, писанную от руки и переплетенную в телячью шкуру, искусно и старательно вычиненную натруженными руками великих безымянных мастеров-умельцев. Животным, благородно послужившим науке, истории и человечеству, исполнилось бы сегодня далеко за тысячу лет. Трогать и смотреть позволили, брать с собой — нет. Хотя вопрос так не стоял. Вопрос был сформулирован несколько иначе — понятно, что с определенным неудобством для полковника и других, с кем об этом говорил: шкафы, стеллажи, полки почти пусты — это стало возможным благодаря чему, или — кому? Давились словами и мялись, сопели и гнев на себя напускали. А собравшись с духом, сказали: «Да наши, сволочи, разграбили». И успокоили, видимо, только себя: «Но мы находим и по возможности изымаем». Полковник Фридрих не рекомендовал фотографировать — и я безропотно подчинился…

Традиции живы… Матросня грабила Зимний и перенасиловала женский батальон, защищавший дворец, где на втором этаже размещался госпиталь на 1000 мест. Он был создан по прямому указанию Николая Второго еще в 1915 году и никак не мог быть стратегическим объектом, заслуживающим внимания атаки на «ура». Командир женского батальона, Мария Бочкарева, Георгиевский кавалер, осталась чудом жива и рассказала о «чудесах храбрости» остервенелых ублюдков ленинской зарождающейся гвардии. Убивали даже тяжелораненых в кроватях. В Варшаве, Праге, Дрездене, Лейпциге, Берлине победители вырезали из багетовых рам полотна великих живописцев и только в одном Берлине истерзали более ста тысяч женщин. А кто посчитал количество поруганных девочек, девушек, женщин по всей Германии в тот победный май сорок пятого? Я, естественно, не могу апеллировать к адресным

свидетельствам моих респондентов, тщедушных и хлипких старичков-фронтовиков, много мне рассказавших, при условии «инкогнито», о странных злодеяниях товарищей и своем участии в них. Поэтому в заключение приведу зарубежные данные. В 1992 году на Берлинском кинофестивале был представлен документальный фильм и свидетельства очевидцев о том, как в 1945 году солдаты и офицеры Красной Армии изнасиловали 2 миллиона женщин в Польше и Германии. Некоторые свидетельницы, которым было тогда 15–16 лет, рассказывали, что были насилованы всей командой до 100 раз. В некоторых случаях, чтобы не попасть под трибунал, после надругательства девочек тут же расстреливали.

Это было поколение, которое затем воспитало мое. Мы не знаем, через какие угрызения совести, какое чувство вины и личные трагедии прошла их жизнь и мораль. Я не могу поверить, что через 15–16 лет, глядя на своих подрастающих дочерей, они не вспомнили о тех несчастных польках и немках. Мы не знаем и в большинстве случаев можем лишь предполагать те мучительные коллизии, которыми наполнены души многих участников, в качестве трофея взявших себе сексуальное удовлетворение. В современных условиях нашего общества, за градом патриотического пустословия людей, не обладающих даже элементарными знаниями психологии и медицины, но усердно льющих воду на мельницу шароварного ура-патриотизма, практически нет хоть какой-нибудь методически обоснованной реабилитационной деятельности. А моральные девиации — отклонения от нормального курса — оказались вообще вне российской психиатрической науки. А значит, следующее поколение не защищено от прямой или косвенной трансляции скрытого криминального и полукриминального опыта.

Из Тадж-Бека вымели все, вплоть до дуршлагов с кухни и швабр. Не дорвались до женских тел потому, наверное, что не успели — их увезли. Такую же картину разудалого грабежа и татаро-монгольского опустошения я наблюдал в прилегающем к дворцу ресторане, выстроенном под стилизованную летающую тарелку. (Тот самый, в котором бойцы заказывали новогодний бал.) Словно предчувствуя эпоху предпринимательского накопительства, в баре раскурочили и унесли оборудование для производства ледяных кубиков, миксеры, небольшие холодильники и морозильные камеры — по тем временам штука диковинная для рязанских и азиатских парeньков. Не оставили розеток, лампочек, мыла, разноцветной финской туалетной бумаги.

Из трофеев и мне перепало — замполит Анвар Сатаров

презентовал мне две перьевые ручки с письменного стола Амина, я их передал в музей истории Вооруженных сил. Не безвозмездно. Взамен мне показали китель Адольфа Гитлера, хранящийся в заказниках. Случилось какое-то невольное и довольно условное объединение, роднение двух диктаторов — большого и маленького. Застрелившегося и застреленного. В одном случае — под воздействием, в другом — при непосредственном воздействии «русиш» и «шурави». Что в переводе с немецкого и персидского языков — один черт: русско-советских… Сатарову — чтоб не было обид — я рассказал о передаче его подарка в музей.

— Правильно сделали. Плохо, что прячут в заказнике. Не выставят же они нашу стыдобу напоказ. Как и мундир Гитлера, как и его череп, как пеньюар супруги Николая Второго… Наш позор далеко спрячут.

Анвару нельзя было не поверить. В Советской Армии замполиты знали все и разбирались во всем. И в картофельных очистках, когда изобличали в недобросовестно исполняемой работе нерадивого солдата, отрабатывающего наряд по кухне, и в политике партии, когда на политзанятиях втемяшивали в ветреную голову тому же солдату величие задач и планов очередной пятилетки…

А еще ладно так, хотя и чуток докучливо, свысока, вздернув носик, вдалбливали солдату на фоне политической карты мира что-то насчет интернационального долга…

Я рассказывал об офицере, который «на семи ветрах» читал мне стихи Махтумкули. Он же в стане «мусульманского батальона» за крепким зеленым чаем, круто заваренным на костерке и пропахшим дымком (или то были запахи пепелища разоренного дворца?), показал книгу — прекрасный перевод с французского Мориса Ваксмахера.

— От «комитетчиков» осталась, забыл кто-то из них, — сказал, перелистывая потрепанные страницы, лейтенант.

Мы читали Ренана. «L'homme fut des milliers d'annees un fou, apres avoir ete des milliers d'annees un animal» — «Тысячелетиями человек был животным, чтобы потом еще тысячелетия провести в безумии».

Всполох тысячелетия — ночь безумства — был перед нами. Белые снега, гладкие, как сахарная глазурь, прикрыли буро-желтую кровь, похожую на конскую мочу на деревенском проселке, и припрятали следы атаки. Белым-бело окрест, и дом припорошенный. Черными язвами зияли бойницы обгорелых пустых оконных проемов. Остов сожженного БТР у подножия крученой дороги в гору, уткнувшегося смоленым курносым носом-передком в… ни во что. В лилейное безмолвие. Та,

остановившая его намедни единственная преграда, — метнувшаяся из мгновений мраков ночи, когда Василий Праута, уподобившись сумасбродному всемогущему Зевсу, катал, разбрасывал по небу и земле шаровые молнии, — с ужасающим воплем влетела в бока, прорвалась вовнутрь, полыхнула, забрызгала огнем и осколками люд и металл, разметала все в тесной замкнутости брони, встукивая тела и головы солдат в грубое железо, и — поубивала. Основательно прогоревшая вчера еще машина отмылась пламенем пожарища от копоти, масляных подтеков, пороха в разорвавшихся снарядах и крови бойцов. Незаржавевшая пока еще банка, лишенная всякой грозности, стояла немощной и не стращала своей немотой и проявленным к ней неуважением. Издали, за метельной пеленой, БТР напоминал неуклюжий бабушкин ночной горшок, и под него ходили мочиться солдаты…

Посыпал снег. За его плотной завесой с рождественскими разводами — блестками, как это виделось в малолетстве, мерцал дворец. Поверженный, израненный боем и мертвый в победе. Он смотрелся декорацией, но не из детской сказки. Был дом тот замком-привидением. В нем, в этом заброшенном до поры обиталище войны, не могло быть самих привидений. Там не осталось ничего сущего, живого. Там даже не осмеливались бродить призраки и сникли духи…

Скажите, с каких столетий вести отсчет тысячелетию безумства? Скажите приблизительную дату, чтобы детям нашим подать надежду — мир меняется к лучшему. Хлеб в достатке на столе, золотая плаха солнечного лучика по утрам касается заспанных лиц наших сыновей и дочерей, и еще — никого не принуждают убивать, и никого не надо убивать…

А на титуле сборника Ренана владелец написал: «Книга Иванова»…

Не тот ли, часом, что окончил Сорбонну? Он, Иванов, его, Ренана, всего ли прочитал, постиг ли?.. Не проглядел ли чего главного? Тех же строк о тысячелетии, проводимом в безумии…

Эпилог

На том месте, где обитал «мусульманский батальон» — формировался, жил и служил, — теперь разместился отряд спецназа армии Узбекистана. Как утверждает Александр Александрович Коробейников (мы с ним общались в ноябре 2009 года), прослуживший в бригаде с 1974-го (тридцать четыре года, и два из них в Афганистане): «Армия как армия, не хуже других. Боевая подготовка на должном уровне. Совершаем прыжки, только вот технику десантировали крайний раз в 1997 году. Построили возле медпункта новую двухэтажную столовую. Из старых строений остался только штаб. А так вроде бы все по-прежнему, только люди поменялись, новая поросль в десантники подалась».

В середине восьмидесятых на территории располагался учебный полк, которым командовал, как похвалялись его подчиненные, легендарный подполковник Хабиб Холбаев. Позже «легенду» определят в один из районных военкоматов города Ташкента. Только после развала СССР о нем вспомнят и предложат должность командующего Армейским корпусом армии Узбекистана.

Тот «мусульманский батальон» жив: в прыжках с парашютом и в раскосых глазах, в воспоминаниях и бережливой памяти ветеранов, изредка — рукописях. А первые, истые «мусульмане» — офицеры образца 1979 года — вышли в запас. Сержанты, солдаты уволены еще много раньше, и — кто где. Узнал, что вместе они никогда не собираются, никаких праздников и годовщин, связанных именно с «мусульманским батальоном», не отмечают. Разве что эту, горькую, — день штурма дворца Тадж-Бек, дворца Амина. Единственную боевую задачу, ради которой их сбили в профессиональную стаю, готовили, тренировали, забросили и — швырнули в атаку. Ночную и, как оказалось, в навечно непроглядную тьму. Заложники чужой зловещей воли и невольно обреченные, они погружены во мрак пожизненной темницы — срама, и стороннего для них — бесчестия. Точнее, их погрузили, чтобы потом, чуть позже, не скупясь — это денег не стоит, — отметить наградами, и очень честно, с неприпрятанной корыстью, забыть. И не просто надолго забыть. Их, живых, похоронили, и — навсегда! Не пожаловав им счастливого случая ни отмолиться, ни отплеваться, ни отлаяться, ни отчураться. И потому эти безвинные «лиходеи поневоле» — вмажут, тяпнут, бахнут, зальют. Кто как и кто сколько может. Бог им судья! — всяк себе хорош.

Давайте на этом и закончим — мне надо валидол под язык положить. Дал слово своей жене и детям — никогда не возьмусь за перо и не вернусь в залы дворца. Мне путь туда заказан. Путь этот — в никуда. В немеркнущее, черт бы его побрал, даже с годами, бесславие!.. Там, в ночи полной луны — кровавой Селены, такой она являет вид каждый раз, проплывая над дворцом — в полнолуние бродит неприбранная душа пятилетнего мальчика и безутешная душа его отца. Я бы очень хотел, чтобы они встретились, притулились друг к другу, и пусть голова мальчика-духа возляжет и упокоится на груди отца-духа. И чтобы не было на свете и во тьме силы, способной разделить их и разорвать это нетленное союзничество мерцающего слияния душ. Неприкаянных доселе по злому року неправедной войны и людской — никогда-никогда не оправдываемой! — подлости, со знаком сознательно совершенного и до сих пор еще не замоленного, а потому и не отмщенного пока преступления. Перед одной — светлой, невинной детской душой, и другой — темной и греховной. Пусть они пребудут там в тиши и умиротворении и с улыбками на губах… От этой фантазии мне легче.

Мысль пришла однажды: милосерд Аллах, и воистину проявил себя таковым, прибирая к себе с земли и с груди отца тело маленького мальчика. Милосерд в том, что не дал ему долгих лет, обрекая тем самым на неизбывную свирепую боль и всежизненную неприкаянную маяту-каторгу от увиденного, ощущенного, осмысленного и пережитого. Милосерд Аллах — их Бог! Он неспешно разверзнет очи праведному совестливому человеку. Он на закате пути, как притомившемуся путнику, подаст ему глоток живительной влаги — вышнего откровения и личного откровения души, и озарит осознанием истины. Но в конце. В конце пути. На старости лет, чтобы не мучился и не терзался человек грешный до того часа своего — последнего. А пусть себе во здравии пока что пребывает и в заблуждении, что все, им совершенное, есть правильное и верное: так ему легче брести, в слепом неведении сотворенного, злого. Пусть плечи не гнутся к земле под грузом ошибок. И глаза пускай во здравии блестят — еще не вечер, еще светла дорога! Пусть идет по ней человек. Пусть род свой длит. Пусть дети его продолжатся в отце своем. Но когда уже пришел и дошел уморенный, и на пороге предела оказался, и чада его у смертного одра сгрудились, — уготовит ему Творец шанс откровения и покаяния истинного. И осветится божественное чистосердечие — так ли я жил, так ли завет исполнил и свое предназначение на земле. Пронзит постижение во всем, праведном, и в таком уразумеется, если

причастен к событию той декабрьской ночи, что они… Что они не убили Хафизуллу Амина — они бросили зерно в землю. И то дало ростки и проросло. Вызрело гроздьями гнева, затребовав для созревания обильного полива. Кровью. Нашего народа. Народа Афганистана. Урожай бесконечен, безбрежен. Плодовитость страшная. Нескончаема и по сей день. Обилие страданий, боли, трагедий, изувечий. И жатва смертей. Нива бесславия…

Отворилось четвертое десятилетие со дня штурма резиденции президента Афганистана Хафизуллы Амина, вторжения советских войск и начала долгой, кровавой, лютой, страшной войны. Народ наш и по сей день так и не сумел залечить раны. Ошибку советских руководителей уже не исправить и не подправить. Трагедия перешла границы Афганистана и расползается по Азии, по всему миру. Увы!..

Тот, кому пасторством и послушанием дано такое право, — пусть отпустит грехи, а мы — давайте простим… Там, где кровь, там нет правых…

Всех простим!.. В надежде светлой покаянья…

notes

Примечания

1

(лат.) — ГОРЕ ПОБЕДИТЕЛЯМ!